

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2025 – 2**

Издается с 1974 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.4

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Государство и право»:

Умнова-Конюхова И.А. – гл. ред., д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН);
Алферова Е.В. – зам. гл. ред., канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Алешкова И.А.* –
канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Андриченко Л.В.* – д-р юрид. наук,
профессор (ИЗиСП при Правительстве РФ); *Бурдина Е.В.* – д-р юрид. наук, до-
цент (Рос. гос. ун-т правосудия (РГУП)); *Вакула М.А.* – канд. юрид. наук, про-
фессор (Юрид. ин-т РУДН); *Васильева Т.А.* – д-р юрид. наук (ИГП РАН); *Гло-
тов С.А.* – д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН); *Грудцына Л.Ю.* – д-р
юрид. наук, профессор (Рос. гос. акад. интелл. собственности, РГАИС); *Егоро-
ва М.А.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. ун-т им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)); *Ефременко Д.В.* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *Карицкая А.А.* – д-р
юрид. наук, профессор (Рос. гос. ун-т нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина);
Коданева С.И. – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Кравец И.А.* – д-р
юрид. наук, профессор (Ин-т философии и права, юрид. ф-т Новосиб. гос. ун-та);
Красиков Д.В. – канд. юрид. наук, доцент (Сарат. гос. юрид. акад.); *Крысано-
ва Н.В.* – канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Лапаева В.В.* – д-р юрид. наук (ИГП
РАН); *Лужина А.Н.* – канд. юрид. наук, доцент (РГУП); *Манова Н.С.* – д-р юрид.
наук, профессор (Сарат. гос. юрид. акад.); *Пудовочкин Ю.Е.* – д-р юрид. наук,
профессор (Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА)); *Толстых В.Л.* –
д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА));
Ястребова А.Ю. – д-р юрид. наук, доцент (Дипломат. акад. МИД России).

Включен в перечень журналов ВАК и Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.00

ISSN 2219-861X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80872 от 21.04.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА, МЕДИЦИНА И ПРАВО

<i>Умнова-Конюхова И.А.</i> Право на здоровье: актуальные аспекты природы, содержания и регулирования в международном и национальном праве (Статья)	7
<i>Алешкова И.А.</i> Принципы охраны здоровья как основа социального государства (Статья)	26
<i>Комарова В.В.</i> Биотехнологии и их роль в реализации права человека на жизнь и права на здоровье (Статья)	38
<i>Коданева С.И.</i> Правовые аспекты использования метавселенной в медицине и здравоохранении (Статья)	51
<i>Алферова Е.В., Скурко Е.В.</i> Национальные системы компенсации ущерба, причиненного медицинским обслуживанием (опыт Франции, Италии, Нидерландов, Великобритании) (Обзорная статья)	66
<i>Гроголь А.Г.</i> Здравоохранение в Германии в условиях цифровизации: правовые аспекты (Обзор)	81

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Публично-правовые науки

<i>Рябцева Е.В.</i> Борьба с коррупцией в современном мире: антикоррупционные практики (Обзор)	89
<i>Ульянов А.В.</i> Рецензия на книгу: Организационно-правовой механизм обеспечения устойчивого водопользования в Российской Федерации / отв. ред. О.А. Романова	100

Частноправовые (цивилистические) науки

<i>Крысанова Н.В.</i> Частноправовые и публично-правовые аспекты предпринимательской деятельности (Обзор)	108
---	-----

<i>Кикавец В.В.</i> Государственные закупки в Китайской Народной Республике: особенности правового регулирования (Статья)	120
<i>Лужина А.Н., Сазонова Т.В.</i> Особенности защиты прав владельцев помещений в многоквартирных домах: на примере взыскания морального вреда с управляющих организаций (Статья)	131

Международно-правовые исследования

<i>Ястребова А.Ю.</i> Международно-правовые аспекты защиты прав детей (Обзор)	143
<i>Захаров Т.В.</i> Международно-правовое измерение современного развития информационно-коммуникационных технологий (Обзор)	156

Новые книги на полках Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН

<i>Алферов О.Л., Алферова Е.В.</i> Искусство и право: рациональные и иррациональные, цивилистические и нравственные основания взаимодействия (Обзор)	167
<i>Скурко Е.В.</i> Рецензия на книгу: Эстетика права: от методологии к формам проявления / под ред. Камиля Зейдлера, Джоанны Камьен	179
<i>Глотов С.А.</i> Рецензия на книгу: Спорт и права человека / под ред. В. Буайле, С. Веертс, А.Р. Зиглера	186

CONTENTS

ISSUE THEME HUMAN HEALTH, MEDICINE AND LAW

<i>Umnova-Koniukhova I.A.</i> The Right to Health: Actual Aspects of Nature, Content and Regulation in International and National Law (Article)	7
<i>Aleshkova I.A.</i> Principles of health protection as the Basis of the Social State (Article)	26
<i>Komarova V.V.</i> Biotechnologies and Their Role in the Realization of the Human Right to Life and the Right to Health (Article)	38
<i>Kodaneva S.I.</i> Legal Aspects of Using the Metaverse in Medicine and Healthcare (Article)	51
<i>Alferova E.V., Skurko E.V.</i> National Systems of Compensation for Damage Caused by Medical Care (Experience of France, Italy, the Netherlands, Great Britain) (Review article)	66
<i>Grogol A.G.</i> Healthcare in Germany in the Context of Digitalization: Legal Aspects (Review)	81

NEW SCIENTIFIC LEGAL RESEARCH

Public Law Research

<i>Ryabtseva E.V.</i> Fight Against Corruption in the Modern World: Anti-Corruption Practices (Review)	89
<i>Ulyanov A.V.</i> Book Review: The Organizational and Legal Mechanism for Ensuring Sustainable Water Use in the Russian Federation: monograph / ed. by O.A. Romanova	100

Private Law (Civil Law) Studies

<i>Krysanova N.V.</i> Private Law and Public Law Aspects of Entrepreneurial Activity (Review)	108
---	-----

<i>Kikavets V.V.</i> Public Procurement in China: Features of Legal Regulation (Article)	120
<i>Luzhina A.N., Sazonova T.V.</i> Peculiarities of Protecting the Rights of Owners of Premises in Apartment Buildings: Using the Example of Collecting Moral Damages from Management Organizations. (Article)	131

International Legal Studies

<i>Yastrebova A.Yu.</i> International Legal Aspects to Protect Children's Rights (Review).....	143
<i>Zakharov T.V.</i> The International Legal Dimension of the Modern Development of Information and Communication Technologies (Review)	156

New Books on the Shelves of the INION Fundamental of the Russian Academi of Sciences

<i>Alferov O.L., Alferova E.V.</i> Art and law: rational and irrational, civilistic and moral grounds for interaction (Review)	167
<i>Skurko E.V.</i> Book review: Aesthetics of Law: From Methodology to Manifestations / ed. Kamil Zeidler, Joanna Kamien	179
<i>Glotov S.A.</i> Book review: Sports and Human Rights / eds. Veronique Boillet, Sophie Weerts, Andreas R. Ziegler	186

ТЕМА НОМЕРА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА, МЕДИЦИНА И ПРАВО

УДК 34.01

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.01

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А.¹ ПРАВО НА ЗДОРОВЬЕ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДЫ, СОДЕРЖАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ (Статья)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности природы, содержания и регулирования права на здоровье в международном и национальном праве. На примере преимущественно стран Европы и постсоветского пространства утверждается, что в конституциях государств в целом учитываются положения универсальных и региональных международно-правовых актов. Отмечается, что в конституциях одних государств право на здоровье или право на охрану здоровья закрепляется отдельно, в других – вместе с иными, близкими по смыслу правами, обязанностями и гарантиями. Проводятся дифференциации права на здоровье, на производные права и обязанности в сфере здравоохранения и медицины, в контексте права на глобальную безопасность рассматриваются проблемы защиты права на здоровье в чрезвычайных ситуациях. Отдельное внимание уделено особенностям правового регулирования права на здоровье в Российской Федерации.

Ключевые слова: право на здоровье; право на охрану здоровья; право на медицинскую помощь; международное право; конституции; национальное законодательство; пациенты; особо уязвимые люди; глобальная безопасность.

¹ Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, главный научный сотрудник отдела правопедания ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор.

UMNOVA-KONIUKHOVA I.A. The Right to Health: Actual Aspects of Nature, Content and Regulation in International and National Law (Article)

Abstract. The article examines the specifics of the nature, content and regulation of the right to health in international and national law. Using the example of mainly European and post-Soviet countries, it is argued that the constitutions of countries generally take into account the provisions of universal and regional international legal acts. It is noted that in the constitutions of some countries, the right to health or the right to health protection is fixed separately, in others – together with other rights, duties and guarantees that are similar in meaning. The differentiation of the right to health into derivative rights and obligations in the field of health and medicine is carried out, in the context of the right to global security, the problems of protecting the right to health in emergency situations are considered. Special attention is paid to the specifics of the legal regulation of the right to health in the Russian Federation.

Keywords: the right to health; the right to health protection; the right to medical care; international law; constitutions; national legislation; patients; especially vulnerable people; global security.

Для цитирования: Умнова-Конюхова И.А. Право на здоровье: актуальные аспекты природы, содержания и регулирования в международном и национальном праве (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 7–25. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.01

Введение

Здоровье человека является сегодня объектом всесторонней правовой защиты и главным показателем благополучия людей. Комплексный подход к пониманию здоровья изначально был обозначен в современном универсальном международном праве. В Уставе Всемирной организации здравоохранения 1946 г. определено, что здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. Здоровье человека приоритетно оценивается и в докладах ООН о развитии человеческого потенциала на основе Индекса человеческого развития (ИЧР). Этот сводный показатель включает данные по трем направлениям человеческого развития: ожидаемая продолжительность жизни, доступ

к образованию и величина валового национального дохода (ВНД) на душу населения. Первый из показателей – продолжительность жизни предопределяется состоянием здоровья людей.

В правовом контексте здоровье защищается как естественное благо, на которое каждый человек имеет право. Научный и практический интерес к праву на здоровье неуклонно растет в связи с развитием новых технологий, расширением возможностей по его охране и защите, с одной стороны, и ростом угроз и вызовов человеку и человеческой цивилизации – с другой.

Природа и содержание права на здоровье в международном праве и конституциях государств. В современной научной доктрине общепризнанно, что право на здоровье – это фундаментальное универсальное субъективное право, которое относится одновременно и к средствам реализации других прав и свобод¹. Право человека на здоровье является естественным, неотъемлемым и неотчуждаемым. По своей природе это право относится как к личным, так и к социальным.

Личностный характер проявляется в том, что право индивидуализирует человека и способствует формированию его свободы, реализации потенциала и способностей, т.е. возможности беспрепятственного выбора разных вариантов поведения для сохранения здоровья и осуществления, благодаря этому, активной жизнедеятельности.

Социальная природа состоит в том, что здоровье рассматривается как одно из благ, характеризующих уровень жизни. Защита этого блага уже не может осуществляться только самим человеком. В определенных случаях в этом участвуют государство, общество, а также специалисты в области медицины. Именно такой, социальный контекст подразумевается во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 25 которой устанавливает, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который требуется для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам. Таким образом, провоз-

¹ Nampewo Z., Heaven M.J., Wolf J. Respecting, Protecting and Fulfilling the Human Right to Health // International Journal for Equity in Health. – 2022. – N 21/36. – P. 1–2.

глашается, что люди имеют право на уровень жизни, достаточный для поддержания здоровья, и, что особенно важно, право на различные другие основополагающие факторы, определяющие здоровье, такие как здоровое питание, одежда и жилье, а также медицинское обслуживание.

В международно-правовых актах, национальном законодательстве государств и научной литературе встречаются различные правовые нарративы – «право на здоровье» и «право на охрану здоровья», которые в большинстве случаев рассматриваются законодателями и правоприменительными органами как синонимы. Тем не менее это разные понятия. Право на здоровье является более общей, родовой категорией, и его конкретизация позволяет выделить различные аспекты содержания данного права. В частности, право на здоровье включает в себя право на наивысший уровень достижения физического и психического здоровья (ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.); право на охрану здоровья (ст. 5 Международной конвенции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. и ст. 11 Европейской социальной хартии 1996 г.); право на пользование наиболее усовершенствованными услугами системы охраны здоровья и методами лечения заболеваний и восстановления здоровья (ст. 24 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г.); право на охрану собственного здоровья тем способом, которым это позволяют делать существующие средства профилактики и лечения заболеваний, чтобы иметь возможность достичь наивысшего для себя уровня здоровья (ч. 1 Декларации о политике в области обеспечения прав пациента в Европе 1994 г.).

Среди перечисленных правовых нарративов особо оживленная дискуссия развернулась вокруг формулировки всеобщего права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, провозглашенного в Международном пакте 1966 г. об экономических, социальных и культурных правах. Вариативность критериев оценки реализации данного права привела к тому, что сам нарратив «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья» так до сих пор и не подкреплён ясными правовыми стандартами. Эксперты отмечают, что понятие «наивысший достижимый» стандарт не определяет, является ли он «наивысшим достижимым» или «максимально достижимым» при

должном учете всех других соображений, включая моральные права и стоящие цели»¹.

Право на здоровье как неотъемлемое, основное право человека значительно конкретизируется на региональном уровне в таких актах, как Европейская социальная хартия 1961 г. (пересмотренная в 1996 г.), Дополнительный протокол к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав 1988 г., Африканская хартия о правах и благосостоянии ребенка 1990 г., Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 1995 г. (ред. 2022 г.). В региональном международном праве повышенное внимание уделяется гарантиям и мерам по защите и реализации рассматриваемого права. Так, ст. 11 Европейской социальной хартии включает в себя определенные меры, которые призваны обеспечить наиболее эффективное осуществление права на охрану здоровья. Согласно ст. 15 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека в целях обеспечения эффективного осуществления права на охрану здоровья, стороны обязуются непосредственно или в сотрудничестве с государственными или частными организациями, предпринимать соответствующие меры, направленные, в частности: а) на устранение в максимально возможной степени причин ухудшения здоровья; б) обеспечение консультативных услуг и учебной базы для укрепления здоровья и поощрения личной ответственности в вопросах здоровья; в) обеспечение санитарно-гигиенических условий, предотвращающих в максимально возможной степени возникновение эпидемических, эндемических и других заболеваний.

Так же, как и в международном праве, в конституциях государств право на здоровье закрепляется в различных формулировках. На примере стран Европы и постсоветского пространства можно утверждать, что в конституциях значительно учитываются положения универсальных и региональных международно-правовых актов. Основное различие состоит в том, что в конституциях одних государств право на здоровье или право на охрану здоровья закрепляется отдельно, в других – вместе с иными, близкими по смыслу правами, обязанностями и гарантиями.

¹ Raz J. Human Rights in the Emerging World Order // Transnational Legal Theory. – 2010. – N 1 (1). – P. 31–47. – URL: https://www.academia.edu/8400064/Human_Rights_in_the_Emerging_World_Order https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1497055 (дата обращения: 30.01.2025).

Согласно конституционным формулировкам ряда европейских и постсоветских стран, каждый имеет право:

- на здоровье (ст. 32 Конституции Италии 1947 г.);
- физическое и психическое здоровье (ст. 68 Конституции Сербии 2006 г., ст. XX Конституции Венгрии 2011 г.);
- охрану здоровья (ст. 43 Конституции Испании 1978 г., ст. 33 Конституции Румынии 1991 г., ст. 55 Конституции Албании 1998 г., ст. 38 Конституции Таджикистана 1994 г. в ред. 2016 г., ст. 29 Конституции Казахстана 1995 г., ст. 36 Конституции Молдовы 1994 г., ст. 28 Конституции Эстонии 1992 г.);
- охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции Российской Федерации 1993 г., ст. 41 Конституции Азербайджана 1995 г.);
- охрану здоровья, социальную и медицинскую помощь (ст. 23 Конституции Бельгии 1994 г. в ред. 2000 г.);
- на охрану здоровья и квалифицированное медицинское обслуживание (ст. 48 Конституции Узбекистана 1992 г.);
- охрану здоровья и медицинское страхование (ст. 43 Конституции Кыргызской Республики 2021 г.);
- охрану здоровья и обязанность его охранять и укреплять (ст. 64 Конституции Португалии 1976 г.);
- охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом (ст. 45 Конституции Республики Беларусь 1994 г. в ред. 2022 г.).

Несмотря на различия в формулировках общих конституционный смысл права на здоровье состоит в его привязке к обязанностям государства по охране здоровья человека и созданию условий для реализации рассматриваемого права. Близкие по смыслу формулировки можно встретить и в конституциях стран Латинской и Центральной Америки, Африки, Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона. Например, согласно ст. Конституции Кубы 1976 г. в ред. 2002 г., все имеют право на заботу об их здоровье и на его охрану (ст. 50). В соответствии со ст. Конституции Боливарианской Республики Венесуэлы 1999 г. каждый имеет право на защиту здоровья (ст. 84). Стоит отметить, что даже в тех странах, где право на здоровье не закреплено непосредственно в конституции, наличие обязанности по реализации государством данного права вытекает из конституционных функций и полномочий органов публичной власти.

Дифференциация права на здоровье и производные права и обязанности в сфере здравоохранения и медицины. Право

на здоровье как фундаментальное право дифференцируется по различным критериям, порождая значительное многообразие производных от него позитивных прав и обязанностей. На это обращают внимание, в частности, Дженнифер Хэвен (доктор права, доцент юридического факультета, заведующая кафедрой публичного и международного права и содиректор Центра управления, развития и прав человека Американского университета в Нигерии), Джонатан Вулф, британский философ, профессор колледжа Вольфсона Оксфордского университета) и Захара Нампево (преподаватель юридического факультета, руководитель Центра по правам человека и миру Университета Макерере в Уганде), которые подчеркивают, что право на здоровье обеспечивается прежде всего позитивным правом на медицинскую помощь, и если права человека универсальны, то, по-видимому, они создают универсальные позитивные обязательства¹.

С точки зрения факторов, от которых зависит здоровье человека (среда обитания, продукты питания, медицинское обслуживание, условия труда и жизни и т.п.) производными от права на здоровье являются права на здоровую окружающую среду, на здоровое питание и безопасные продукты питания, на чистый воздух и чистую воду, на доступность и качество медицинских услуг или на качественное медицинское обслуживание, на качественное жилье и безопасные условия труда, отвечающие санитарно-гигиеническим требованиям, на профилактические медицинские услуги, на доступ к медицинским технологиям и пр. В определенной мере эти права имеют и самостоятельное значение, а некоторые из них даже могут приобретать фундаментальный характер по мере роста их значимости (например, право на здоровую окружающую среду²).

Основной подход в дифференциации права на здоровье связан с разграничением производных прав и обязанностей по субъектам – носителям и исполнителям рассматриваемого права. Можно выделить две категории субъектов в сфере здравоохранения и медицины: бенефициаров, или носителей права на здоровье, и исполнителей, обеспечивающих реализацию данного права, т.е. обладающих соответствующими обязанностями.

¹ Nampewo Z., Heaven J., Wolf J. Op. cit. – 2022. – N 21/36. – P. 2.

² Rochford F. Environmental Personhood New Trajectories in Law. – New York: Routledge, 2024. – 106 p.

Субъектами права – бенефициарами выступают индивиды – пациенты и клиенты, которым оказывается медицинская помощь или услуги. Их правовой статус зависит от возраста, социального положения, общего состояния здоровья и других показателей. На международно-правовом уровне и в национальном законодательстве выделение производных прав на здоровье таких субъектов осуществляется в разнообразных правовых актах.

Так, дифференциация права на здоровье проводится в международных конвенциях ООН о расовой дискриминации 1965 г., о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., о правах ребенка 1989 г., о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей 1990 г., о правах инвалидов 2006 г. и др. В этих договорах содержится подтверждение и дальнейшая детализация права на здоровье применительно к конкретным группам людей.

В конституциях некоторых государств также можно встретить дифференцированное регулирование права на здоровье. Например, согласно ст. 29 Конституции Чешской Республики 1992 г. и ст. 38 Конституции Словакии 1992 г., женщины, молодежь и лица с нарушениями здоровья имеют право на повышенную охрану здоровья, а в процессе труда и на особые условия труда. Молодежь и лица с нарушениями здоровья имеют право на особую защиту в трудовых отношениях и на помощь в овладении профессией. В соответствии со ст. 64 Конституции Хорватии 1990 г. дети не могут быть приняты на работу до достижения ими установленного возраста, а также принуждаться к труду, который наносит вред их здоровью и нравственности. Молодежь, женщины-матери и инвалиды имеют право на особую защиту по месту работы.

По категориям людей, нуждающихся в специальной защите, разграничиваются права на здоровье особо уязвимых людей, т.е. больных, детей, беременных женщин, пожилых людей, инвалидов, лиц с низким доходом, которым недоступны некоторые платные медицинские услуги и т.п. Права больных в свою очередь также дифференцируются на права лиц с орфанными (редкими) и смертельно опасными заболеваниями, психически больных, наркозависимых, страдающих алкоголизмом, туберкулезом, ВИЧ-инфекцией, опасными вирусными заболеваниями и пр.

Особая категория носителей права на здоровье – пациент постепенно приобретает самостоятельный правовой статус. Международная Хартия прав пациентов на безопасность от 16 апреля 2024 г., разработанная на базе ВОЗ, является ключевым докумен-

том, направленным на поддержку реализации Глобального плана действий по обеспечению безопасности пациентов на 2021–2030 гг. «Устранение предотвратимого вреда в сфере здравоохранения»¹. Хартия содержит десять основных прав пациентов: 1) на своевременный, эффективный и надлежащий уход, 2) безопасные процессы и практику оказания медицинской помощи, 3) квалифицированных и компетентных медицинских работников, 4) безопасные медицинские изделия и их безопасное и рациональное использование, 5) безопасные медицинские учреждения, 6) на достоинство и уважение, 7) недискриминацию, неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность, 8) доступ к медицинским записям, 9) на то, чтобы быть выслушанным и на справедливое решение, 10) на участие пациента и его семьи.

Интересно отметить еще более раннее формирование Всероссийским Союзом пациентов института «прав пациентов». 28 мая 2010 г. на Первом Всероссийском конгрессе пациентов в г. Москве была принята Декларация о правах пациента в России. В ней закреплены права пациентов на профилактические мероприятия, на доступность медицинской помощи, на информацию, на информированное согласие и на отказ от медицинского вмешательства, на свободу выбора, на защиту частной жизни и конфиденциальность информации, на уважение личного времени пациента, на соблюдение стандартов, на безопасность, на инновации, на исключение боли и страданий, на индивидуальное лечение, на жалобы и претензии, на возмещение ущерба, на защиту. Закрепляются также права членов семьи пациента². Сравнение двух документов свидетельствует о значительном совпадении их содержания, однако, российская Декларация выглядит более детальной в контексте защиты человека и его интересов.

Особо защищаемая категория пациентов – социально уязвимые группы людей. Эти слои населения не имеют доступа к тому, чем могут пользоваться люди с материальным достатком. Например, угроза туберкулеза распространена во многих странах по причине недостатка средств на его лечение как у государства, так

¹ Patient Safety Rights Charter. – 2024. – 16 Apr. – 12 p. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240093249> (дата обращения 12.02.2025).

² Первый Всероссийский конгресс пациентов и пациентских обществ принял за основу Декларацию о правах пациентов // Информационный портал Правомед. ру. – 2010. – 29.05. – URL: <http://pravo-med.ru/news/4056/> (дата обращения: 05.01.2025).

и у самих больных. Члены уязвимых групп могут подвергаться дополнительным рискам, что произошло, в частности, во время пандемии COVID-19, когда люди из низших социально-экономических слоев имели больше сопутствующих заболеваний из-за их повышенной восприимчивости к инфекции и тяжелым заболеваниям¹.

В негативном понимании обязанность обеспечения здоровья лежит на самом человеке, в позитивном – на субъектах, обладающих соответствующей компетенцией, медицинскими знаниями и навыками. Право на здоровье и производные от него права налагают ряд обязательств на других людей, организации, юридические лица, государства, корпорации, НПО и международное сообщество. При этом наблюдается постоянный рост обязанностей и ответственности.

Основой определения круга обязанных субъектов может служить концепция солидарной ответственности человека, государства, негосударственных исполнителей и международной общности. Среди субъектов, выполняющих свои медицинские обязательства, выделяется государство, которое должно взять на себя ведущую роль в эффективном гарантировании права на здоровье, принимать необходимые меры для обеспечения социальных, правовых и медико-санитарных условий человеческой жизнедеятельности. Для смягчения нагрузки государств некоторые ученые считают важным усилить степень международного участия. Так, еще до пандемии COVID-19 ученые Оксфордского университета предложили для реализации права на здоровье и медицинскую помощь следующий принцип смягчения роста государственных обязанностей: «в первую очередь ответственность за соблюдение права человека на здоровье несет государство, но если государство не в состоянии его обеспечить, то эта обязанность ложится на международное сообщество»².

В лице государства и специализированных негосударственных образований, субъектами, несущими обязанности в сфере ме-

¹ Understanding the Differential Impacts of COVID-19 Among Hospitalised Patients in South Africa for Equitable Response / Phaswana-Mafuya N., Shisana O., Jassat W., Baral S.D., Makofane K., Phalane E., Zuma K., Zungu N., Chadyiwa M. // South African medical journal. – 2021. – Vol. 111, N 11. – P. 1084–1085.

² Wolf J. The Content of the Human Right to Health // Philosophical Foundations of Human Rights / eds. Cruft R., Liao M., Renzo M. – Oxford, 2015. – P. 491–501.

дицины и здравоохранения и обеспечивающими право на здоровье, выступают, во-первых, органы публичной власти, государственные, муниципальные или частные медицинские организации и учреждения, лечебно-профилактические учреждения, медицинские институты и иные специализированные субъекты, ответственные за предоставление медицинской помощи и медицинских услуг; во-вторых, медицинские работники, т.е. врачи, медсестры (медбратья), фельдшеры, санитарки (санитары) и т.д., непосредственно оказывающие медицинскую помощь и медицинские услуги.

Современные правоведы предлагают делить негосударственных носителей обязанностей или исполнителей (non-state duty bearers) на следующие группы: 1) основные носители юридических обязанностей по уходу – например, родители для детей, учителя для студентов, полиция для подозреваемых в совершении преступлений, врачи / медсестры для пациентов, работодатели для наемных работников; 2) второстепенные носители обязанностей – например, учреждения и организации с непосредственной юрисдикцией над основными носителями обязанностей, например, директорами школ, общественными организациями, администрацией больниц и т.д.; 3) третичные носители обязанностей – например, учреждения и организации более высокого уровня / с более удаленной юрисдикцией (НПО, агентства по оказанию помощи, организации частного сектора); 4) внешние носители обязательств – страны, учреждения, организации, не имеющие прямого участия, например, ООН, Совет Безопасности, ВТО, ЕС, Африканский союз и т.д.; 5) частные лица, корпорации, коммерческие структуры¹.

Новым направлением дифференциации права на здоровье является формирование производных прав и обязанностей в сфере биомедицинских технологий, тесно связанных в свою очередь с биологическими и медицинскими правами и обязанностями. Достижения в области генетики и наук о жизни в целом, особенно после первых успешных попыток рекомбинации ДНК и развития современной биотехнологии, направили интересы на исследование этических проблем, связанных с различными формами обработки генома и стремительным развитием генетических технологий на будущее. В этих условиях право на здоровье опосредуется новыми правами на репродуктивное здоровье, на смену пола, на биобез-

¹ Nampewo Z., Heaven M.J., Wolf J. Respecting, Protecting and Fulfilling the Human Right to Health // International Journal for Equity in Health. – 2022. – N 21/36. – P. 2–3.

опасность, биологическую идентичность, биологическую и генетическую неприкосновенность и т.п.¹ Современная биоэтика продолжает связывать со здоровьем и более традиционные темы, такие как допустимость аборт, трансплантации или экспериментов над животными, оценивая новые технологические данные, которые существенно влияют на соответствующий этический подход².

Взаимосвязь права на здоровье с биомедицинскими правами и обязанностями лишь частично урегулирована в международном праве, в частности, в Конвенции Совета Европы о правах человека и биомедицине 1997 г. (известной как Конвенция Овьедо) и дополнительных протоколах к ней о запрещении клонирования человека (1998), о трансплантации тканей и органов (2002), о биомедицинских исследованиях (2005) и о генетических данных для целей здравоохранения (2008). Важными документами «мягкого права» являются Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (1997), Международная декларация о генетических данных человека (2003), Декларация ЮНЕСКО по биоэтике и правам человека (2006), которые служат ориентиром для развития национального законодательства.

В обеспечении реализации права на здоровье, реализуемого во взаимосвязи с новыми правами человека в области биотехнологий и медицины все большую роль будут играть суды. По мнению Такиса Видалиса (доктор философии юридического факультета Афинского университета, член Европейской группы по этике в науке и новых технологиях (EGE), эксперт греческой национальной комиссии по биоэтике и техноэтике), в ближайшем будущем для расширения роли судов будут важны два элемента. Во-первых, по мере увеличения числа новых заявлений вполне реально ожидать пропорционального увеличения числа судебных разбирательств и прецедентного права, как это продемонстрировано на примерах вспомогательной репродукции и патентов в области биологических технологий. Во-вторых, действующее законода-

¹ Pattinson Sh.D. Law at the Frontiers of Biomedicine. – Oxford, 2023. – 236 p.; Herdegen M. The International Law of Biotechnology: Human Rights, Trade, Patents, Health and the Environment. – Second Ed. – Northampton, 2023. – 218 p.; Garland F., Travis M. Intersex Embodiment Legal Frameworks beyond Identity and Disorder. – Bristol, 2023. – 218 p.; Law, Practice and Politics of Forensic DNA Profiling. Forensic Genetics and their Technolegal Worlds / eds. Victor Toom, Matthias Wienroth, Amade M'Charek. – New York; London, 2023 – 273 p.

² Vidalis T. The Emergence of Biolaw: The European Experience and the Evolutionary Approach. – 2022. – P. 6–7.

тельство в области биомедицины уже затрагивает сферу медицинской ответственности, содержание которой основано в основном на прецедентном праве. Развитие и дальнейшая проработка этой области кажутся неизбежными, поскольку в судах рассматриваются новые случаи врачебной халатности, связанные с использованием передовых технологий¹.

Право на глобальную безопасность и защита права на здоровье в чрезвычайных ситуациях. Пандемия (COVID-19) актуализировала обсуждение вопросов регулирования права на глобальную безопасность и формирования действенного института чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющего международное значение. (PHEIC – Public Health Emergency of International Concern).

30 января 2020 г. Генеральный директор ВОЗ Тедрос Адхан Гебрейесус объявил вспышку нового коронавируса (COVID-19) чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение – PHEIC, используя свои полномочия, вытекающие из Международных правил здравоохранения (International Health Regulations, UNTS 2509, 2005)². Эти Правила в совокупности Международными санитарными правилами 1959 г. являются сегодня единственным комплексным юридически обязательным Договором, регулирующим глобальную безопасность в области здравоохранения. Возникновение коронавирусной инфекции потребовало от государств своевременных мер по ограничению распространения инфекции. Многие из принятых для этого мер были оценены в научных кругах как односторонние и протекционистские³. По мнению Марка Экклстона-Тернера (старший преподаватель кафедры глобального здравоохранения школы Юриспруденции в Королевском колледже Лондона) и Клэр Уэнхем (доктор политических наук, доцент кафедры

¹ Vidalis T. Op. cit. – P. 5–6.

² Заявление по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 (nCoV) // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: [https://www.who.int/ru/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/ru/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov)) (дата обращения: 11.01.2025).

³ Рюленс М., Ваутерс Я. COVID-19: испытания и потрясения для глобального управления в сфере здравоохранения // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 70–98. – На рус. и англ. яз.

глобального здравоохранения в Лондонской школе экономики и политических отношений) целый ряд государств сосредоточили больше внимание на прекращении распространения вируса из Китая, чем на подготовке национальных систем здравоохранения¹. Лишь немногие государства восприняли новый коронавирус как «реальную» угрозу внутри страны, своевременно оценив потенциал и ресурсы (как людские, так и клинические) для противодействия пандемии. Таким образом, во многих странах появление патогена застало правительства врасплох, и они оказались не в состоянии бороться с инфекцией².

Эта позиция высказывается и отечественными правоведами применительно к национальным правовым системам обеспечения права на здоровье. Так, Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский отмечают, что, несмотря на попытки подготовиться к кризисным ситуациям, прописыванию в нормативных актах соответствующих положений, реально ни система управления, ни правовая система не были готовы к кризису, вызванному пандемией COVID-19³. По мнению В.В. Пучковой, право на медицинскую помощь было ограничено в начале пандемии в связи с долгим исследованием анализов пациентов и их частой неточности, недостоверности⁴. Е.В. Шатоха считает, что качество медицинской помощи было низким в связи с недостаточным количеством медицинских работников, уровнем их квалификации, отсутствием специальных порядков и стандартов

¹ Eccleston-Turner M., Wenham C. Declaring a Public Health Emergency of International Concern // *Between International Law and Politics*. – 2021. – P. 1. – URL: https://www.researchgate.net/publication/355419500_Declaring_a_Public_Health_Emergency_of_International_Concern_Between_International_Law_and_Politics (дата обращения: 21.01.2025).

² *Ibid.* – P. 13.

³ Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Правовые аспекты реформирования системы государственного управления защитой населения и территорий при чрезвычайных ситуациях: уроки пандемии COVID-19 // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. – 2020. – № 5 (69). – С. 134.

⁴ Пучкова В.В. Реализация конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в период распространения коронавирусной инфекции // *Право и государство: теория и практика*. – 2021. – № 3 (195). – С. 122.

оказания медицинской помощи в сложившихся обстоятельствах¹. Было также ограничено оказание плановой медпомощи².

В связи с COVID-19 и сбоем механизмов управления во всем мире, включая неэффективность Международных правил здравоохранения, становится все более вероятным, что многие правовые регуляторы будут пересмотрены. Уже существует несколько структур, изучающих способность противодействия пандемиям: Независимая группа по обеспечению готовности к пандемии и реагированию на нее, Комитет по обзору Международных правил здравоохранения, Независимая консультативная надзорная группа Программы по чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения. Каждая из этих структур в определенной степени пришла к одному и тому же выводу, что нынешние Международные правила здравоохранения работают не так, как предполагалось, и многие государства начали рассматривать возможность изменения политики глобальных действий по предотвращению будущих эпидемий и пандемий³.

Особенности правового регулирования права на здоровье в Российской Федерации. Первое упоминание о праве граждан на здоровье появилась лишь в Конституции СССР 1977 г. (ст. 42) и соответственно в Конституции РСФСР 1978 г. (ст. 40). В современной России система прав и обязанностей в сфере охраны здоровья определена Конституцией РФ 1993 г. и гл. 4 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об основах охраны здоровья).

Конституция РФ в ст. 41 декларирует, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Согласно ст. 37 каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. В ст. 42 закрепляется право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о

¹ Шатоха Е.В. Право на качественную медицинскую помощь как неотъемлемое составляющее права на жизнь в Российской Федерации // Научные горизонты. – 2020. – № 2 (30). – С. 168.

² О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19: приказ Минздрава России от 19.03.2020 № 198 н. – URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 10.01.2025).

³ Eccleston-Turner M., Wenham C. Declaring a Public Health Emergency of International Concern // *Between International Law and Politics*. – 2021. – P. 10–14.

ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью. В соответствии со ст. 55 здоровье людей как ценность и цель государственной политики может выступить основанием для ограничения прав и свобод человека. Отдельное внимание в Конституции РФ уделяется здоровью детей, инвалидов, пожилых людей и гарантиям оказываемой им медицинской помощи (ст. 7, 38, 39, 41, 67.1 и др.).

В отличие от прав обязанности в сфере охраны здоровья и медицины менее четко выделены в Конституции РФ. Тем не менее их наличие выводится из толкования содержания отдельных конституционных статей. Так, исходя из конституционного положения о том, что забота о детях – равное право и обязанность родителей (ч. 2 ст. 38) вытекает конституционная обязанность родителей заботиться о здоровье детей. Поправками 2020 г. в Конституцию РФ к числу новых предметов ведения были отнесены вопросы формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью (п. «ж» ч. 1 ст. 72). Тем самым впервые на конституционном уровне была косвенным образом закреплена обязанность каждого человека следить за своим здоровьем и бережно относиться к нему.

Более подробно рассматриваемые права и обязанности перечислены в вышеупомянутом Федеральном законе об основах охраны здоровья. В перечень прав включены права на охрану здоровья, на медицинскую помощь, на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства, на выбор врача и медицинской организации, на информацию о состоянии здоровья и о факторах, влияющих на здоровье. В качестве отдельных видов определяются права на охрану здоровья и на получение медицинской помощи работников, занятых на отдельных видах работ; военнослужащих и лиц, приравненных по медицинскому обеспечению к военнослужащим; лиц, задержанных, заключенных под стражу, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста.

Обязанности в сфере охраны здоровья закреплены в ст. 27 Федерального закона об основах охраны здоровья. Речь идет об обязанностях заботиться о сохранении своего здоровья; проходить медицинские осмотры, в случаях, предусмотренных законодательством РФ; проходить медицинское обследование и лечение от заболеваний, представляющих опасность для окружающих, а также заниматься профилактикой этих заболеваний. Лица, находящиеся

на лечении, обязаны соблюдать режим лечения, в том числе определенный на период их временной нетрудоспособности, и правила поведения пациента в медицинских организациях.

Как уже было отмечено ранее, право на охрану здоровья закреплено в Российской Федерации во взаимосвязи с правом на медицинскую помощь. Оба эти права являются составными элементами права на здоровье. В правовой науке обращается внимание на то, что вопросы доступности и качества медицинской помощи и оказываемых медицинских услуг все чаще выступает предметом спора в судебных инстанциях. Наиболее остро стоит проблема сокращения перечня оказываемых бесплатных медицинских услуг, что является не последним фактором в тенденции снижения общего качества оказываемых медицинских услуг¹. А.А. Мохов отмечает, что «практика рыночно ориентированной медицины, организационные и финансовые особенности функционирования отрасли ориентируют управленцев и врачей на активное “навязывание” платных медицинских услуг»².

Актуальной проблемой совершенствования правового регулирования права на здоровье является защищенность здоровья населения в период чрезвычайных ситуаций. Наряду с Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», правовые нормы, регулирующие вопросы обеспечения здоровья в условиях чрезвычайной ситуации, содержатся в различных отраслях законодательства (административное, лесное, градостроительное и др.), а также концентрируются в менее доступных для населения подзаконных актах (например, постановление Правительства РФ от 30.12. 2003 № 794 (ред. от 17.01.2024) «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»). В настоящее время в отечественной правовой науке ставится задача систематизации законодательства о чрезвычайных ситуациях для более эффективной реализации управленческих задач³.

¹ Туркин М.М., Пушкарская Е.В. Социально-правовые вопросы охраны здоровья в Российской Федерации и США // Закон и право. – 2020. – № 6. – С. 73–76.

² Мохов А.А. Принципы правового регулирования государственной модели национального здравоохранения // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 3 (124). – С. 90.

³ Мохов А.А. Указ соч. – С. 90–91.

Еще одна активно обсуждаемая в отечественной юридической науке проблема связана с внедрением телемедицинских технологий. Федеральный закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья», принятый в целях внедрения телемедицинских технологий, рассматривается как важный шаг в решении проблем доступности качественной медицинской помощи в Российской Федерации. С одной стороны, телемедицина обеспечивает возможность дистанционного мониторинга состояния пациентов, влияет на скорость и эффективность лечения пациентов, повышает оперативность оказания медицинской помощи. С другой стороны, высок риск постановки ошибочных диагнозов, влекущих негативные последствия для пациентов, что свидетельствует о необходимости определения границ использования телемедицины, а также признания того факта, что переход на удаленное консультирование не должен заменять очную диагностику заболеваний и непосредственное медицинское обслуживание, когда это возможно.

Современные меры по цифровизации медицины¹ должны основываться на знаниях том, что существует немало сдерживающих факторов, таких как недоверие людей к онлайн-медицине, нерешенность вопросов защиты персональных данных пациентов при оказании телемедицинских технологий; нехватка квалифицированных медицинских работников, которые готовы оказывать телемедицинские услуги; трудности с переобучением медицинских работников в сфере компьютерных технологий и пр., преодоление которых в перспективе необходимо.

Заключение

Право на здоровье является одним из краеугольных фундаментальных прав, обеспечивающих полноценность жизни, повышение благосостояния и создающих возможности развития человека. Право на здоровье – одно из основных прав человека, общепризнанное в международном праве и специально выделенное в Конституции РФ и конституциях других государств. По своей природе оно относится одновременно к личным и социальным.

¹ См., напр.: Цифровая платформа «ДОБРОДЕЛ»: официальный сайт. – URL: <https://dobrodel.mosreg.ru/> (дата обращения: 16.01.2025).

Рассматриваемое право является достаточно широким по содержанию понятием, включающим в себя различные права и обязанности, а также гарантии их реализации. Можно выделить два процесса развития содержания права на здоровье: дифференциацию и глобализацию. С одной стороны, содержание права на здоровье раскрывается путем его дифференциации на производные права и обязанности в сфере здравоохранения и медицины, определяемые в международном и национальном праве. С другой стороны, проблемы защиты права на здоровье в чрезвычайных ситуациях выводят на задачу создания механизма коллективной международно-правовой защиты права на глобальную безопасность в сфере здравоохранения.

Рассмотрение особенностей правового регулирования права на здоровье в Российской Федерации позволяет не только раскрыть сложившуюся систему законодательства в сфере здравоохранения и медицины, но и выявить наиболее актуальные аспекты правового обеспечения и реализации данного права.

АЛЕШКОВА И.А.¹ ПРИНЦИПЫ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (Статья)

Аннотация. В статье рассматриваются принципы охраны здоровья, которые, с одной стороны, выполняют самостоятельную функцию в регулировании общественных отношений, с другой – непосредственно связаны с принципами социального государства. В совокупности они оказывают воздействие на организацию социального обеспечения и деятельность в сфере здравоохранения, а также обеспечивают адаптацию социального законодательства конституционным предписаниям. Автор обосновывает тезис о том, что принципы охраны здоровья – взаимосвязанные между собой компоненты, которые составляют один из основных элементов социального государства – правовой модуль «охрана здоровья». В рамках данной статьи рассматриваются особенности такого правового модуля².

Ключевые слова: принципы конституционного права; право на охрану здоровья человека; социальное государство; система принципов конституционного права; правовой модуль; принципы охраны здоровья

ALESHKOVA I.A. Principles of Health Protection as the Basis of the Social State (Article)

Abstract. The article examines the principles of health protection, on the one hand, it performs an independent function in regulating pub-

¹ Алешкова Ирина Александровна, ведущий научный сотрудник отдела правопедания ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² Под *правовым модулем* автор понимает совокупность принципов, регулирующих отношения в определенной сфере (например, в сфере охраны здоровья), являющихся частью определенной модели (например, модели социального государства) и выполняющих определенную функцию в механизме правового регулирования.

lic relations, on the other hand, it is directly related to the principles of the welfare state. Together, they have an impact on the organization of social security and activities in the field of healthcare, as well as ensure the adaptation of social legislation to constitutional requirements. The author substantiates the thesis according to which the principles of health protection are interrelated components that make up one of the main elements of the welfare state – the legal module “health protection”. This article discusses the specifics of such a legal module.

Keywords: principles of constitutional law; right to protection of human health; welfare state; system of principles of constitutional law; legal module; principles of health protection.

Для цитирования: Алешкова И.А. Принципы охраны здоровья как основа социального государства (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 26–37. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.02

Введение

Здоровье является неимущественным благом и целью для защиты которого используются не только правовое регулирование и политика, но и научное творчество¹. Особенно интересны научные исследования, которые раскрывают взаимосвязи механизма охраны здоровья и права², изучают проблемы реализации принци-

¹ Епифанова Е.В. Содержательная характеристика и принципы публично-правового регулирования охраны здоровья граждан в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. – 2022. – № 3 (50). – С. 153–167; Da Silva M. From Moral Rights to Legal Rights? Lessons from Healthcare Contexts // Developing World Bioethics. – 2024. – Vol. 24. – P. 21–30.

² Сазин С.Т. Понятие, сущность и взаимосвязь конституционных прав на жизнь и на охрану здоровья // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 4. – С. 39–45; Ястребов О.А. Биомедицина и право: взаимодействие и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Юридические науки. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 9–13; Комарова В.В. Защита здоровья граждан как основной элемент обеспечения права на жизнь и особенности его реализации в чрезвычайных ситуациях // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 10. – С. 15–23.

пов права на охрану здоровья¹ и функционирования системы организации охраны здоровья².

Исследования системных взаимосвязей принципов в области охраны здоровья способствуют совершенствованию практики реализации конституционного принципа социального государства.

Принцип социального государства – явление, с одной стороны, статичное, с другой – динамичное. Как категория конституционного права и один из принципов конституционного строя, он является устоявшимся в праве. Вместе с тем, как правовая модель он получает содержательное наполнение в различных отраслях права. Модели реализации концепции социального государства осуществляются через правовые модули. Через них концепция социальной политики государства насыщается предметным содержанием регулирования социальных отношений. Более того, посредством принципов, включаемых в правовые модули, традиционно устанавливаются социальные обязательства³. Несмотря на то что выражение «правовой модуль» редко используется в юриспруденции, оно вполне позволяет в сложноорганизованной системе права определить особенности каждого из взаимосвязанных между собой правовых элементов.

Принципы охраны здоровья как важный элемент конституционной модели социального государства. Здоровье как нематериальное благо традиционно определяется как ценность. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О указано, что здоровье человека – высшее неотчуждаемое благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности. Анализ Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что здоровье – это *индивидуальное и общественное благо* (ч. 2 ст. 7; ст. 41 и 42; п. «ж» ст. 72; ч. 2 ст. 74). При этом исходя из того, что здоровье – сложносоставная категория, предполагающая

¹ Мнение пациентов о полноте реализации принципов охраны здоровья граждан в Российской Федерации / Олейник А.В., Мушников Д.Л., Садовникова Н.А., Гареев Р.М., Соболевская О.В. // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». – 2021. – Т. 23, № 6. – С. 268–275.

² Семенцов И.В., Оруджашвили Л.А., Хатизова А.А. Система организации охраны здоровья: проблемы и перспективы разрешения // Universum: медицина и фармакология: электрон. научный журнал. – 2024. – № 1 (106). – URL: <https://7universum.com/ru/med/archive/item/16633> (дата обращения: 24.01.2025).

³ Путило Н.В. Лоренц фон Штейн о системе и структуре социального законодательства // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2024. – № 1. – С. 52–58.

физическое, психическое и социальное благополучие, право на охрану здоровья вполне возможно рассматривать как принцип права¹ для множества сфер общественных отношений.

Применительно к конституционной модели социального государства, право на охрану здоровья рассматривается как принцип конституционного права, определяющий цель, для обеспечения которой реализуются принципы социального государства, охраны здоровья, оказания медицинской помощи и др. Они составляют основу для правового регулирования *социального* законодательства, выступают *правовой* формой реализации *социальной* функции *государства*, определяют цели охраны здоровья. Исходя из них проводится долгосрочная государственная политика², разрабатываются концепции³ и расставляются приоритеты⁴.

С учетом принципов охраны здоровья конституционная доктрина социального государства развивается в решениях Конституционного и Верховного судов РФ⁵. Принципы охраны здоровья находят свое отражение в конституционном, экологическом и трудовом праве, а также праве социального обеспечения. Эти принципы можно определить как элементы нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области биоправа и медицинского права. Они как регуляторы выступают одним из компонентов в институте охраны здоровья, здорового образа жизни, экологического и санитарно-эпидемиологического благополучия, здорового питания, оказания медицинской помощи, социальной защиты и др.

¹ Варламова Н.В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 6 (157). – С. 146–171.

² Хрычикова А.С., Смелова С.В. Правовые аспекты социальной защиты общественного здоровья в Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 2. – С. 82–85.

³ Богданова Е.Н. Концепция правового регулирования охраны здоровья детей // Правопорядок: история, теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 9–15.

⁴ Boot E.R. The Public Interest: Clarifying a Legal Concept // Ratio Juris. – 2024. – Vol. 37. – P. 110–129; Платонова Н.И. Укрепление общественного и личного здоровья: правовой аспект // Медицинское право. – 2024. – № 3. – С. 18–24.

⁵ Умнова-Конюхова И.А., Костылева Е.Д. Конституционная доктрина социального государства в решениях Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации на примере защиты социальных прав // Правосудие. – 2023. – № 2. – С. 110–131.

На их основе формируются взаимосвязанные принципы социальной защиты¹.

Таким образом, принципы охраны здоровья как часть социального права и законодательства рассматриваются как конституционные принципы, которые проявляются в статьях различных законов и выступают предпосылкой в формировании многообразных институтов российского права. Совокупность принципов охраны здоровья представляет определенный правовой модуль и является частью конституционно-правовой модели социального государства.

Также правовые модули имеют важное значение при введении определенных правовых режимов, например правовой модуль, состоящий из принципов охраны здоровья, учитывался при установлении режима повышенной готовности, вводимого в период COVID-19². С учетом правового модуля охраны здоровья сформированы принципы правового статуса пациента, медицинских работников и других субъектов права³. Обоснованно это тем, что охрана здоровья является *комплексом мероприятий* в системе социальной защиты населения. Данный комплекс затрагивает разнообразные отношения, в частности, охрану здоровья и медицинскую помощь. В совокупности все это является частью конституционно-правовой модели социального государства.

Систематизация и реализация принципов охраны здоровья. Провозглашая права на охрану здоровья и медицинскую помощь как фундаментальные конституционные права, государство обязано осуществлять комплекс мер по сохранению и укреплению здоровья населения, в том числе посредством развития государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения, установления правовых гарантий получения каждым необходимой медико-социальной помощи.

¹ Пресняков М.В. Проблема содержательной определенности и конституционной защиты социальных прав // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 16–23.

² См.: Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ (ред. от 15.03.2023) «О введении режима повышенной готовности».

³ Данилов Е.О. О правовом статусе медицинских работников вообще и врачей в частности // Медицинское право. – 2023. – № 2. – С. 7–11; Кравец И.А. Биоэтические векторы достоинства и культурного разнообразия в конституционной и международной биоюриспруденции: перспективы конституционализации биобезопасности и достижения биоэтического благополучия // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 7–17 и др.

Признание охраны здоровья граждан как неотъемлемого условия жизни общества, ответственности государства за сохранение и укрепление здоровья граждан предопределяет содержание комплексного и системного правового регулирования отношений, связанных с управлением здравоохранением и спортом.

Существование частного и публичного в отношениях, возникающих в сфере охраны здоровья, а также многообразие принципов, закреплённых в нормативных правовых актах, многоуровневость сферы правового регулирования, связанных с охраной здоровья, обуславливают важность их системной взаимосвязи и органического единства.

В числе способов их систематизации можно выделить интеграцию, адаптацию и кооперацию. *Интеграция* как процесс объединения частей в целое позволяет конструировать сложносоставные модели, образуя единую систему. *Адаптация* принципов охраны здоровья позволяет, в зависимости от ситуации, осуществить, в частности, их приспособление к регулированию отношений в условиях новых вызовов и угроз с целью уменьшения, нивелирования их вредного воздействия, обеспечения физического, психического и социального благополучия человека, предоставления качественной и доступной медицинской помощи (медицинских услуг), а также защиты прав и законных интересов граждан. *Кооперация* как способ систематизации принципов охраны здоровья позволяет обеспечить системную взаимосвязь принципов, закреплённых в нормативных правовых актах и принципов, сформулированных в судебной практике.

Отмеченные способы систематизации принципов охраны здоровья позволяют при осуществлении правового регулирования и правоприменения достигать баланса частных и публичных интересов, укреплять социальную солидарность, как способность граждан к объединению ради достижения общей цели, и обеспечивать действенное достижение целей и решения задач – сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан, укрепление здоровья населения, предусмотренных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. В области охраны здоровья и определения гарантий права граждан на охрану здоровья, а также формирования порядка их предоставления именно интеграция, адаптация и кооперация как способы систематизации принципов права в области охраны здоровья позволяют организовать в единую систему

регуляторов принципы из различных отраслей права и на их основе выстраивать систему мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического) характера.

Принципы охраны здоровья – это не простая линейная совокупность императивных установок, закрепленных в статьях закона, а определенный перечень долженствований, содержащихся как в различных законах, так и в судебных решениях. Их систематизация возможна в определенных формах. Наиболее распространенной формой является нормативный правовой акт.

На международном уровне принципы охраны здоровья детально разработаны и закреплены в ряде документов. Так, например, в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозглашается: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи».

Согласно ст. 7 Конституции РФ, Российская Федерация как социальное государство охраняет здоровье людей. Детализация понятия «социальное государство» дается в ст. 41 Конституции РФ, предусматривающей три основных аспекта охраны здоровья: финансовый, организационный и правовой. Согласно этой статье медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения в России оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений (ч. 1), Российская Федерация финансирует федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимает меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряет деятельность, способствующую укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию (ч. 2).

В ст. 4 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусмотрены следующие принципы охраны здоровья: соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий; приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи; приоритет охраны здоровья детей; социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья; ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должност-

ных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья; доступность и качество медицинской помощи; недопустимость отказа в оказании медицинской помощи; приоритет профилактики в сфере охраны здоровья; соблюдение врачебной тайны.

В ст. 2 Закона г. Москвы от 17.03.2010 № 7 (ред. от 08.06.2022) «Об охране здоровья в городе Москве» установлено, что органы государственной власти города Москвы реализуют государственную политику в сфере охраны здоровья населения города Москвы, основываясь на следующих основных принципах: соблюдение прав человека и гражданина в сфере охраны здоровья и обеспечение соответствующих государственных гарантий; приоритет профилактических мер в сфере охраны здоровья населения города Москвы; доступность медико-социальной помощи; социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья; ответственность органов государственной власти города Москвы и организаций независимо от формы собственности за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья населения города Москвы; взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти и организациями.

Практическое применение конституционных принципов охраны здоровья и формулирование новых принципов наблюдается в судебной деятельности. Так, например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 12.10.2023 № 47-П, вынесенном после рассмотрения дела «О проверке конституционности ч. 1 ст. 65 Федерального закона “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и ч. 2 ст. 379.5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Елисеева» в п. 3 подчеркивается, что *забота о сохранении и укреплении здоровья граждан образует одну из основополагающих конституционных обязанностей государства.*

В Определении Верховного Суда РФ от 13.11.2013 по делу № 50-АПГ13–10 был выявлен *принцип социальной защищенности медицинских и иных работников сферы охраны здоровья.* В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.10.2019 № 14-КГ19-10 на основе системной взаимосвязи нормативных положений федерального и регионального законодательства был выражен принцип охраны здоровья граждан в Российской Федерации – *соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение реализации этих прав государственными гарантиями.*

Таким образом, социальное государство, для того чтобы быть таковым, должно заботиться о благополучии своих граждан¹. Особенно это важно в условиях интенсивного развития новых технологий. В связи с этим актуальным является *принцип доступности лекарств, который служит важнейшей гарантией здоровья человека*².

Принципы охраны здоровья взаимосвязаны с императивами правового регулирования системы здравоохранения, где особое внимание уделяется особенностям финансирования здравоохранения. Специалисты считают, что расходы на здравоохранение положительно влияют на здоровье жителей³, соответственно, появление в будущем в законодательстве и судебной практике новых принципов, например, *принципа недопустимости снижения достигнутого уровня государственного финансирования здравоохранения*, является обоснованным.

Учитывая, что принципы охраны здоровья – явление многоуровневое и многоаспектное, принципы одной отрасли права могут определенной частью входить в систему принципов другой отрасли права, а также влиять на их развитие, постольку важно учитывать их взаимосвязи и влияние друг на друга.

Анализ научной литературы позволяет отметить, что, например, принцип доступности лекарств влияет и на развитие патентного права, и на правовое регулирование научно-технологического прогресса⁴. Кроме того, специалисты отмечают особую

¹ Киричек Е.В. Конституционная парадигма достойной жизни в России – социальном государстве // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 7. – С. 37–41.

² Reis M.R. TRIPS and the Right to Human Health: A Case Study on Brazil's Health Policies and its Implications // The Journal of World Intellectual Property. – 2024. – Vol. 27, N 3. – P. 1–18. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/tqem.22185#accessDenialLayout> (дата обращения: 21.01.2025).

³ Jiang Wei, Li Wei, Chen Yunfei. Air Pollution, Public Health Expenditure, and Physical Health: Evidence from China // Environmental Quality Management. – 2024. – Vol. 34. – P. 1–18. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jwip.12321> (дата обращения: 21.01.2025).

⁴ Латынцев А.В. Учет приоритетности принципов охраны здоровья в патентных правоотношениях // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – Т. 7, № 2 (26). – С. 287–294; Factors Influencing the Prioritisation of Access to Medicines in Trade-related Intellectual Property Policymaking in Thailand / Tenni B., Lexchin J., Akalephan C., Kittittrakul C., Townsend B., Gleeson D. // The Journal of World Intellectual Property. – 2024. – Vol. 27, N 3. – P. 532–562.

важность организационного и финансово-правового аспекта в области охраны здоровья, которые также развиваются на основе определенных принципов права¹.

Таким образом, институт охраны здоровья, основу которого составляют принципы охраны здоровья, может быть охарактеризован как комплексный. При этом принципы охраны здоровья следует рассматривать также в совокупности как правовой модуль, который выполняют самостоятельную функцию в регулировании общественных отношений.

Влияние принципов охраны здоровья на социально значимое поведение человека. Профессор М.В. Пресняков ставит вопрос о том, можно ли заставить человека быть здоровым. Автор обращает внимание на то, что имеется неопределенность обязанности заботиться о сохранении своего здоровья, которая может создавать не только правовые противоречия, но и правовые конфликты. По его мнению, «закрепление данной обязанности генетически связано с состоянием несвободы лица»².

Каждому праву корреспондирует обязанность, следовательно, закрепленные в ст. 41 Конституции РФ права на охрану здоровья и медицинскую помощь предполагают наличие и обязанностей. Их условно можно подразделить: 1) на *позитивные и негативные обязанности* государства; 2) *индивидуальные, общие и специальные обязанности* граждан. К *позитивным обязанностям* государства можно отнести обязанности, например: финансировать федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения; принимать меры, способствующие укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию; создавать условия для ведения здорового образа жизни, формирования куль-

¹ Артымук В.А., Мустафина-Бредихина Д.М. Трансформация реализации принципов охраны здоровья граждан в Российской Федерации: организационный и финансово-правовой аспект // Закон и право. – 2023. – № 11. – С. 46–54; Берг Л.Н., Голубцов В.Г. Правовые аспекты использования эпигенетической информации: вопросы конфиденциальности, дискриминации и личной ответственности // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. – 2024. – Вып. 3 (65). – С. 373–381; Романовский Г.Б., Романовская О.В. Право и современная медицина: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 96–110.

² Пресняков М.В. Обязанность граждан заботиться о своем здоровье: можно ли заставить человека быть здоровым? // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 10. – С. 24–33.

туры ответственного отношения граждан к своему здоровью; осуществлять мероприятия направленные на сохранение и укрепление общественного здоровья и др. К *негативным* – воздержаться от действий, препятствующих пользованию лицом благом – жизнью и здоровьем. Здесь необходимо подчеркнуть, что если вопрос поднимается о необходимости сохранения общего блага – здоровья населения, то выполнение установленных государством правовых предписаний становится обязательным (например, вакцинация).

К *индивидуальным* обязанностям граждан относятся: не нарушать права и свободы других лиц (в частности, не создавать угрозу распространения заболеваний, которые могут оказать негативное воздействие на жизнь и здоровье других). Общей обязанностью граждан, признаются обязанности соблюдать меры по санитарии, биобезопасности, гигиене и др. Также многие обязанности граждан зависят от их специального правового статуса гражданина. В качестве примера обязанностей можно привести законодательно установленное требование обучающихся заботиться о сохранении и об укреплении своего здоровья (п. 1 ст. 43 Федерального закона от 25.11.2013 (ред. от 28.12.2024) «Об образовании в Российской Федерации»).

Возникает вопрос о том, можно ли заставить человека быть здоровым. Ответ отрицательный. Однако, если поставить этот вопрос по-другому: можно ли обязать человека заботиться о своем здоровье и общественном здоровье, а именно – соблюдать правила гигиенические, санитарно-эпидемиологические и правовые, которые направленные не только на сохранение и укрепление здоровья каждого человека, но и общественного здоровья, то ответ – да.

Ответственное отношение человека к своему здоровью во многом зависит от уровня его культуры и заботы о самом себе, а также понимания возможных рисков от невыполнения санитарно-эпидемиологических, медицинских советов и требований специалистов. Если говорить о заботе государства – *это* не только предупреждение заболеваний, т.е. проведение профилактических мероприятий, планирование и реализация мер, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, обеспечение безопасности жизни и здоровья каждого человека, контроль за соблюдением требований гигиены и санитарии; создание предпосылок и условий для обеспечения долголетней активной жизни граждан и др.

Заключение

Принципы охраны здоровья определяют не только должностования, обеспечивающие достойную жизнь человека, но и устанавливают пределы вмешательства государства в свободное развитие человека и те требования, которые являются базисными во многих правовых институтах. Их интегративный характер позволяет применять их в различных сферах правового регулирования. При этом они являются частью конституционно-правовой модели социального государства, которую можно охарактеризовать как динамичную, т.е. постоянно действующую и находящуюся в процессе постоянного движения. Изменения происходят в основном посредством определенных способов систематизации и развития принципов социального государства, в системной взаимосвязи с принципами охраны здоровья, которые соотносятся между собой как общее (принципы социального государства), особенное (принципы охраны здоровья) и единичное (например, принцип приоритета профилактики в сфере охраны здоровья).

КОМАРОВА В.В.¹ БИОТЕХНОЛОГИИ И ИХ РОЛЬ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ И ПРАВА НА ЗДОРОВЬЕ (Статья)

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации общественной и государственной жизни, ее правовому регламентированию под влиянием биотехнологий. Сквозь призму теоретических основ и анализа конституционного и программно-стратегического регулирования, правоприменения и достижений современных технологий представлено видение автора на теоретическую составляющую конституционно закрепленных прав на жизнь и на охрану здоровья. Предложено расширение рамок права на жизнь и инкорпорирование расширенного понимания «права на охрану здоровья» в виде «права на здоровье» с учетом достижений конвергентных технологий. Освещены некоторые публичные интересы в сфере обеспечения государством права на жизнь и права на здоровье человека.

Ключевые слова: Конституция РФ; право на жизнь; право на охрану здоровья; научно-технологическое развитие; биотехнологии; сферы применения и риски биотехнологий.

KOMAROVA V.V. Biotechnologies and Their Role in the Realization of the Human Right to Life and the Right to Health (Article)

Annotation. The article is devoted to the analysis of the transformation of public and state life, its legal regulation under the influence of biotechnology. Through the prism of theoretical foundations and analysis of constitutional and programmatic-strategic regulation,

¹ © Комарова Валентина Викторовна профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего образования Российской Федерации, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

law enforcement and achievements of modern technologies, the author's vision of the theoretical component of the constitutionally enshrined right to life and health is presented. It is proposed to expand the framework of the right to life and incorporate an expanded understanding of the “right to health” in the form of the “right to health”, taking into account the achievements of convergent technologies. Some public interests in the sphere of ensuring the right to life and the right to human health by the state are highlighted.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation; the right to life; the right to health protection; scientific and technological development; biotechnologies; fields of application and risks of biotechnologies.

Для цитирования: Комарова В.В. Биотехнологии и их роль в реализации права человека на жизнь и права на здоровье (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 38–50. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.03

Введение

Инновационные технологии динамично проникают во все сферы современного общества, развиваясь быстрее, чем механизмы их нормативно-правового регулирования. Вследствие этого их интеграция в социальную сферу опережает процесс осознания обществом и государством необходимости соответствующего правового регулирования.

Тема биотехнологий – комплексная и чрезвычайно значимая сегодня для нашей страны в условиях внутренних и внешних вызовов. Современное общество достигло нового качественного этапа развития, связанного с трансформацией общественных отношений под воздействием конвергентных технологий, что обуславливает необходимость постановки новых целей и задач для совершенствования отдельных государственных институтов. Законодательство, обновленное в результате конституционной реформы 2020 г., не только определило векторы развития государства и общества, но и установило правовые рамки для динамично изменяющейся социальной сферы, а также правовой статус ее ключевого субъекта – человека. Биотехнологии в современном мире проявляют себя практически везде, во всех сферах жизнедеятельности государства и общества, но автор статьи ограничивает их исследование только

аспектом прав человека, остановится на основополагающем праве на жизнь и связанным с ним конституционно закрепленным правом на охрану здоровья. Поступательное и динамичное развитие нашего государства предполагает необходимость создания эффективных правовых механизмов, в которых особую роль играют новеллы, закрепленные в процессе конституционной реформы¹. В условиях современных вызовов первоочередными задачами, стоящими перед нашей страной, является человекобережение и безопасность, что, впрочем, взаимообусловлено. Для достижения поставленных целей необходимо перевести экономические основы государственности на инновационный путь, обеспечивающий опережающее развитие высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг. Это, в свою очередь, требует дальнейшего совершенствования научно-технической и инновационной политики, учитывающей конвергентные технологии в сфере жизнеобеспечения человека, а также конституционные ценности и приоритеты в области прав и законных интересов личности и общественных интересов. Автор предлагает пересмотр доктрины основополагающих прав, прежде всего права на жизнь и права на здоровье с точки зрения их не только частноправовой, но и публично-правовой значимости, с учетом существующих рисков, и соглашается с мнением доктора юридических наук, профессора И.А. Умновой-Конюховой: «Новые технологии не просто затронули процессы усовершенствования и оздоровления человека, они создали проблему сохранения человека как такового с его физическими, духовно-нравственными, интеллектуальными, биологическими, генетическими, психическими и иными характеристиками и качествами»².

Авторская позиция выражается через выделение нескольких взаимосвязанных элементов в рамках доктрины и ее нормативного обеспечения: во-первых, теоретических аспектов права на здоровье в эпоху биотехнологий; во-вторых, определения публичных интересов в области обеспечения государством права на жизнь и права на здоровье с применением биотехнологий; и, наконец,

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

² Умнова-Конюхова И.А. Трансформация современного права под влиянием научно-технологического развития: общие тенденции и опыт России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 11.

представления авторского видения правовой политики и ее нормативного закрепления в контексте использования биотехнологий при реализации права на здоровье.

Теоретические составляющие права на здоровье в эпоху биотехнологии. По убеждению автора, необходимо провести тщательный научный анализ действующего законодательства, а также исследовать механизмы и правовые инструменты, которые обеспечивают эффективное выполнение возложенных на органы публичной власти полномочий в рамках рассматриваемой темы; разработки и предложения национальному законодателю доктрины правовой политики в сфере биотехнологий; разнообразных композиций согласованности действия властей различного уровня в социальном государстве с безусловным участием институтов гражданского общества, как в формировании политики, так и в ее реализации.

Стремительное развитие биотехнологий, нанотехнологий, геномных исследований и цифровизации здравоохранения порождает ряд теоретических и практических вопросов в области публично-правовых наук, в том числе конституционного права. По мнению автора, ключевым аспектом реализации стратегических изменений является их соотношение с действующими конституционными правами граждан и обеспечением соответствующих гарантий. Прежде всего речь идет: о новых правомочиях базового права на жизнь, обусловленных внедрением в сферу прав человека достижений биотехнологий (1); праве на здоровье, расширенном в связи с современными вызовами и конституционными задачами, стоящими перед государством и обществом, понимании права на охрану здоровья, традиционно используемого в нормативных правовых актах (2); теоретическом обосновании и нормативном закреплении механизма реализации новых прав, связанных с внедрением в сферу здравоохранения биомедицинских технологий (3).

Главное в системе прав человека – право на жизнь. В России, как и в любом цивилизованном обществе, право на жизнь занимает первостепенное место среди всех естественных и неотъемлемых прав человека¹, образует первооснову всех других прав и свобод.

¹ Конституция РФ в ст. 20 устанавливает: «Каждый имеет право на жизнь». Однако действующая Конституция РФ не содержит предусмотренной ранее в Декларации прав и свобод человека и гражданина, утвержденной постановлением Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 № 1920–1, нормы: «Никто не может быть произвольно лишен жизни».

По твердому убеждению автора, пришло время расширения восприятия права на жизнь от частного к публичному, а именно: правомочие по спасению жизни; право на сохранение жизни; право требовать от государства создания условий обеспечения жизни; самовоспроизводство (как форма самореализации в биологическом смысле) репродуктивные правомочия; биосоциодуховную самореализацию и др.¹

Право на охрану здоровья фундаментальное в сфере здравоохранения, подлежит повышенной защите со стороны государства. Одно из первых мест в общей системе конституционных прав и свобод этого права аргументируется тем, что здоровье непосредственно обеспечивает жизнедеятельность человеческого организма, являясь важнейшим благом наряду с самой жизнью. Право на здоровье и право на охрану здоровья, по нашему мнению, соотносятся как общее и частное. Прежде чем охранять здоровье, его надо иметь, а это зависит от многих факторов, начиная со здоровья родителей и генетической наследственности, качества окружающей среды, питания и т.д. Право на здоровье, по мнению автора, включает в себя конституционно закрепленное право на охрану здоровья, однако уже назрела необходимость расширить его рамки. Например, сегодня, благодаря генной инженерии, можно корректировать здоровье плода, программировать возможности и его пол. Правовое регулирование в этой части, безусловно, необходимо.

Право на здоровье – самостоятельное право и относится к числу конституционно защищаемых ценностей, рассматривается как неотъемлемое и неотчуждаемое благо, принадлежащее каждому от рождения.

Достижения биологии и биотехнологий играют все более важную роль в системе гарантий и механизмов реализации права на жизнь и здоровье, постоянно расширяя сферу своего применения.

Международные правовые акты в области биотехнологий, охватывающие вопросы, связанные с генетикой, биоэтикой, кло-

¹ Комарова В.В. Биоэтика – политика государственного нейтралитета в современной России // Биоэтика в развитии: нравственно-философский стержень и правовая поддержка. К 20-летию философско-правового клуба «Нравственное измерение права» / под руководством доктора философских наук, профессора В.М. Артемова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – Москва, 2022. – С. 107–126.

нированием, а также защитой прав и достоинства человека в контексте достижений биологии и медицины, по сути, закрепили общие, специальные и ранее существовавшие права, адаптированные к условиям конвергентных технологий, что привело к появлению новых направлений и механизмов их реализации.

К числу общих прав относятся равенство в доступе к профессиональной медицинской помощи, свобода согласия на медицинское вмешательство, право на получение информации о состоянии своего здоровья, а также право на конфиденциальность соответствующих данных.

Специальные права включают право на прогностическое генетическое тестирование, возможность вмешательства в геном человека исключительно в лечебных целях, запрет на выбор пола ребенка (ограничение репродуктивных прав), право на сохранение уникальности человеческой личности (идентичность человека), а также запрет на извлечение коммерческой выгоды из использования собственного тела или его частей.

Ряд ранее существовавших прав в условиях развития конвергентных технологий и биотехнологий приобрел новые механизмы реализации. К таким правам относятся: равенство в доступе к достижениям геномики; свобода согласия на проведение геномных исследований и лечения; право на получение генетической информации; защита конфиденциальности генетических данных; запрет генетической дискриминации, а также право на возмещение ущерба, причиненного в результате геномных исследований¹.

Таким образом, право на конфиденциальность генетической информации является частью более широкого права на защиту медицинских данных, генетическое вмешательство рассматривается как разновидность медицинского вмешательства и охраняется в рамках свободы медицинского вмешательства, а свобода получения генетической информации является элементом общего права на доступ к сведениям о состоянии здоровья².

Право на здоровье включает в себя различные правомочия, одним из которых является право на репродуктивное здоровье. Содержание последнего может включать в себя правомочия, вытекающие из права на воспроизводство, на жизнь, на медицинскую

¹ Никитина Е.Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 27–44.

² Там же.

помощь, лекарственное обеспечение и пользование новейшими достижениями медицины.

Не останавливаясь на дебатах о теоретическом обосновании места репродуктивных прав в правовом положении человека, предлагается определить их юридическую природу как производную из основополагающих естественных конституционных прав человека, находящихся свой механизм реализации в нормативных правовых актах, регулирующих здравоохранение, гражданские, семейные правоотношения, что позволяет характеризовать их как комплексные; они охраняются, обеспечиваются и гарантируются государством¹.

Правомочия по сохранению жизни в глобальном масштабе и деторождение в сфере частной жизни сегодня проявляются не только в возможности самостоятельно решать вопросы индивида, но и семейной пары в процессе планирования семьи, государства и общества в процессе сохранения и приумножения народонаселения.

Стабильность публично-правовых отношений обуславливает необходимость всестороннего правового анализа, направленного на оценку соответствия действующей конституционно-правовой модели принципам защиты права на здоровье и его охраны как одного из ключевых социальных прав человека. Такой анализ должен включать оценку правового баланса между традиционной системой здравоохранения и интеграцией биотехнологий и иных

¹ Анализ содержательной природы репродуктивных прав позволяет условно выделить в них права прямые и косвенные-гарантийные. К первым можно отнести право на свободное решение вопросов деторождения – решения о зачатии ребенка, с определением количества детей, интервалов между их рождением; право на доступ к необходимой для этого информации и средствам; право на получение специализированной медицинской помощи, право на пользование достижениями научного прогресса в целях охраны репродуктивного здоровья и лечения бесплодия; право на применение высоких репродуктивных технологий в случае, если беременность не может наступить естественным путем; право на донорство и хранение половых клеток; право на защиту своих репродуктивных прав; конфиденциальность при получении услуг по охране репродуктивного здоровья и деторождения. (См.: Комарова В.В. Биоэтика – политика государственно-нейтралитета в современной России // Биоэтика в развитии: нравственно-философский стержень и правовая поддержка: к 20-летию философско-правового клуба «Нравственное измерение права» / под руководством доктора философских наук, профессора В.М. Артемова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – Москва, 2022. – С. 107–26).

достижений научно-технологического прогресса в национальную модель здравоохранения.

По убеждению автора, имеется особая специфика понятийного аппарата в правовом регулировании биотехнологий во взаимосвязи с иными конвергентными технологиями и цифровой модернизации отечественного здравоохранения. Так, в положениях Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. закрепляются ключевые правовые понятия, имеющие прямое отношение к регулированию процесса интеграции биотехнологий в здравоохранение и обеспечению права человека на здоровье. Среди них: «цифровая трансформация», «информационное общество», «информационное пространство», «общество знаний». Эти термины формируют правовой фундамент информационного общества, который неизбежно используется в механизмах защиты и реализации прав человека, включая базовое право на здоровье.

Излишне напоминать, что новеллы отраслевого законодательства должны базироваться на основах конституционного строя нашей страны и предполагают инкорпорирование конституционных национальных ценностей в отраслевые механизмы. Созданная государством единая система гарантий в сфере здравоохранения в условиях развития информационного общества дополняется информационно-цифровыми механизмами защиты. В нормативных моделях использования биотехнологий в сфере охраны здоровья ключевое значение должно придаваться обеспечению конституционных гарантий прав личности, общественной и государственной безопасности, а также соблюдению принципов информационной открытости и конфиденциальности.

Публичные интересы в обеспечении государством права на жизнь и права на здоровье человека. Применение достижений биологии и использование биотехнологий в медицине в нашей стране расширяется с каждым днем. Безусловно, существуют дебаты в рамках применения тех или иных технологий, связанных с морально-этической составляющей их восприятия обществом, что является еще одним аргументом в пользу комплексного и логичного правового регулирования, исходя из конституционной ценности человека и его прав и свобод.

Рассматривая право на жизнь в широком смысле, включающем в себя правомочие на само воспроизводство и здоровье потомства на стадии его планирования (фактически предлагаемое право на здоровье), отметим существующие и уже использующие-

ся новые технологии планирования пола ребенка, генного драйва – аспекта генной инженерии, который позволяет определить и, при необходимости, изменить вероятность того, что определенный аллель передастся зародышу и, соответственно, приведет к развитию наследственных заболеваний у плода и младенца.

В сфере реализации правомочия на само воспроизводство важным видится развивающееся направление репродуктивных технологий, в рамках которых существует целый ряд обусловленных спецификой процедур прав человека¹. При этом стоит отметить проблемы репродуктивного здоровья не только у женщин и мужчин.

На решение данной проблемы направлено внедрение предимплантационной генетической диагностики (ПГД) – разновидности молекулярно-генетического исследования, используемого для выявления генетических отклонений эмбриона, полученного в рамках ЭКО. В нашей стране организация молекулярно-генетических исследований для целей выявления хромосомных составляющих рассматривается, в первую очередь, как один из этапов обследования беременной женщины по оценке состояния внутриутробного развития плода на конкретном сроке развития (10–14 недель), осуществляется в рамках ЭКО и оказываемой на основании базовой программы обязательного медицинского страхования².

Услуги медико-генетического консультирования и диагностики, а также медицинская помощь с применением генной терапии и вспомогательных репродуктивных технологий являются результатом интеграции биотехнологических достижений в систему здравоохранения.

Общеизвестно, что при лечении заболеваний пациента зачастую время играет решающую роль в диагностировании болезни и, соответственно, назначении правильного лечения. В этой части применение форм генетической трансформации, позволяют сократить время ДНК-исследований.

Существует не один пример использования медицинских биотехнологий в лечении до недавнего времени считающихся неизлечимыми болезней. Онколитические вирусы, применяемые в

¹ Комарова В.В. Право на жизнь в доктрине и в праве // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 5 (101). – С. 46–49.

² Комарова В.В. Биозтика – политика государственного нейтралитета в современной России. Указ соч. – С. 107–126.

лечении рака с помощью виротерапии, представляют собой технологию, в которой опухоль заражается модифицированным вирусом (например, аденовирусом, герпесвирусом или энтеровирусом). Это вызывает иммунный ответ, в ходе которого иммунная система организма начинает распознавать и атаковать опухолевые клетки.

Биотехнологии широко внедряются в другие направления медицинской деятельности, например, в фармацевтическое производство. Сегодня оно во многом базируется на биотехнологиях.

Право на трансплантацию органов, клонирование и многое другое пришло в нашу жизнь благодаря биотехнологиям. Их использование направлено также и на улучшение качества жизни пациентов.

Важнейшим научным направлением является персонализированный подход к пациенту, основанный на достижениях молекулярной биологии, клеточной, тканевой и генной инженерии.

Как уже отмечалось, достижения биотехнологии используются в различных сферах жизнедеятельности государства и общества. Остановимся на некоторых из них, по мнению автора наиболее актуальных сегодня, в том числе в силу конституционных новелл, закрепленных поправками 2020 г. и актами программно-политического характера.

Ценности человека, его прав и свобод, а также направленность ст. 7 Конституции РФ, устанавливающей социальную детерминанту российского государства, содержание которой определяется проводимой социальной политикой, ориентированной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, обеспечение надлежащего механизма реализации конституционно закрепленных прав, обусловлено и корреспондирующими обязанностями государства, и публичными интересами.

По мнению автора, к таковым, используя конституционные поправки 2020 г., можно отнести приоритет, закрепленный в ст. 67.1 Конституции РФ (дети признаются важнейшим приоритетом государственной политики России), общественное здоровье, здоровый образ жизни, корреспондирующий обязанности государства и возможности институтов гражданского общества в обозначенной сфере.

Общественное здоровье, конституционно закрепленное, коррелирует с ранее заявленной политикой человекобережения. Цель современной России по народосбережению может быть реа-

лизована, в том числе с использованием новейших достижений науки и медицины.

В связи с этим целесообразно упомянуть продовольственную безопасность и предотвращение рисков для здоровья населения и будущих поколений. Повышение глобальной продовольственной безопасности за счет ускорения селекции – актуальная задача практически для всех государств планеты, наша страна не исключение. Кроме того, биотехнологии, которые участвуют в решении вопросов не только продовольственной безопасности, но и предвосхищения рисков для здоровья населения, способствовали появлению множества функциональных пищевых продуктов, направленных на снижение рисков развития ряда заболеваний.

Право на жизнь и право на охрану здоровья обеспечиваются государством, в том числе системой здравоохранения и медицинской катастроф, внедрением в них достижений научно-технического прогресса, прежде всего биотехнологий¹.

Создание условий для достойной жизни населения выходит за рамки обязанностей органов публичной власти и становится важным критерием при конституционной оценке социальных реформ.

В сфере улучшения качества жизни людей важную роль играет биофармацевтика и протезирование. Именно они наиболее востребованы для улучшения качества жизни людей с ограниченными возможностями². Совмещение достижений конвергентных технологий предоставляют новые возможности при протезировании (базальная имплантация нового поколения, бионическое протезирование и биоинженерные протезы – скаффолды, киберпротезирование и др.)

Заключение

На современном этапе, по мнению автора, политику Российского государства в сфере биотехнологий можно охарактеризовать как нейтральную, что объясняется объективными причинами, и

¹ Комарова В.В. Защита здоровья граждан – основной элемент обеспечения права на жизнь и особенности его реализации в чрезвычайных ситуациях // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 10 (143). – С. 15–23.

² Всего на 1 октября 2024 г. среди постоянных жителей России инвалидность имеют 11 648 218 человек, что составляет 7,97% от всего населения.

экономическая составляющая в них играет не последнюю роль¹. В современных условиях в сфере биотехнологий национальная правовая система пока не находится в авангарде регулирования², тем не менее ряд серьезных шагов уже предпринят.

В связи с этим требуется серьезная доктринальная база, призванная стать основой для нормотворчества в обозначенной сфере: это и конституционные приоритеты, и в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определенные национальные цели развития, среди которых сохранение населения, укрепление здоровья и благополучие людей; комфортная и безопасная среда для жизни; цифровая трансформация. В рамках «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» это обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации; повышение ожидаемой продолжительности жизни и др. Указом Президента РФ от 08.11.2021 утверждены «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». Одним из ключевых приоритетов является развитие социально-экономической, научной и научно-технологической сфер Российской Федерации.

Именно в этот период целесообразно и важен для учета имеющихся рисков тандем доктрины, правотворчества и правоприменения, что послужит основанием для перехода от политики нейтралитета к деятельной политике в применении новейших медицинских технологий для реализации конституционной ценности человека, его прав и свобод.

Внедрение инноваций, особенно в сфере здравоохранения, невозможно без государственного разрешения и соответствующего регулирования, которое должно определить пределы допустимого воздействия современных биомедицинских технологий на процессы жизнеобеспечения человека.

С помощью инноваций в сфере биотехнологии могут быть решены актуальнейшие сегодня вопросы национальной безопасности (народосбережение – элемент национальной безопасности);

¹ Комарова В.В. Биоэтика – политика государственного нейтралитета в современной России. Указ соч. – 2022. – С. 107–126.

² В нашей стране с 2012 по 2018 г. работала «Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации: Био2020», однако сегодня эта сфера регулируется общими программными документами.

продовольственной безопасности и предотвращения рисков для здоровья населения и будущих поколений; улучшения качества жизни: включение в систему мероприятий по улучшению качества жизни лиц с ограниченными возможностями, достижений конвергентных технологий, прежде всего биотехнологий. Их использование определено поможет как в решении личных индивидуальных интересов человека, так и в удовлетворении публичных потребностей.

Правовое регулирование, организационно-финансовое обеспечение исследований в сфере биотехнологий и инкорпорирование их достижений в здравоохранение с учетом морально-этической составляющей, которую помогут определить институты гражданского общества (прежде всего в силу ст. 114 Конституции РФ), по нашему мнению, обязательно.

КОДАНЕВА С.И.¹ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАВСЕЛЕННОЙ В МЕДИЦИНЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИИ (Статья)

Аннотация. Рассматриваются перспективы, проблемы и правовые риски использования технологии метавселенной в различных областях медицины и здравоохранения. Данная технология имеет значительный потенциал, хотя и находится на раннем этапе развития. Тем не менее стремительный технологический прогресс в современном мире свидетельствует о необходимости доктринальной проработки вопросов правового статуса метавселенной и выработки оптимальных правовых подходов к ее регулированию в опережающем режиме.

Ключевые слова: медицинское право; телемедицина; экспериментальные правовые режимы; метавселенная; удаленный мониторинг здоровья; персональные данные.

KODANEVA S.I. Legal Aspects of Using the Metaverse in Medicine and Healthcare (Article)

Abstract. The article is devoted to the analysis of prospects, problems and legal risks of using metaverse technology in various fields of healthcare. It is shown that this technology has significant potential, although it is at an early stage of development. Nevertheless, the rapid development of technology in the modern world indicates the need for a doctrinal study of the legal status of the metaverse and the development of optimal legal approaches to its regulation in a proactive manner.

Keywords: medical law; telemedicine; experimental legal regimes; metaverse; remote health monitoring; personal data.

¹ Коданева Светлана Игоревна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент.

Для цитирования: Коданева С.И. Правовые аспекты использования метавселенной в медицине и здравоохранении (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 51–65. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.04

Введение

Слово «метавселенные» впервые употребил Нил Стивенсон в своем научно-фантастическом романе «Лавина» в 1992 г., описав виртуальный мир, который являлся альтернативной реальностью для людей¹. Однако концепция метавселенной как онлайн-мира в виртуальном пространстве, объединяющего криптовалюту, финансы, работу и социальные сети и позволяющего людям взаимодействовать через своих аватаров, испытывая при этом ощущения, близкие к обычной реальности, находятся на самом раннем этапе развития, единого общепринятого определения данного термина не существует. Так, одни авторы акцентируют внимание на характеристиках метавселенной как новой виртуальной среды, именуя ее следующим поколением Интернета или даже новым общественным пространством. Другие – на технологической составляющей². Часть авторов ограничивается общими словами о том, что метавселенная является точкой пересечения реального и виртуального миров. Например, К. Бхугаонкар с соавторами подчеркивают, что метавселенная включает в себя интеграцию и наложение цифрового и физического миров, интеграцию цифровой и реальной экономики, интеграцию цифровой и социальной жизни, интеграцию цифровой и реальной идентичности и интеграцию цифровых и физических активов³. Другие стараются дать как можно более подробное определение. Например, согласно И.В. Понкину, «киберметавселенная – это формируемое и поддерживаемое посредством интероперабельных динамических цифровых моделирований и син-

¹ Метавселенные в медицине: оценка перспектив применения для практического здравоохранения / Лагутин М.Д., Тюфилин Д.С., Кобякова О.С., Дев И.А. // Врач и информационные технологии. – 2023. – № 2. – С. 5.

² См., например: Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Реальный мир как дополнение метавселенной (грядущие трансформации права) // Государство и право. – 2023. – № 11. – С. 155–169.

³ Bhugaonkar K., Bhugaonkar R., Masne N. The Trend of Metaverse and Augmented and Virtual Reality Extending to the Healthcare System // Cureus. – 2022. – Vol. 14, N 9. – P. 2.

теза сложное виртуально-реальное (гибридное) гомеостатическое и персистентное цифровое многопользовательское мета-пространство, включающее множество децентрализованных и / или интерсекциональных реально-виртуальных мультимасштабных (и масштабируемых) трехмерных пространственных миров (экосистем, универсумов) сложно-когнитивного и голографически-визуального порядков (дополненной или воспроизведенной реальности – согласованно и сообразно с естественными законами физического бытия и человеческого восприятия, понимания и преобразования мира), с обеспечением интерактивности вовлечения (участия, взаимодействия, активного преобразования) пользователя через его аватар и с обеспечением иммерсивности погружения пользователя в онтологию этих миров»¹.

Общепризнанным является то, что метавселенная базируется на восьми фундаментальных технологиях – это расширенная реальность (синтез виртуальной, дополненной и смешанной реальности), человеко-компьютерное взаимодействие, искусственный интеллект, блокчейн, компьютерное зрение, интернет вещей и робототехника, пограничные и облачные вычисления, а также мобильные сети будущего². Сочетание этих технологий придает метавселенной ее уникальные характеристики – иммерсивность³ и персистентность⁴.

¹ Понкин И.В. Кибер-метавселенная: правовой взгляд // International journal of open information technologies. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 119.

² The Application of Metaverse in Healthcare / Wang Yue, Zhu Mengying, Chen Xi, Liu Ruibin, Ge Jinnian, Song Yuxuan, Yu Guilin // Frontiers in Public Health. – 2024. – Vol. 12. – P. 4.

³ *Иммерсивность среды* – это ее свойство обеспечивать возможности и способности субъективно реалистичного или близкого к реалистичному ощущения присутствия пользователя в этой среде за счет гибридной мультисенсорной перцептивной обратной связи (в том числе тактильной, т.е. осязательной), проживания и переживания (полным спектром ощущений) им в режиме реального времени бытия внутри этой среды (универсума) как вполне реального (Понкин И.В. Кибер-метавселенная: правовой взгляд // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 119).

⁴ *Персистентность среды* – свойство сохранять все свои предыдущие состояния и доступ к этим состояниям при внесении в них каких-то изменений (в том числе на основе блокчейн-технологий), в том смысле, что в условиях неподключенности ни одного пользователя, система продолжает работать, а достигнутые позиции пользователей по состоянию при закрытии их сеансов сохраняются, загружаясь в момент следующего подключения (Понкин И.В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 119).

Изначально метавселенная использовалась исключительно в игровых целях, затем она стала рассматриваться как более продвинутая версия социальных сетей¹. Однако технические возможности метавселенной делают ее привлекательной не только для игр и общения, создания виртуальных миров и новых видов бизнеса в них, но и для более широкого использования в добывающей и перерабатывающей промышленности, государственном управлении, образовании и здравоохранении.

Возможности использования технологий метавселенной в медицине и здравоохранении. В июне 2020 г. нейрохирурги Университета Джона Хопкинса провели свою самую первую AR-операцию живому пациенту. В ходе первой процедуры врачи закрепили шесть винтов для сращения трех позвонков в позвоночнике пациента с сильными изнуряющими болями в спине. Во время второй операции из позвоночника пациента была удалена раковая опухоль. Хирурги носили гарнитуры, состоящие из прозрачных глазных дисплеев, которые проецировали изображения внутренней анатомии пациента на основе уже выполненных снимков компьютерной томографии.

Еще одним примером успешного применения метавселенной в хирургии является операция, проведенная в Лиссабоне португальским и испанским хирургами. При этом португальский хирург находился на расстоянии в 900 км. Он носил специальные очки дополненной реальности, которые позволяли ему не только видеть пациента перед собой, но и проецировать его диагностические данные и клиническую информацию на линзы очков². В Китае, начиная с 2018 г. реализуется проект по раннему обнаружению заболеваний легких с помощью метавселенной. В результате у более 60% тех, кто был прооперирован заболевания были выявлены на ранних этапах благодаря данной системе³.

Всемирный экономический форум прогнозирует, что одним из наиболее революционных факторов преобразования здраво-

¹ Подробнее об этом см.: Батурич Ю.М., Полубинская С.В. Реальный мир как дополнение метавселенной (грядущие трансформации права) // Государство и право. – 2023. – № 11. – С. 155–169.

² Massetti M, Chiariello G.A. The Metaverse in Medicine // European Heart Journal Supplements. – 2023. – Vol. 25. – P. 106.

³ Ibid. – P. 105.

охранения станут цифровые услуги¹. Как полагает футуролог Б. Марра, телемедицина, цифровые двойники и блокчейн – это три технологии, которые окажут трансформирующее влияние на оказание медицинской услуг и могут быть использованы для разработки совершенно новых методов лечения, потенциально снижающих затраты и значительно улучшающих результаты для пациентов². Поэтому крупнейшие технологические компании уже начали активно осваивать этот рынок³.

Метавселенные могут моделировать три типа объектов: люди, сцены и события. Например, в типичном хирургическом кабинете внутренняя среда и медицинское оборудование составляют «сцену», а пациенты и медицинский персонал включают в себя «людей». При этом с помощью цифрового моделирования можно воссоздать цифрового двойника человека или его отдельных органов или тканей для того, чтобы наглядно увидеть, как следует проводить операцию. «События» же – это динамические изменения, происходящие в реальном времени, например сама хирургическая операция⁴.

В настоящее время появляется все больше публикаций, посвященных исследованию возможностей метавселенной в медицине. Наиболее распространенным является мнение о том, что данная технология имеет значительный потенциал в медицинском образовании, поскольку возможности по приобретению практических навыков студентами ограничено. Так, например, студенты-хирурги могут практиковаться только на трупах, что дорого и не всегда возможно. Внедрение метавселенной позволит проводить операции на цифровых копиях, многократно отрабатывая необходимые навыки. Аналогично, виртуальное пространство позволит

¹ Bhugaonkar K., Bhugaonkar R., Masne N. The Trend of Metaverse and Augmented and Virtual Reality Extending to the Healthcare System // Cureus. – 2022. – Vol. 14, N 9. – P. 1.

² Wiederhold B.K. Metaverse Games: Game Changer for Healthcare? // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2022. – Vol. 25, N 5. – P. 268.

³ Bhugaonkar K., Bhugaonkar R., Masne N. The Trend of Metaverse and Augmented and Virtual Reality Extending to the Healthcare System // Cureus. – 2022. – Vol. 14, N 9. – P. 1.

⁴ The Metaverse in Current Digital Medicine / Sun M., Xie L., Liu Yu., Li K [et al.] // Clinical eHealth. – 2022. – Vol. 5. – P. 53.

проводить лабораторные занятия, при этом наблюдая химические реакции во всех деталях¹.

Подобный способ применения метавселенной уже находит распространение в фармацевтике, поскольку позволяет моделировать воздействие препаратов на органы и ткани человека еще до начала клинических испытаний².

Непосредственно в медицине метавселенные уже используются (хотя пока и в качестве эксперимента) в диагностике, хирургии и психиатрии. Однако авторы научных публикаций отмечают потенциал технологии в медицине катастроф³, аллергологии и иммунологии⁴, дерматологии⁵, урологии⁶, а также для проведения удаленных врачебных консилиумов⁷, в поддерживающей терапии онкологических больных⁸, в кардиологии, неотложной медицинской помощи, гастроэнтерологии, гинекологии, офтальмологии и

¹ См., например, Medical Metaverse: Technologies, Applications, Challenges and Future / Shao Liangjing, Tang Wei, Zhang Ziqun, Chen Xinrong // *Journal of Mechanics in Medicine and Biology*. – 2023. – Vol. 23, N 2. – P. 14; The Application of Metaverse in Healthcare / Wang Yue, Zhu Mengying, Chen Xi, Liu Ruibin, Ge Jinnian, Song Yuxuan, Yu Guilin // *Frontiers in Public Health*. – 2024. – Vol. 12. – P. 4; Bhugaonkar K., Bhugaonkar R., Masne N. The Trend of Metaverse and Augmented and Virtual Reality Extending to the Healthcare System // *Cureus*. – 2022. – Vol. 14, N 9. – P. 3.

² Digital Twins for Health: a Scoping Review / Katsoulakis E., Wang Qi, Wu Huanmei, Shahriyari L. [et al] // *Digital Medicine*. – 2024. – Vol. 7. – P. 77.

³ Понкин И.В. Кибер-метавселенные в сфере здравоохранения: понятие и правовой взгляд // *Бизнес, менеджмент и право*. – 2023. – № 2 (58). – С. 17.

⁴ Çerçi P., Kendirlihan R. Can Metaverse Provide Any New Developments in the Field of Allergy and Immunology? // *International Archives of Allergy and Immunology*. – 2022. – Vol. 183, N 10. – P. 1061.

⁵ Fernández-Parrado M., Perandones-González H. A New Universe in Dermatology: From Metaverse to Dermaverse // *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*. – 2022. – Vol. 37, N 4. – P. 2.

⁶ The Metaverse in Urology: Ready for Prime Time. The ESUT, ERUS, EULIS, and ESU Perspective // Checucci E., Cacciamani G.E., Amparore D. [et al.] // *European Urology Open Scines*. – 2022. – Vol. 46. – P. 96–98.

⁷ Метавселенные в медицине: оценка перспектив применения для практического здравоохранения / Лагутин М.Д., Тюфилин Д.С., Кобякова О.С., Девев И.А. // *Врач и информационные технологии*. – 2023. – № 2. – С. 5.

⁸ Solaiman B. Telehealth in the Metaverse: Legal & Ethical Challenges for Cross-Border Care in Virtual Worlds // *The Journal of Law, Medicine and Ethics*. – 2023. – Vol. 51. – P. 287.

радиологии¹. Д. Янг с соавторами выделяют следующие клинические и доклинические сценарии применения метавселенной в медицине: исследования, консультирование, популяризация науки, образование и профессиональная подготовка, клинические исследования, физикальный осмотр, самообслуживание и уход за пожилыми людьми, диагностика и лечение заболеваний, медикаментозная и аппаратная терапия, хирургические вмешательства, управление больницей, фармакология, контроль качества в медицине, профилактика заболеваний, страхование, удаленные встречи и консилиумы и т.д.²

Правовые аспекты использования метавселенной в медицине. Как было показано выше, метавселенная имеет довольно значительный потенциал использования в рассматриваемой сфере. Однако вряд ли можно ожидать скорой реализации этого потенциала в силу существенных сдерживающих факторов, таких как ранняя стадия развития самой технологии, ее высокая стоимость, недоверие к ней как пациентов, так и врачей, а также отсутствие необходимых компетенций у вторых, и, наконец, правовые ограничения.

Действительно, на сегодняшний день, в большинстве юрисдикций отсутствует даже легальное определение метавселенной, не говоря уже о регулировании ее использования в различных сферах, включая медицинскую. При этом следует учитывать, что последняя особенно чувствительна к рискам причинения вреда человеку и вмешательству в его личное пространство, что обуславливает нормативное закрепление более высоких стандартов охраны медицинской информации о пациентах, а также требований к аккредитации врачей и сертификации оборудования.

Анализ научной литературы позволяет выделить следующие правовые проблемы внедрения метавселенной в медицине. Во-первых, это вопросы аккредитации / лицензирования / сертификации. Метавселенная по своему характеру является глобализированным виртуальным пространством, войти в которое может желающий из любой точки Земли. Соответственно, вполне возможна ситуация, при которой оператором / владельцем метавселенной будет лицо,

¹ López-Ojeda W. The Medical Metaverse. Part 1. Introduction, Definitions, and New Horizons for Neuropsychiatry // The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. – 2023. – Vol. 35, N 1. – P. 1–4.

² Expert Consensus on the Metaverse in Medicine / Yang Dawei, Zhou Jian, Chen Rongchang, Song Yuanlin [et al] // Clinical eHealth. – 2022. – Vol. 5. – P. 3.

зарегистрированное в стране А, врач будет находиться в стране Б, а пациент – в стране В. Возникает вопрос применимой юрисдикции. Например, в стране нахождения пациента национальное законодательство требует от иностранных врачей получения лицензии или аккредитации, которых врач, оказывающий услуги в метавселенной, не имеет. Как в этом случае должны реагировать органы власти на его действия? Должны ли они пытаться привлечь такого врача к ответственности за незаконную медицинскую деятельность или ввести технические ограничения для подобных взаимодействий? Сама метавселенная, как было отмечено выше, состоит из определенного набора технологий, таких как искусственный интеллект, очки дополненной / виртуальной реальности, специальные перчатки, которые позволяют «чувствовать» прикосновения к телу пациента, технологии улавливания движений, носимые пациентами устройства и т.п. Возникает вопрос юридической квалификации подобных устройств, в частности, следует ли их относить к медицинскому оборудованию и соответствующим образом сертифицировать? В разных странах данный вопрос решается по-разному. Это означает, что сертифицированное в одной стране в качестве медицинского оборудования устройство в другой стране может таковым не являться и его использование в медицинских целях будет незаконным.

Во-вторых, это вопросы ответственности. Как привлечь в ответственности врача, поставившего неверный диагноз или назначившего лечение, причинившее пациенту вред, если он находится в другой стране. Какое национальное законодательство будет применимо в данном случае? Ситуация осложняется наличием третьего лица – владельца метавселенной, поскольку врачебная ошибка могла быть связана с некачественной работой оборудования. Можно ли в этом случае привлечь его к ответственности и опять же в соответствии с каким законодательством. Дополнительные вопросы могут возникнуть в случае утечки персональных данных. Следует отметить, что в настоящее время при регистрации в метавселенной пользователям предлагают проставить согласие в лицензионном / пользовательском соглашении, которое фактически формирует внутреннее право метавселенной, определяя, какие действия на площадке рассматриваются как допустимые и законные (например, если речь идет об играх, то причинение физического вреда аватару или кража его имущества могут рассматриваться как часть игры, т.е. они являются «законными» в рамках конкретной метавселенной). При этом в некоторых метавселенных

оговаривается, что и сами аватары, и все принадлежащее им имущество являются объектами интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат владельцу метавселенной, а пользователи получают простую лицензию на их использование¹. Но если для игр и развлечений такой подход можно признать допустимым, хотя и он уже становится предметом судебных споров, то, очевидно, что в области здравоохранения он неприемлем.

Как отмечает Б. Солейман, в данном случае возможны различные правовые подходы². Так, территориальная юрисдикция может определяться, исходя из места расположения серверов, используемых для функционирования метавселенной. Это означает, что в случае, если хотя бы один из таких серверов находится на территории страны, то на все действия, совершаемые в метавселенной будет распространяться ее национальное право. Следует отметить, что Россия традиционно придерживается данного подхода в вопросе определения границ национального суверенитета в Интернете³. Другим вариантом определения территориальной юрисдикции является гражданство участников правоотношений. В соответствии с этим принципом, в отношении лица должно применяться законодательство страны его гражданства вне зависимости от его физического местонахождения. В случае применения данного принципа, пациенту из страны В, пострадавшему от действий врача – гражданина страны Б, придется обращаться в суды последней. США придерживаются подхода, в соответствии с которым государство может применять свои законы против иностранных граждан, совершающих действия в его стране, даже если физически они находятся за ее пределами. То есть пациент, находящийся в США и получивший некачественную медицинскую услугу в метавселенной у врача – гражданина страны Б, находящегося в ней физически в момент оказания услуги, обратится за защитой в суд США. Наконец, метавселенные по аналогии с соци-

¹ См., например: Лицензионное соглашение с конечным пользователем продукта Fortnite. – URL: <https://www.fortnite.com/eula> (дата обращения: 20.01.2025).

² Solaiman B. Telehealth in the Metaverse: Legal & Ethical Challenges for Cross-Border Care in Virtual Worlds // The Journal of Law, Medicine and Ethics. – 2023. – Vol. 51. – P. 287.

³ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 63.

альными платформами могут в своих пользовательских / лицензионных соглашениях оговаривать применимое законодательство в тех случаях, когда спор будет касаться функционирования самой платформы.

Очевидно, что такое разнообразие подходов к определению применимой юрисдикции на практике будет вызывать коллизии, наилучшим способом разрешения которых, безусловно, было бы принятие международного договора, направленного на закрепление единообразных правил определения подсудности. Однако в существующих условиях это вряд ли достижимо. Представляется, что в условиях национального права наиболее оптимальным является нормативное закрепление требования о том, что иностранных врачей для дистанционного оказания медицинских услуг вправе привлекать только медицинские организации, которые будут нести полную ответственность за качество их работы. Это потребует внесения изменений в законодательство, поскольку в соответствии со ст. 69 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» право на осуществление медицинской деятельности на территории нашей страны имеют только лица, прошедшие аккредитацию. Оказание же медицинских услуг пациентам, находящимся на территории РФ, через метавселенную напрямую иностранными врачами должно подлежать административной ответственности, а в случае причинения вреда пациенту – рассматриваться как уголовно наказуемое деяние.

В-третьих, возникают вопросы, связанные с дачей пациентом информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. В соответствии со ст. 20 указанного Закона оно дается на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанным с ним риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях и предполагаемых результатах. Однако в условиях дистанционного общения на платформе метавселенной качество и полнота информации, предоставленной пациенту, могут быть недостаточными. Это может быть связано с ограничениями платформы, не позволяющей врачу точно оценить состояние пациента. Сама платформа может иметь недостатки, которые будут отражаться на качестве медицинского вмешательства (например, низкая скорость передачи данных, «зависание», низкое качество изображения и т.п.). Наконец, сам пациент может не понять или просто не расслышать вра-

ча. Учитывая такое количество рисков, данное пациентом согласие вряд ли соответствует критериям «информированности», закрепленным в российском законодательстве. Не соответствует оно и формальным критериям – письменное согласие при личном контакте или согласие, подписанное квалифицированной электронной подписью через единую государственную систему в сфере здравоохранения при оказании телемедицинских консультаций.

В-четвертых, базовыми технологиями метавселенной являются интернет вещей (IoT) и искусственный интеллект (ИИ). Соответственно, возникают свойственные для данных технологий вопросы предвзятости, связанные с качеством данных, используемых для обучения ИИ, а также объективности показаний датчиков IoT. Так, представители разных рас имеют собственные генетические особенности, поэтому алгоритм, обученный преимущественно на клинических данных, например европейцев, может выдать ошибочное заключение для пациента-азиата или африканца. Или же пульсоксиметры измеряют уровень кислорода, направляя инфракрасный луч на кожу. Однако цвет кожи влияет на эти показатели, что систематически приводит к завышению уровня насыщения кислородом у небелых пациентов. Эти примеры вновь приводят нас к вопросу ответственности за ошибочные диагнозы или лечение, назначенные врачом из-за некорректной работы технических средств.

В-пятых, отдельно следует остановиться на юридической квалификации медицинских услуг на платформах метавселенной. В научной литературе отсутствуют публикации по данной проблематике. По-видимому, это связано с тем, что технология находится на раннем этапе развития и еще не вошла в широкое использование. Тем не менее представляется важным поднять данный вопрос, поскольку без его глубокой доктринальной проработки невозможно полноценное правовое регулирование соответствующих отношений. Как было показано выше, метавселенные в настоящее время преимущественно рассматриваются как игровые миры, Интернет нового поколения или социальные сети (т.е. общественные пространства). Очевидно, что в зависимости от избранного подхода будет различаться и система правового регулирования. Так, если воспринимать метавселенную просто как Интернет, то фактически ее регулирование должно осуществляться в рамках информационного права с акцентом на технические средства защиты от кибератак в качестве критически важной ин-

фраструктуры, а также на правовые инструменты блокировки запрещенного контента.

Очевидно, что данный подход нельзя считать приемлемым для сферы здравоохранения, поскольку он не позволяет ответить на обозначенные выше вопросы, которые могут быть урегулированы только в рамках отраслевого законодательства. Представляется, что для правильной квалификации медицинской деятельности в метавселенной следует понять особенности взаимоотношений между врачами и пациентами на соответствующих платформах. Как отмечалось выше, метавселенные могут моделировать три типа объектов: люди, сцены и события. При этом пользователи могут взаимодействовать исключительно с технологиями, например, когда исследователь с помощью ИИ пытается выявить особенности того или иного заболевания и то, как определенные вещества могут повлиять на организм человека; либо же может происходить взаимодействие между людьми (врач–врач или врач–пациент). Соответственно, в первом случае речь идет о новых способах научно-исследовательской деятельности и применимым будет научное и информационное право. Если же метавселенная используется как платформа для обучения студентов медицинских вузов, о чем было сказано выше, то применению подлежит образовательное право, в которое, очевидно, потребуется внести соответствующие изменения¹. Если же взаимодействие связано с оказанием медицинских услуг, то наиболее близким аналогом является телемедицина.

Следует отметить, что данная сфера нашла закрепление в российском законодательстве еще в 2017 г., когда Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» был дополнен ст. 36.2 «Особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий». Закон содержит определение не телемедицины, а телемедицинских технологий (информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие, идентификацию и аутентификацию, а также документирование совершаемых действий). В Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации телемедицина определяется как комплекс процедур, обеспечивающий с помощью информационных технологий и высокоскоростных каналов связи обмен медицинскими данными на расстоянии.

¹ Данный вопрос требует дополнительной научной проработки и не является предметом настоящего исследования.

Соответственно, в России принят подход, согласно которому речь идет не о новом виде медицинских услуг, а всего лишь о новой форме оказания традиционных медицинских услуг – с использованием дистанционных технологий. Как отмечает Е.Е. Мацуева, телемедицина включает в себя в основном лечебно-диагностическую составляющую, и не охватывает профилактику заболеваний и обучающую деятельность. Таким образом, телемедицина – это система стандартов оказания медицинской помощи в дистанционной форме для осуществления лечебно-диагностического процесса и удаленного мониторинга состояния пациентов, который нуждается в постоянном медицинском контроле¹.

Представляется, что данный подход является обоснованным и должен быть использован в отношении дистанционного взаимодействия между врачами и пациентами на площадке метавселенной, которую следует рассматривать как более технически «продвинутую» форму телемедицины.

При этом, как отмечает Усенков И.А., в отсутствие правового регулирования телемедицинские услуги оказывались пациентам и до 2017 г. Это было связано с тем, что законодательство не запрещало оказывать медицинскую помощь дистанционно, если такие услуги отвечали критериям оказания медицинской помощи². Принятие же данной статьи резко сократило количество дистанционных консультаций, поскольку закон закрепил жесткие и довольно узкие рамки их использования. Во-первых, использовать телемедицинские технологии может только лечащий врач для наблюдения за пациентом, которому ранее на очном приеме был поставлен диагноз и назначено лечение. То есть с помощью телемедицины нельзя осуществить первичный прием, назначить лечение, пациент не может дистанционно получить консультацию у любого врача, а только у лечащего. Кроме того, врач в этот момент должен находиться на своем рабочем месте.

В результате, после внесения данных положений в федеральный закон добросовестные клиники и врачи резко сократили количество дистанционных услуг, а недобросовестные продолжили принимать пациентов дистанционно в нарушение законодательства. Так, в 62,5% случаев врачи телемедицинских сервисов

¹ Мацуева Е.Е. Понятие телемедицины в науке и праве // Трибуна ученого. – 2024. – № 3. – С. 71.

² Усенков И.А. Стабильность законодательства о телемедицине: актуальные проблемы // Право и современные государства. – 2023. – № 6. – С. 37.

пренебрегали новыми ограничениями и все равно назначали прием лекарственных средств дистанционно без очной консультации¹.

Речь идет о многочисленных интернет-сервисах, представляющих медицинские консультации в режиме видеосвязи или чата. Как отмечает М.Л. Давыдова, анализ практики работы этих сервисов, с одной стороны, свидетельствует об избыточности многих правовых ограничений, а, с другой стороны, исследования показывают наличие серьезных недостатков в качестве предоставляемых данными сервисами услуг², из чего следует вывод о непроработанности и низком качестве правового регулирования сферы телемедицины.

Как подчеркивают М.Л. Давыдова и П.С. Коробкина, действующее законодательство не только не способствует развитию технологий телемедицины, но и в целом ограничивает возможности существующей телемедицины и делает ее неэффективной³.

Неудивительно, что в 2020 г., когда был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», одними из первых заявок на установление экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций стали инициативы по оказанию услуг в области телемедицины. В результате, в 2021 г. в ст. 36.2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» внесены существенные изменения⁴, которые предоставили Правительству РФ право устанавливать специальное регулирование, отличающееся от регулирования, предусмотренного положениями данного закона. Постановлением Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспери-

¹ Усенков И.А. Стабильность законодательства о телемедицине: актуальные проблемы // Право и современные государства. – 2023. – № 6. – С. 38.

² Давыдова М.Л. Телемедицина и экспериментальные правовые режимы в области здравоохранения: проблемы и перспективы внедрения // Вестник российского Университета дружбы народов. Серия юридические науки. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 570.

³ Давыдова М.Л., Коробкина П.С. Экспериментальные правовые режимы в области телемедицины // Advances in law studies. – 2022. – Т. 10, № 4. – С. 30.

⁴ Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации”».

ментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» введен экспериментальный правовой режим, которым многие из проблем регулирования телемедицины, выделяемые в научной и практической литературе, разрешены преимущественно путем дерегулирования. В частности, постановлением Правительства РФ исключено действие десяти пунктов и частей различных нормативных правовых актов. Например, не применяются в рамках экспериментального правового режима положения о возможности оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий тем же врачом, который проводил очный осмотр, о письменной форме договора на оказание услуг, о даче информированного добровольного согласия только с помощью ЕСИА и т.д.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что метавселенная имеет значительный потенциал для трансформации медицины и всей сферы здравоохранения в целом, хотя пока и находится на ранней стадии развития. Представляется, что на современном этапе наиболее вероятно и обоснованно ее использование в медицинском образовании, фармацевтике, а также в телемедицине для достижения большей иммерсивности взаимодействия врача с пациентом.

В связи с этим рассмотренный в настоящей статье российский опыт регулирования телемедицины является достаточно важным и позволяет заранее увидеть риски непродуманного и поспешного правового регулирования развивающейся технологической сферы. Поэтому было бы целесообразно заранее подготовиться к будущему распространению медицины в метавселенной, используя для этого методологический подход, принятый в Китае, где новое регулирование долго апробируется в форме эксперимента или подзаконного акта, прежде чем найти отражение в законе¹.

¹ Трощинский П.В. Правовая культура Китая: от традиции к современности // Закон. – 2022. – № 9. – С. 16–29.

АЛФЕРОВА Е.В.¹, СКУРКО Е.В.² НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО МЕДИЦИНСКИМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ (ОПЫТ ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ, НИДЕРЛАНДОВ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ) (Обзорная статья)

Аннотация. На примере отдельных национальных правовых систем (Франция, Италия, Нидерланды, Великобритания) раскрываются опыт и особенности правового регулирования компенсации вреда, причиненного некомпетентным медицинским лечением, а также наиболее часто используемые методы альтернативного разрешения споров в сфере здравоохранения. В целях определения значения права на охрану здоровья и права на медицинское обслуживание как ориентиров для оказания качественной медицинской помощи на внутригосударственном уровне исследуются развитие современного общественного здравоохранения и медицинского обслуживания, а также процессы судебного и внесудебного урегулирования случаев врачебной халатности.

Ключевые слова: медицинская ответственность; ответственность врача; здравоохранение; медицинское обслуживание; право на охрану здоровья; право на жизнь; медицинское право; компенсация вреда здоровью.

ALFEROVA E.V., SKURKO E.V. National Systems of Compensation for Damage Caused by Medical Care (Experience of France, Italy, the Netherlands, Great Britain) (Review article)

Abstract. Using the example of individual national legal systems (France, Italy, the Netherlands, and the United Kingdom), the experien-

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник, зав. отделом правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

ce and features of the legal regulation of compensation for damage caused by incompetent medical treatment, as well as the most commonly used methods of alternative dispute resolution in the healthcare sector, are revealed. In order to determine the importance of the right to health protection and the right to medical care as guidelines for the provision of quality medical care at the domestic level, the development of modern public health and medical care, as well as the processes of judicial and extrajudicial settlement of cases of medical negligence, are being investigated.

Keywords: medical responsibility; doctor's responsibility; healthcare; medical care; the right to health protection; right to life; medical law; compensation for harm to health.

Для цитирования: Алфорова Е.В., Скурко Е.В. Национальные системы компенсации ущерба, причиненного медицинским обслуживанием (опыт Франции, Италии, Нидерландов, Великобритании) (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 66–80. – DOI: 10:31249/ajpravo/2025.02. 05

Введение

Сегодня особенное внимание исследователей привлекает не только и не столько уголовное преследование в случае медицинской халатности, сколько современные изменения в тех гражданско-правовых и альтернативных правовых процедурах, которые призваны учитывать интересы всех сторон, участвующих в спорах об оказании некачественной медицинской помощи (услуги). Анализ научных публикаций, связанных с проблемами компенсации ущерба, причиненного медицинским обслуживанием и в результате злоупотребления служебным положением, и ответственности в сфере здравоохранения, показывает, что эта тема, во-первых, достаточно полно разработана в рамках современной правовой доктрины, во-вторых, гражданско-правовые и альтернативные инструменты предоставляют различные возможности сторонам, вовлеченным в спор, возникший в результате причинения ущерба здоровью в случае оказания медицинской помощи, – компенсационные, профилактические или психологические и др. В гражданско-правовом измерении споры в сфере оказания медицинских услуг (лечения) могут выходить за рамки юридического иска, из отношений пациента (истца) и практикующего врача или медицинского учрежде-

ния (ответчика). Их разрешение служит достижению более общих, системных и научных целей¹.

Важным основанием для развития различных гражданско-правовых или альтернативных механизмов систем компенсации в случае причинения вреда при оказании медицинских услуг в национальных правовых системах являются принципы и нормы международного права прав человека. Однако единого стандарта охраны здоровья в мире, как отмечает Дебора Бах-Голецкая, доцент факультета права и управления Университета Варшавы, не существует, поскольку требование о наивысшем достижимом уровне охраны здоровья по самой своей природе является специфическим стандартом, основанным на имеющихся ресурсах в рамках экономического и социального уровня развития конкретной страны на данном этапе².

Построение международного стандарта охраны здоровья основывается на двух столпах: первый – обязанность государственных органов организовать систему здравоохранения и обеспечить медицинским обслуживанием все население страны; второй – гарантировать право человека на охрану здоровья. Точкой соприкосновения этих двух оснований – коллективного и индивидуального, активного и пассивного, стороны поставщика услуг и стороны получателя этих медицинских услуг – поддержание и восстановление здоровья пациента³.

В организации здравоохранения исследователи отмечают новые явления, которые оказывают влияние на медицинскую практику. Во-первых – растущее применение новых технологий в медицине, в том числе перспективы использования искусственного интеллекта в целях обработки больших данных в здравоохранении. Во-вторых – потребность наращивания и оптимизации государственного финансирования здравоохранения. В-третьих – «новый статус» пациентов в медицинской среде, позволяющий изменить отношения между врачом и пациентом и усовершенствовать систему медицинского обслуживания. Основным «двигателем» здесь является возросшая уверенность в себе пациентов, по-

¹ Bach-Golecka D. Compensation Schemes and Extra-Judicial Solutions in Case of Medical Malpractice. A Commentary on Contemporary Arrangements // Compensation Schemes for Damages Caused by Healthcare and Alternatives to Court Proceedings: Comparative Law Perspectives / ed. D. Bach-Golecka. – Cham: Springer, 2021. – P. 2.

² Ibid. – P. 7.

³ Ibid.

вышение уровня их знаний в области медицинской помощи и здравоохранения («эффект доктора Google»), что приводит к расширению возможностей пациентов и влечет за собой «демократизацию» отношений в рассматриваемой сфере, а также отказ от патернализма между врачом и пациентом¹.

В данной обзорной статье рассматриваются особенности механизмов компенсации вреда, причиненного здоровью человека медицинским обслуживанием, во Франции, Италии, Нидерландах, Великобритании, описанные исследователями из разных стран в книге «Схемы компенсации вреда, причиненного медицинским обслуживанием, и альтернативы судебному разбирательству: перспективы сравнительного правоведения»².

Франция: система компенсации по несчастным случаям в медицине. Закон Франции о правах пациентов от 4 марта 2002 г. установил общую систему компенсации за вред, связанный с оказанием медицинской помощи, и тем самым создал привлекательную альтернативу традиционному деликтному иску. Теперь пациенты могут обращаться с запросами о компенсации в одну из 25 региональных примирительных и компенсационных комиссий (*commissions régionales de conciliation et de compensation*). Эти комиссии были созданы как альтернатива судам и призваны помочь пациентам получить компенсацию. Комиссия состоит 20 человек, представляющих шесть категорий заинтересованных лиц – пациенты, медицинские работники, представители больниц (поликлиник), страховщики, – и возглавляется судьей. С момента получения претензии (жалобы) с требованием выплаты компенсации, у комиссии есть шесть месяцев, чтобы дать заключение, в котором оценивается обоснованность претензии, и, при необходимости, предоставление юридического заключения медицинскому страховщику (в случае врачебной халатности) или Французскому бюро по выплате компенсаций в случае несчастных случаев на произ-

¹ Bach-Golecka D. Compensation Schemes and Extra-Judicial Solutions in Case of Medical Malpractice. A Commentary on Contemporary Arrangements // Compensation Schemes for Damages Caused by Healthcare and Alternatives to Court Proceedings: Comparative Law Perspectives / ed. by D. Bach-Golecka. – Cham: Springer, 2021. – P. 10.

² Ibid. – 458 p.

водстве (French Compensation Office of Medical Accidents) (ONIAM) (далее – Бюро)¹.

Вышеупомянутый Закон 2002 г. также унифицировал правила ответственности за врачебную халатность, независимо от вовлеченных сторон (государственные больницы, частные госпитали или частнопрактикующие медицинские работники), и установил новую правовую обязанность медицинских работников получать информированное согласие пациента и предоставлять доступ к медицинским записям (медицинским картам)².

В результате реформы 2002 г. у пациентов, требующих компенсации за вред, который они считают связанным с оказанием медицинских услуг, есть два варианта действия: они могут подать иск против частнопрактикующего врача или больницы, где они получили медицинскую помощь, либо в одну из 25 региональных примирительных и компенсационных комиссий.

Финансирование возмещаемого ущерба осуществляется в рамках программы компенсации вреда в связи с медицинским несчастным случаем и зависит от результатов процедуры, проводимой комиссией по примирению и компенсации. Если комиссия придет к выводу, что медицинский несчастный случай был вызван врачебной халатностью, то страховщик медицинского работника должен будет возместить ущерб и профинансировать расходы из средств, выделенных на страхование медицинской ответственности, состоящих из страховых взносов, уплаченных врачами, государственными больницами и частными клиниками. Если истец имеет право на возмещение ущерба от компенсационного Бюро по выплате компенсаций в связи с медицинскими несчастными случаями на производстве, то источником финансирования является бюджет этого Бюро, регулируемый ст. L 1142–23 (3) Кодекса общественного здравоохранения Франции (Code de la santé publique). В случае, если Бюро (ONIAM) заменяет частную страховую компанию, которая не желает возмещать ущерб истцу, то оно имеет право подать регрессный иск и взыскать выплаченную сумму со страховщика³.

Система компенсаций, действующая во Франции с 2002 г., сегодня подвержена критике, обсуждается возможная реформа За-

¹ Knetsch J. The French Medical Accident Compensation Scheme. A Critical Assessment of the Patients' Rights Act of 4 March 2002 // Ibid. – P. 179.

² Ibid. – P. 180.

³ Ibid. – P. 184.

кона 2002 г., несмотря на ту значительную роль в деле защиты прав пациентов, которую сыграл этот Закон. Основные задачи, стоящие перед системой в ближайшие годы, по мнению Джонаса Кнеча, профессора факультета права Университета Парижа, – достижение баланса между открытостью системы и ее затратами, усиление роли примирительных процедур, разработка уникальных руководящих принципов выплаты компенсаций, реструктуризация финансовых и кадровых механизмов Бюро и преобразование заключений комиссий в обязательные к исполнению решения¹.

Италия: альтернативные методы разрешения споров по возмещению вреда в здравоохранении. Итальянская правовая система возмещения пациентам ущерба, причиненного медицинским обслуживанием, основана на традиционной концепции медицинской ответственности и правовой возможности обращения с иском в суд. Из-за отсутствия специального законодательства в течение длительного времени регулирование в рассматриваемой области осуществлялось судами, главным образом Верховным кассационным судом, на основе общих принципов, установленных гражданским законодательством². Однако в последние несколько лет, в связи с растущим беспокойством общественности, были приняты законодательные меры, направленные на стимулирование использования альтернативных методов разрешения споров в сфере здравоохранения.

Правила одинаковы независимо от того, является ли медицинское учреждение государственным или частным. Во-первых, закон налагает одинаковые обязательства на все медицинские учреждения. Во-вторых, различия в возмещении ущерба здоровью в зависимости от характера медицинского учреждения могут входить в противоречие с фундаментальным характером права на охрану здоровья, гарантированного п. 1 ст. 32 Конституции Италии, декларирующим: «Республика защищает здоровье как фундаментальное право личности и общественный интерес, а также гарантирует бесплатное медицинское обслуживание малоимущим»³.

¹ Knetsch J. The French Medical Accident Compensation Scheme. A Critical Assessment of the Patients' Rights Act of 4 March 2002.

² De Luca A. The Judge, the Legislator and... the Mediator. The Long Journey of Medical Malpractice in Italy // Compensation Schemes for Damages Caused by Healthcare and Alternatives to Court Proceedings: Comparative Law Perspectives / ed. D. Bach-Golecka. – Cham: Springer, 2021. – P. 225.

³ Ibid.

Длительное время ответственность врачей регулировалась в основном судебной практикой, которая постепенно смещала баланс в пользу пациентов. В последние несколько лет в Италии были приняты важные законодательные акты. Их цель состоит в том, чтобы обеспечить более сбалансированное сочетание нескольких конкурирующих интересов, снизить давление на практикующих врачей, повысить доступность страхового покрытия и снизить общие затраты в системе здравоохранения. Среди этих актов следует выделить Декрет-закон N 38 от 13 августа 2011 г., который ввел требование о том, чтобы все специалисты, включая медицинских работников, имели страховую защиту по обязательствам, вытекающим из практики их деятельности, и Указ-закон N 158 от 13 сентября 2012 г. (известный как «Закон Бальдуцци»), статья 3 которого внесла некоторые существенные изменения в регулирование ответственности врачей. Пункт 1 этой статьи устанавливает, «что, если медицинский работник действовал в соответствии с руководящими принципами и передовой практикой, выработанной аккредитованным научным сообществом, уголовная ответственность в случае *culpa levis* исключается». Однако медик может быть привлечен к ответственности за ущерб в соответствии со ст. 2043 Гражданского кодекса Италии, т.е. по внедоговорной ответственности¹. Кроме того, согласно п. 1 ст. 3 Закона Бальдуцци, при оценке ущерба суд должен принять во внимание тот факт, что медицинский работник соблюдал установленные стандарты поведения. В п. 2 ст. 3 предусмотрены единые минимальные стандарты и процедуры для обязательных полисов и создан гарантийный фонд. Пункт 3 ст. 3 регулирует размер ущерба, причитающийся в случаях врачебной халатности.

В 2017 г. был принят Закон N 24/2017, так называемый Закон Джелли / Бьянко, который содержит раздел «Меры по обеспечению безопасности пациентов и ответственности врачей». Среди важных нововведений, содержащихся в этом Законе, есть нормы, направленные на попытку провести комплексную реформу в области врачебной халатности. Во-первых, этот Закон содержит ряд положений, направленных на разработку эффективной системы управления рисками для предотвращения нежелательных явлений.

¹ De Luca A. The Judge, the Legislator and... the Mediator. The Long Journey of Medical Malpractice in Italy // Compensation Schemes for Damages Caused by Healthcare and Alternatives to Court Proceedings: Comparative Law Perspectives / ed. D. Bach-Golecka. – Cham: Springer, 2021. – P. 232–233.

В частности, ст. 3 Закона Джелли / Бьянко предусматривает формализацию системы руководящих принципов для повышения качества медицинской помощи и стандартизации клинической практики. Эти принципы разрабатываются государственными и частными органами и учреждениями, научными обществами и ассоциациями, включенными в специальный перечень, утверждаемый Министерством здравоохранения.

Во-вторых, ст. 6 Закона Джелли / Бьянко изменяет положение ст. 3 Закона Бальдуцци об уголовной медицинской ответственности: исключается ссылка на *culpa levis* (легкая небрежность) и одновременно этот вид вины включен в Уголовный кодекс Италии. Согласно ст. 590 Закона Джелли / Бьянко, медицинский работник не несет ответственности только в том случае, если смерть или травма пациента произошли из-за неопытности (*imperizia*), при этом руководящие принципы были полностью им соблюдены и соответствовали особенностям конкретного случая.

В-третьих, ст. 7 Закона Джелли / Бьянко устанавливает, что ответственность медицинских учреждений (как государственных, так и частных) всегда носит договорный характер, в то время как ответственность медицинских работников регулируется ст. 2043 Гражданского кодекса Италии, т.е. носит внедоговорный характер¹.

Практическую значимость этих изменений в законодательстве, по мнению исследователей, не стоит преувеличивать, поскольку в конечном итоге во всех случаях, связанных с медицинской ответственностью, вопросы вины и причинно-следственной связи будут по-прежнему решаться на основе экспертного заключения².

Несмотря на то что в правовой системе Италии акцент традиционно делался на обращении в суд как на традиционном способе разрешения споров, в последние десятилетия Италия примкнула к общей тенденции, заключающейся в ориентации на альтернативные методы разрешения споров.

В области врачебной халатности первый опыт был накоплен в регионах, которым поручено управление общественным здраво-

¹ De Luca A. The Judge, the Legislator and... the Mediator. The Long Journey of Medical Malpractice in Italy // Compensation Schemes for Damages Caused by Healthcare and Alternatives to Court Proceedings: Comparative Law Perspectives. – P. 234.

² De Luca A. Op. cit.

охранением. В частности, в 2005 г. в Эмилии-Романье и в 2007 г. в Пьемонте были начаты проекты по обучению персонала медицинских учреждений методам медиации в целях управления внутренними и внешними конфликтами и создания более благоприятной атмосферы их разрешения¹. В других регионах, таких как Тоскана, на добровольной основе были созданы совместные согласительные комитеты для урегулирования конфликтов. Эти комитеты предлагали варианты их разрешения, а стороны вольны были принять или отвергнуть эти предложения. По общей оценке, результатами разного рода посреднических усилий комитетов стало уменьшение общего количества заявлений, поданных в этот альтернативный суду орган, в том числе из-за неэффективной коммуникации, недовольства медицинским персоналом или неадекватного управления рисками в медицинском учреждении².

На государственном уровне по вопросам альтернативных методов разрешения споров, включая области здравоохранения и оказания медицинской помощи, был принят законодательный Декрет N 28 от 4 марта 2010 г. «О медиации, направленной на урегулирование гражданских и коммерческих споров». Этот Декрет ввел в действие (впервые в правовой системе Италии) общее положение о медиации в гражданских и коммерческих спорах, реализующее Директиву Евросоюза № 2008/52/ЕС о медиации в гражданских и коммерческих спорах. Декрет был введен в действие Указом N 180 от 18 октября 2010 г. о центрах медиации, посредниках и расходах на медиацию, позднее дополненным Указом N 145 от 6 июля 2011 г.

Отличительной чертой нового законодательного регулирования о медиации и его наиболее противоречивой особенностью стала обязательная внесудебная медиация, предусмотренная п. 1 ст. 5 Декрета N 28, распространяющаяся на споры, касающиеся широкого и разнообразного круга вопросов, включая врачебную халатность. В этих случаях, если стороны не подали заявление о попытке примирения до подачи своего иска в суд, судья вправе по своей инициативе, установить 15-дневный срок для подачи заявления и назначить новое слушание по истечении срока, в течение которого должна быть завершена медиация, первоначально составившего четыре месяца (ст. 6)³.

¹ De Luca A. Op. cit. – P. 236.

² Ibid.

³ Ibid. – P. 237.

Многие медицинские работники приветствовали эту меру, поскольку она позволила бы сократить количество судебных дел и, возможно, расходы на страхование. Однако значительная часть юридического сообщества, включая коллегия адвокатов, решительно выступила против обязательного характера медиации, и как только вступили в силу положения законодательного Декрета, касающиеся обязательной внесудебной медиации (21 марта 2011 г.), они были оспорены в Конституционном суде Италии и Суде ЕС.

Тем не менее, несмотря на то, что на национальном уровне решением Конституционного суда N 27227 от 6 декабря 2012 г. ст. 5 была признана неконституционной, правительство приняло Декрет-закон N 69 от 21 июня 2013 г., который был дополнен Законом N 98 от 9 августа 2013 г., ст. 84 которого восстанавливала обязательную внесудебную медиацию по спорам о врачебной халатности и почти по всем другим областям гражданских отношений. В настоящее время обязательная медиация предусмотрена как в отношении претензий к медицинским специалистам, так и в отношении претензий к медицинским учреждениям. Предусмотрено также требование об участии и помощи сторонам в процессе медиации адвоката¹.

Нидерланды: инновации в системе компенсации за вред, причиненный медицинским лечением. В Нидерландах опасения по поводу негативного опыта пациентов, связанного с медицинским лечением и судебными процедурами по делам о возмещении вреда здоровью, привели к потенциально серьезным изменениям в области процессуального законодательства о жалобах и компенсации².

Исследователи отмечают, что в Нидерландах не существует проблемы кризиса ответственности врачей, требующего принятия таких мер, как ограничение количества судебных разбирательств по медицинским вопросам и уменьшение суммы финансовой компенсации и др. Как в научных, так и в политических дискуссиях нередко указывается на то, что: 1) неумелые ответы на жалобы и неблагоприятные события приводят к ненужным судебным разбирательствам, включая необоснованное предъявление претензий и подачу дисциплинарных жалоб, которые приводят к деструктив-

¹ De Luca A. Op. cit. – P. 238.

² Laarman B., Akkermans A. Innovation Compensation for Medical Liability in the Netherlands // Compensation Schemes for Damages Caused by Healthcare and Alternatives to Court Proceedings: Comparative Law Perspectives. – P. 269.

ным состязательным процессам; 2) это наносит ущерб как пациентам, так и медицинским работникам и 3) при наличии законного требования о компенсации оно должно быть удовлетворено, но это часто занимает много времени и является трудным и обременительным как в финансовом, так и в эмоциональном плане¹.

Обеспокоенность положением пациентов привела к принятию в 2015 г. Закона о качестве медицинской помощи, жалобах и спорах, который вступил в силу в 2016 г. Данный Закон рассматривается как попытка добиться фундаментальных изменений в способах рассмотрения жалоб в сфере здравоохранения и медицинского обслуживания с акцентом на открытое, неформальное и проактивное реагирование как на претензии, так и на рекламации. Согласно этому Закону: 1) запрос о выплате компенсации считается жалобой, если он отвечает требованиям, предусмотренным Законом о жалобах на медицинское обслуживание; 2) жалобы рассматриваются независимым специалистом; 3) для рассмотрения жалоб / исковых заявлений установлены сжатые сроки; 4) если пациенты не удовлетворены ответом поставщика медицинских услуг на их жалобу / иск, они могут обратиться в независимый суд по спорам в сфере медицинского обслуживания и здравоохранения, который может принять обязательные к исполнению решения, включая возмещение ущерба. Эти новые законодательные положения направлены на то, чтобы улучшить положение пациентов, предоставляя неформальные, недорогие и быстрые способы разрешения как претензий, так и жалоб².

Однако изменения в способах рассмотрения жалоб и претензий в сфере общего здравоохранения, по мнению Берберы Лаарман, доцента факультета права Амстердамского свободного университета, и Арно Аккеманса, профессора этого же Университета, не может быть достигнуто только с помощью законодательства, поскольку оно требует изменения культуры среди всех вовлеченных специалистов, отхода от традиционных состязательных традиций и перехода к восстановительным и примирительным подходам, которые могут рассматриваться как неотъемлемая часть еще более широкого спектра мер, изменяющих здравоохранение в целом, и как переход от «культуры обвинений» к «культуре справед-

¹ Laarman B., Akkermans A. Innovation Compensation for Medical Liability in the Netherlands // Compensation Schemes for Damages Caused by Healthcare and Alternatives to Court Proceedings: Comparative Law Perspectives. – P. 275.

² Ibid. – P. 284.

ливости». Среди нескольких инициатив – инициатива создания Кодекса поведения медицинских работников в случаях медицинских инцидентов и Сети открытого обучения больниц – содержит комплексные предложения по внесению изменений в действующее законодательство. Исследователи считают, что изменение культуры поведения как медицинских работников, так и пациентов, прежде всего отказ от неприязненного настроения и поиск решений по целенаправленному, восстанавливающему и примиряющему реформированию взаимоотношений сторон, должно стать частью более масштабных реформ в здравоохранении и оказании медицинских услуг, переходу от «культуры обвинений» к «культуре справедливости»¹.

Великобритания: актуальные вопросы развития альтернативных систем компенсации за вред в сфере медицинской деятельности. В Великобритании ответственность за врачебную халатность в подавляющем большинстве случаев регулируется нормами частного права, мало подверженному изменениям. Для английского общего права характерно отсутствие специального закона (*lex specialis*), регулирующего такие нарушения².

До настоящего времени все предложения о том, чтобы реализовать в стране нечто подобное системам компенсации или возмещения ущерба, свойственных континентальному праву, были отклонены из-за высоких возможных затрат на это. Тем не менее, например, в Уэльсе действует ряд малых специальных схем, а также схема возмещения ущерба при относительно незначительном ущербе, наряду с пакетом процедурных требований, включая судебные разбирательства по делам о злоупотреблении служебным положением, которые особенно актуальны в контексте проблем в сфере здравоохранения³.

По общему правилу взыскание компенсации за врачебную халатность предусмотрено позитивным правом, применяемым обычной системой гражданских судов Великобритании. Применимое право в вопросах возмещения вреда в сфере здравоохранения – это часть общего права, свода норм, взятых из судебной практики Великобритании и разработанных на ее основе. С точки зрения

¹ Laarman B., Akkermans A. – P. 275.

² McGrath C.P. *Alternative Compensation Schemes for Medical Malpractice in the United Kingdom // Compensation Schemes for Damages Caused by Healthcare and Alternatives to Court Proceedings: Comparative Law Perspectives/* – 2021. – P. 433.

³ *Ibid.*

правовой доктрины в рамках этого свода норм отношения между врачом и пациентом обычно регулируются деликтным правом (tort law), которое налагает на лиц, оказывающих медицинскую помощь, прямое внедоговорное гражданско-правовое обязательство избежать преднамеренного и неосторожного, причинения вреда пациентам¹.

Если практикующий врач работает на поставщика медицинских услуг, этот поставщик может быть привлечен к ответственности в соответствии с общими принципами субсидиарной ответственности. На практике подавляющее большинство медицинских услуг в Великобритании предоставляется Национальной службой здравоохранения (the National Health Service) (NHS), которая чаще всего и является ответчиком за врачебную халатность. Тем не менее потерпевший истец может подать в суд на соответствующего практикующего врача, причем это может быть единственным поданным иском, если медицинская помощь оказывается вне подчинения учреждений Национальной службы здравоохранения. Реже деликтная ответственность, при соответствующих обстоятельствах, может быть направлена непосредственно против самого медицинского учреждения. В данном случае суть претензии в большей степени связана с организационными сбоями, а не с личной ошибкой врача или другого медицинского персонала².

В научной литературе общепризнанно, что предоставление компенсации в рамках системы деликтного права, применяемого судами Великобритании, является медленным и дорогостоящим процессом, так как предусматривает значительные препятствия для сторон в судебном процессе. Судебная система взыскания компенсации за причинение вреда здоровью неоднократно подвергалась критике по этим основаниям. В последние годы из-за изменений в государственном финансировании возмещения вреда по деликтным искам пострадавшим пациентам стало сложнее подавать иски – из опасения, что им придется оплатить судебные издержки медицинских учреждений ответчиков в случае неблагоприятного для истца исхода судебного разбирательства³.

Ведущие ученые-комментаторы сегодня настойчиво выступают за отмену значительной части норм деликтного права в том виде, в каком они обычно понимаются и применяются в Великобритании, и замену их системой компенсации в случае несчастно-

¹ McGrath C.P. Op. cit. – P. 433–434.

² Ibid.

³ McGrath C.P. Op. cit. – P. 437.

го случая без вины. Представители высших судебных инстанций также выражают сомнения, хотя и во внесудебном порядке, в отношении соответствия Закона о телесных повреждениях в Великобритании поставленной задаче возмещения вреда, полученного в сфере здравоохранения. В рамках программы компенсаций без вины, согласно Акту о выплатах за вред от вакцинации 1979 г., выплачивается единовременная не облагаемая налогом выплата, не связанная с фактически причиненным вредом, в размере 120 тыс. фунтов стерлингов тем, кто страдает тяжелой инвалидностью после вакцинации против заболеваний, включенных в перечень, предусмотренный этим Актом. За незначительными исключениями, программа распространяется только на тех, кто обратился за помощью в возрасте до 21 года, хотя она распространяется также и на лиц, получивших травму в результате того, что их мать получила вакцинацию по заболеваниям из установленного перечня в период беременности.

Следует сказать, что в Великобритании не существует государственного органа, который бы занимался медицинской халатностью. Также не существует такого органа (если только не относить суды к ним), в котором централизованно оценивались и присуждались бы компенсации за вред, причиненный медицинским учреждением. В том, что касается общественного здравоохранения, Национальная служба здравоохранения, реализующая программу возмещения ущерба, может обратиться в суд с иском, если он предъявлен самой Службе, или на практике урегулировать их в том органе, который вправе его рассмотреть, но не принимает решений о возмещении вреда. В этих целях действует ряд благотворительных и волонтерских организаций, которые готовы оказывать юридико-техническую помощь в исковых вопросах, однако они действуют на местном уровне и не занимаются присуждением возмещения вреда и компенсациями за ущерб.

Заключение

Современное правовое развитие в сфере общественного здравоохранения и оказания медицинской помощи, как показывают научные юридические исследования, претерпевает качественные изменения, которые отражаются в новых законодательных актах, направленных на обеспечение права на охрану здоровья и права на жизнь, принятие врачами обоснованных решений относительно предполагаемого лечения. Исследователи отмечают переход от

«стандарта разумности» для врачей к «стандартам разумности» для пациентов – или к бинарному стандарту разумности, предъявляемому к обеим сторонам в вопросе о медицинском лечении¹.

Недавним явлением в здравоохранении стал «новый статус» пациентов в медицинской среде, который приводит: 1) к изменению отношений между врачом и пациентом и, как следствие, к развитию системы медицинского обслуживания, в основе которой лежит возросшая уверенность в себе пациентов, повышение их уровня знаний в области медицины и здравоохранения («эффект доктора Google»); 2) к расширению их возможностей, влечет за собой отказ от патернализма в отношениях между врачом и пациентом².

Анализ современных правоотношений в сфере охраны здоровья человека, оказания медицинских услуг показывает определенные особенности, которые могут оказаться решающими в процессе выявления механизмов компенсации и внесудебных решений в случае причинения ущерба здоровью в сфере здравоохранения. Это: 1) растущее значение медицинских знаний; 2) обеспечение надлежащего уровня медицинской помощи пациентам; 3) поддержание эффективной коммуникации между пациентами и врачами; 4) соблюдение профессиональных стандартов этики и ответственности при оказании медицинской помощи; 5) изучение предшествующей медицинской практики (медицинских карт) в целях оказания качественной медицинской помощи; 6) надлежащее эмпатическое отношение к пациентам внутри системы здравоохранения, отстаивание их интересов как клиентов, потребителей и конечных получателей медицинских услуг³.

¹ McGrath C.P. Op. cit. – P. 11.

² Bach-Golecka D. Op. cit. – P. 10.

³ Ibid.

ГРОГОЛЬ А.Г.¹ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ГЕРМАНИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ (Обзор)

Аннотация. В обзоре рассматривается опыт реализации права и политики, направленных на охрану и обеспечение медицинских прав граждан, здравоохранение и благоприятные условия жизни в Федеративной Республике Германия. При этом в качестве современного вызова, усложняющего эффективность и результативность действий государственных органов, выступает процесс цифровизации, затронувший наиболее важные общественные процессы и приводящий к возникновению правовых коллизий, «пробелов» в законе и т.д. Анализируются нормативные правовые акты, регулирующие применение цифровых технологий в медицинской сфере, вопросы защиты персональных данных, равного доступа к медицинским услугам и телекоммуникациям. Представлен взгляд исследователей на достижения и проблемные аспекты, с которыми сталкивается немецкая система здравоохранения в период цифровой трансформации.

Ключевые слова: здравоохранение; цифровизация; медицинские права; трансформация; зарубежный опыт; правовые основы; защита прав; государственное регулирование; Российская Федерация; Федеративная Республика Германия.

GROGOL A.G. Healthcare in Germany in the Context of Digitalization: Legal Aspects (Review)

Abstract. The review examines the experience of implementing law and policy aimed at protecting and ensuring the medical rights of citizens, healthcare and favorable living conditions in the Federal Republic of Germany. At the same time, the modern challenge complicat-

¹ Гроголь Анастасия Георгиевна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

ing the effectiveness and efficiency of government agencies is the process of digitalization, which has affected the most important social processes and led to legal conflicts, “gaps” in the law, etc. The article analyzes the regulatory legal acts regulating the use of digital technologies in the medical field, issues of personal data protection, equal access to medical services and telecommunications. The article presents the researchers' view on the achievements and problematic aspects faced by the German healthcare system during the digital transformation.

Keywords: healthcare; digitalization; medical rights; transformation; foreign experience; legal framework; protection of rights; state regulation; the Russian Federation; the Federal Republic of Germany.

Для цитирования: Гроголь А.Г. Здравоохранение в Германии в условиях цифровизации: правовые аспекты (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 2: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 81–88. – DOI: 10.31249 / iajpravo/2025.02.06

Введение

В последнее время можно наблюдать повышение уровня заинтересованности граждан, организаций, органов государственной власти и государства в целом в обеспечении необходимых и достаточных условий для поддержания соответствующего уровня здравоохранения. При этом законодатель в лице государства постоянно сталкивается с вызовами, в том числе, побуждаемые процессом перехода общественных отношений на «цифровой» уклад жизни.

В данном обзоре рассматриваются эффективные правовые механизмы государственного управления в области здравоохранения в Федеративной Республике Германия.

Служба общественного здравоохранения Германии и ее полномочия. Одной из основных структур в системе здравоохранения ФРГ является Служба общественного здравоохранения (Öfentliche Gesundheitsdienst), которую также называют «Полиция здравоохранения» (Gesundheitspolizei).) Эта Служба осуществляет надзор в сфере здравоохранения и контроль за оказанием медицинских услуг. В ее функции также входит: поддержание чистоты воздуха, пищевой промышленности, дорожно-транспортных инфраструктур, борьба с риском возникновения эпидемий, а также решение административного вопроса, связанного с ведением мо-

нитинга эффективной и законопослушной деятельности сотрудников [2, S. 688–689].

Ключевым для понимания устройства сферы здравоохранения в ФРГ выступает сепарация медицинского обслуживания граждан от государственного финансирования. Это означает, что деятельность по поддержанию уровня здоровья граждан обеспечивается не за счет налоговых поступлений, а путем внедрения системы медицинского страхования, за реализацию которой в большем объеме отвечают частные страховые компании.

Спектр компетенций современной Службы общественного здравоохранения. Перечень обязанностей Службы постоянно растет благодаря модернизации новых институтов, особенно ввиду распространения цифровизации в здравоохранении. Однако возникший на данном основании «каскадный эффект» цифровизации, как замечает Андреа Кислинг, профессор, директор Института европейской политики в области здравоохранения и социального права при Гёте Университете во Франкфурте-на-Майне, вызвал неоднородность нормативно-правовых актов по объему и структуре. Несмотря на их схожесть, действуют также законы, предусматривающие современные подходы к управлению здравоохранением. Чтобы избежать недопонимания, вызванного «нормативной путаницей» А. Кислинг предлагает сгруппировать виды деятельности Службы по критерию компетенции:

- 1) обеспечение охраны здоровья;
- 2) разработка нормативно установленных мер по профилактике и укреплению здоровья граждан;
- 3) предоставление открытого доступа к медицинским услугам в отношении уязвимых категорий граждан (малообеспеченных, детей, инвалидов и др.) [ibid., S. 690].

По мнению А. Кислинг, деятельность Службы заключается также в поддержании надлежащего качества санитарно-эпидемиологических условий больниц, приютов, домов престарелых, а также питьевой воды, контроле за допустимыми показателями воздуха в районах с негативным экологическим коэффициентом.

Для разрешения вопросов первой компетенции, автор предлагает конкретизировать положения Основного закона ФРГ в специальных отраслевых законах, которые детализировали бы отдельные направления деятельности Службы. Например, Закон Германии о защите от инфекций (Infektionsschutzgesetz, 2023) или нормативные правовые акты, принятые на уровне федеральных земель или органов местного самоуправления, могут содержать

положения, учитывающие их территориальные особенности в решении конкретных вопросов общественного здравоохранения [2, S. 690–691].

Интересен опыт решения проблем, возникающих в связи с реализацией второй компетенции. В Германии в целях преодоления правового пробела проводятся консультации и круглые столы профильных специалистов. Данные мероприятия осуществляются в основном на местном уровне и актуальны в случаях, когда органам местной власти не хватает источника прямого правового регулирования (на государственном уровне). Такой инструмент координации и контроля принято считать «мягким» механизмом управления. Конференция по здравоохранению может проводиться с участием всех заинтересованных субъектов в формате видеоконференции, а основным документом считается отчет о состоянии здоровья (Gesundheitsberichterstattung).

Для целей реализации третьей компетенции в полном объеме и с соблюдением всех необходимых процедур, правительством Германии определен четкий перечень категорий граждан, относящихся к «нуждающимся». На государственном уровне в данную группу входят младенцы, беременные женщины, инвалиды и те, кто находится в прединвалидном состоянии, больные хроническими, психическими заболеваниями, инфицированные. Однако некоторые федеральные земли дополнили перечень и признали пожилых людей (пенсионеров) гражданами с особым правовым статусом в сфере здравоохранения [ibid., S. 690–692].

Взаимосвязь немецкого законодательства с правом Европейского союза. Германия – страна – член Европейского союза, законодательство которого направлено на гармонизацию путем издания модельных законов, а также имплементации европейских регламентов и директив в национальные законодательства стран – членов ЕС. Развитие цифровых технологий обусловило обновление правового пространства ЕС и вместе с тем стало испытанием по своевременному восполнению пробелов в праве. Так, обязательным для всех стран – членов ЕС стал Регламент Европейского пространства медицинских данных, утвержденный Европейским парламентом и Советом Европы (Regulation on the European Health Data Space, 2024), целью которого является создания электронной платформы, сформированной путем объединения различных баз медицинских данных на территории ЕС в целях упрощения сбора информации о пациенте при прохождении лечения.

Не менее значимым нормативным правовым актом в немецкой системе цифрового здравоохранения стал Регламент Европейского парламента и Совета Европы «О гармонизированных правилах справедливого доступа к данным и их использования» (Regulation on harmonised rules on fair access to and use of data and amending Regulation, 2023). Его принятие показало серьезное отношение Евросоюза к сохранению конфиденциальности персональных данных, закрепив положение о том, что, следуя принципу справедливости, далеко не каждый субъект имеет равный доступ к данным. Если персональная информация о пациенте не будет сопровождаться правовыми ограничениями, возникнет риск непредвиденной утечки данных и их использование во вред пациента. Регламент также содержит положения, защищающие пациентов от злоупотребления медицинских работников и иных задействованных должностных лиц [3, S. 721–722].

Внедрение цифровых технологий в сферу здравоохранения. Тенденция использования новых цифровых технологий в разных сферах жизни общества и государства в Германии затронула и сферу здравоохранения. В целях внедрения технологических инноваций в стране функционирует Цифровая служба здравоохранения (Digital Health Service), которая включает (создает) электронные сервисы, доступные для пациентов и потребителей. Это достигается за счет предоставления доступа к медицинским данным в электронном формате и информации в сети Интернет. Еще одним позитивным аспектом является преодоление трансграничного барьера ввиду возможности переноса консультаций с врачом, мониторинга и процесса лечения полностью в онлайн-формат, независимо от времени и места, что позволит повысить эффективность здравоохранения и медицинской помощи [1, S. 1222].

Исследователи признают, что не каждая область общественного здравоохранения может быть полностью перенесена в цифровое пространство, особенно это касается хирургии, эндокринологии, офтальмологии и др. Однако Патрик Рейндерс, Матиас Огюстен и Марина Оттен, профессора Института медицинских исследований в области дерматологии и сестринского дела (IVDP) (Гамбург), убеждены в возможности более интенсивной цифровизации, в том числе в дерматологическом секторе. Текущая ситуация с дерматологической помощью в Германии характеризуется низкой производительностью ввиду большого количества консультаций, длительного ожидания и, соответственно, нерезультатному лечению [ibid., S. 1222–1223].

Законодательство Германии не содержит нормативных правовых актов, прямо или косвенно запрещающих телемедицину, наоборот, в дерматологическом направлении (теледерматологии) государство активно стимулирует применение и распространение цифровой службы здравоохранения. Трансграничный эффект, вызываемый данными цифровыми новациями, позволяет и иностранным гражданам получать высококачественные медицинские услуги немецких специалистов из любой точки мира, т.е. цифровая медицина становится неотъемлемой частью традиционной медицины. Она также обеспечивает такие функции здравоохранения, как организация своевременного лечения и медицинского обслуживания, профилактика заболеваний и агитация за здоровый образ жизни, государственная поддержка внедрения цифровых инноваций [1, S. 1223–1224].

Правовые и функциональные основы регулирования искусственного интеллекта и обеспечение конфиденциальности данных в сфере здравоохранения. Закон об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act, 2024), принятый Европейским парламентом и Советом Европы, был разработан в целях систематизации и управления технологиями ИИ. Несмотря на всеобъемлющее проникновение технологий искусственного интеллекта в здравоохранение, законодатель с очевидной опаской относится к практическому применению теоретических предложений ученых [3, S. 722–723]. В вопросах систематизации и сортировки данных ИИ на данный момент не имеет себе равных, поскольку он может использовать в качестве метода расчета абсолютно любой алгоритм, совершать операции расширенного спектра в кратчайшие сроки, а также не имеет ограничений по количеству и объему хранимых данных. Для конфиденциальности содержащиеся на носителе данных необходимо частично анонимизировать, индивидуализировать и классифицировать в зависимости от области применения.

Практически ориентированные подходы к использованию технологии искусственного интеллекта. Существует множество примеров практического использования ИИ в медицине в Германии. Они находят применение, в частности, в области репродуктивной медицины, неонатологии, радиологии, патологии, дерматологии, офтальмологии, кардиологии, хирургии и паллиативной помощи, и это лишь некоторые из медицинских дисциплин. Например, скрининг новорожденных с помощью ИИ помогает быстро выявить возможные заболевания и существующие заболева-

ния и, в зависимости от ситуации, начать лечение. ИИ особенно незаменим в области мониторинга и лечения хронических и редких заболеваний, поскольку своевременное выявление часто позволяет предотвратить или, по крайней мере, смягчить постепенное течение заболевания и избежать серьезных последствий.

Кроме того, на основании заданных параметров ИИ используется для разработки новых лекарственных препаратов, что, в свою очередь, позволяет сократить административные процедуры и ускорить распространение данного лекарства с учетом всех необходимых регистрационных процедур, путем упрощения сбора и подготовки документации [3, S. 722–723].

Несмотря на достаточное законодательное «оснащение» в вопросе права доступа и распоряжения медицинскими данными, по убеждению Бриджит Таг, профессора, доктора юридических наук Цюрихского университета, окончательное решение субъектного состава ИИ и признания ее субъектом права до сих пор не принято, и опережающая роль права в данном случае не проявляется.

Грамотность в отношении данных – еще одна ключевая проблема, которая часто остается без должного внимания, связана с возможностями граждан адаптироваться к происходящим цифровым изменениям. Почти все правила, касающиеся цифровизации в здравоохранении, свидетельствуют о стремлении законодателя укрепить права пациентов в условиях применения ИИ. Важно учитывать, что многие граждане Германии по разным причинам не могут пользоваться или иметь доступ к таким электронным девайсам, технологиям и изобретениям, как аватары, чат-боты, электронные медицинские записи, электронные рецепты [ibid., S. 728].

Именно поэтому, Бриджит Таг считает, что политика государства должна быть направлена и на просветительскую деятельность, информирование граждан о широком спектре возможностей, цифровое обучение (ibid).

Заключение

Проведенный анализ опыта Федеративной Республики Германия в системе здравоохранения с учетом влияния процесса цифровизации позволяет констатировать, что внедрение цифровых технологий, несмотря на значительные преимущества, сопряжено с рядом правовых и функционально-операционных вызовов. Исследование учеными нормативно-правовых актов различных уровней, регулирующих внедрение, применение и использование со-

временных передовых технологий в медицинской сфере, выявило необходимость комплексного подхода к обеспечению охраны электронных данных граждан, предоставление равного доступа к медицинским услугам и поддержания необходимого уровня телемедицинских систем. Опыт Германии в административном управлении сферой здравоохранения заслуживает внимания и изучения, так как Служба общественного здравоохранения как целевой институт и самостоятельный орган позволяет качественно выполнять задачи в рамках четко регламентированных компетенций, сочетая при этом современные цифровые методы решения проблемных аспектов в системе здравоохранения. Исследователи отмечают, что цифровизация в сфере здравоохранения требует не только технологических инноваций, но и четкой законодательной базы, административного аппарата, способного своевременно отзываться на затрагивающие социальную сферу модификации.

Созданная в ФРГ в качестве помощника Службы общественного здравоохранения, главного административного органа, Цифровая служба здравоохранения призвана следить за сохранением медицинских персональных данных пациентов, так как недопущение их утечки и распространения являются приоритетом национальной и кибербезопасности. При этом учитываются малейшие нюансы, особенно в цифровой сфере и обеспечении конфиденциальности персональных данных (медицинские, генетические, биометрические), контроля за использованием технологий искусственного интеллекта. Однако самой главной задачей в общественном здравоохранении страны была и остается защита прав пациентов в цифровой среде.

Список литературы

1. Reinders P., Augustin M., Otten M. Nutzung und Akzeptanz von Digital Health in der Allgemeinbevölkerung und in der Dermatologie in Deutschland – eine repräsentative Umfrage // Journal der Deutschen Dermatologischen Gesellschaft. – 2024. – Vol. 22, N 9. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ddg.15454> (дата обращения: 02.01.2025).
2. Kießling A. Die Rolle des Öffentlichen Gesundheitsdienstes im Gesundheitswesen nach der Pandemie. – 2024. – Vol. 42. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00350-024-6828-2> (дата обращения: 05.01.2025).
3. Tag B. Digitalisierung im Gesundheitswesen. – 2024. – Vol. 42. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00350-024-6832-6> (дата обращения: 10.01.2025).

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 347.4; 340.5

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.07

РЯБЦЕВА Е.В.¹ БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ (Обзор)

Аннотация. В статье анализируются современные правовые исследования, касающиеся комплексных, междисциплинарных проблем борьбы с коррупцией. Создание эффективных антикоррупционных практик основывается на системном понимании сущности коррупции как глобальной проблеме современного мира. Представленные в работе исследования обосновывают прямую зависимость эффективности антикоррупционных мер от состояния правовой, экономической, политической, социальной и культурной сфер общества, развития информационных технологий и направлены на поиск универсальных способов борьбы с коррупцией. В целом, проблемы борьбы с коррупцией, которые обсуждаются как в российских, так и зарубежных исследованиях, сходны, как и предложенные антикоррупционные меры, что свидетельствует об общих проблемах, которые создает коррупция и единых подходах в противодействии ей.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционные практики; децентрализация; государственная служба; верховенство закона; мировое сообщество.

RYABTSEVA E.V. Fight Against Corruption in the Modern World: Anti-Corruption Practices (Review)

¹ © Рябцева Екатерина Владимировна, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, эксперт Совета судей РФ.

Abstract. The article analyzes modern legal research on complex, interdisciplinary problems of combating corruption. The creation of effective anti-corruption practices is based on a systematic understanding of corruption as a global problem in the modern world. The research presented in the paper substantiates the direct dependence of the effectiveness of anti-corruption measures on the state of the legal, economic, political, social and cultural spheres of society, the development of information technology and is aimed at finding universal ways to combat corruption. In general, the problems of fighting corruption that are discussed in both Russian and foreign studies are similar, as are the proposed anti-corruption measures, which indicates the common problems that corruption creates and common approaches to countering it.

Keywords: corruption; anti-corruption practices; decentralization; civil service; the rule of law; the world community.

Для цитирования: Рябцева Е.В. Борьба с коррупцией в современном мире: антикоррупционные практики (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 89–99. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.07

Введение

Одной из самых острых проблем современности, от решения которой зависит дальнейшее развитие мирового сообщества, является проблема коррупции. В условиях глобализации коррупция приобрела новое качество, выражающееся, в частности, в ее транснациональных формах. Коррупция является одним из вызовов мировому развитию, она затрагивает общество и экономику всех стран¹ и в настоящее время получила определение «социальной пандемии» [1, с. 29]. Исследования эффективности мер по борьбе с коррупцией, проведенные за последнее десятилетие, обосновывают необходимость создания новых, эффективных мер борьбы с коррупцией, учитывающих современные условия развития общества и государства [8]. Анализ современной коррупции позволяет сделать вывод о ее системном характере. В настоящее время все чаще говорят о том, что коррупция становится частью функционирования государства на всех уровнях, фактически признается в качестве нормы и поощряется. Борьба с такой коррупци-

¹ См.: Конвенция ООН против коррупции (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.).

ей включает не только применение репрессивных, прежде всего уголовных мер реагирования.

Пониманию сущности коррупции как «системного явления», причины ее возникновения и распространения в разных сферах жизни общества способствуют новые комплексные научные исследования ее различных форм проявления негативного влияния на те или иные сферы жизни общества и государства. Анализ юридической литературы, предпринятый в данном обзоре, также показывает появление новых форм коррупции, связанных с развитием информационных технологий, требующих принятия эффективных антикоррупционных мер реагирования.

Современные исследования эффективности мер по борьбе с коррупцией. Глобальный характер проблемы коррупции определяет особенности исследований данного явления. Преобладают комплексные «междисциплинарные» исследования, которые позволяют рассматривать коррупцию как сложное явление, обусловленное состоянием правовой, экономической, политической, социальной и культурной сфер общества.

Значительный вклад в исследование коррупции (определение ее сущности, выявление причин и условий ее возникновения, выработка наиболее эффективных способов противодействия этому негативному явлению) вносят ученые Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Одной из последних работ данной тематики является монография «Противодействие коррупции в контексте устойчивого развития», подготовленная Ю.В. Трунцевским, В.В. Севальневым, А.М. Цириним [5]. Данная монография продолжает цикл исследований указанного Института, направленных на научное обеспечение противодействия коррупции. В данной работе предпринята попытка формирования концептуальных подходов к преодолению негативного влияния коррупции на достижение целей устойчивого развития, раскрыты понятия и содержание «бытовой» и «деловой» коррупции, рассмотрены результаты социологических исследований коррупции, а также правовые меры пресечения незаконных финансовых потоков и возвращения коррупционных активов. Отличительной особенностью монографии является анализ особенностей противодействия коррупции в наиболее чувствительных сферах общественной жизни, таких как экономика, судебная система, образование, защита окружающей природной среды и здравоохранение.

Еще одним интересным исследованием Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ является монография «Противодействие коррупции: новые вызовы», подготовленная под редакцией академика, директора Института – Т.Я. Хабриевой [2]. В данном исследовании аккумулированы результаты междисциплинарных научных исследований правовых и институциональных основ противодействия коррупции, полученные в рамках реализации Национальной стратегии и национальных планов противодействия коррупции. Раскрыты современные подходы к противодействию коррупции с учетом новых угроз и факторов, способствующих распространению этого негативного социального явления.

За последние годы проведены интересные исследования не только общего, но и специального характера, затрагивающие отдельные сферы, которые подвергаются коррупционному воздействию. Среди них, например, монография «Противодействие коррупции: современные практики антикоррупционного комплаенса», подготовленная Е.В. Шороховым и А.А. Шороховым [4]. Монография подготовлена в соответствии с подпунктом «б» п. 7 Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 гг., утвержденного Указом Президента РФ от 16.08.2021 № 478. Исследование содержит обзор современных мировых практик антикоррупционного комплаенса и его перспектив в различных странах: США, Индии, страны-члены ЕС, Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока.

Исследования, посвященные противодействию коррупции в судебной системе на протяжении нескольких лет проводятся учеными Российского государственного университета правосудия. В 2024 г. вышло в свет научно-практическое пособие «Противодействие коррупции в судебной деятельности», под редакцией председателя Совета судей РФ В.В. Момотова. Данное издание посвящено основным проблемам предупреждения коррупции среди судей [3]. В работе отмечено, что основным подходом в вопросе борьбы с коррупцией должна являться не идея недоверия судье, а создание такого порядка, при котором в процессе отбора кандидатов на должности судей будут выявляться и отдаваться предпочтение тем кандидатам, которые покажут способность принимать независимые, законные и обоснованные решения.

Обратимся к зарубежным антикоррупционным исследованиям. Одной из ведущих стран, в которой имеется положительный опыт борьбы с коррупцией является Китайская Народная Респуб-

лика (КНР). Противодействие коррупции рассматривается как одно из ведущих направлений государственной политики КНР, а также предмет исследования китайских ученых и практиков. В 2024 г. Линь Хан, ученый из Научно-исследовательского центра чистого и честного управления Хунаньского университета Китая, подготовлен «Обзор международных соглашений о сотрудничестве в борьбе с коррупцией в Китае – на основе механизма обзора реализации Конвенции ООН против коррупции» [9]. В данном обзоре отмечается, что Конвенция ООН против коррупции (UNCAC) признается первым юридически обязательным глобальным антикоррупционным инструментом, а ее нормы обеспечивают для государств и гражданского общества возможность участия в борьбе с коррупцией. В статье на основании теории права и международного права проведено научное обоснование того, почему Китай смог успешно адаптироваться к международным антикоррупционным стандартам. В этой работе анализируются как передовая практика, так и недостатки в законодательстве и правоохранных механизмах Китая с точки зрения международного антикоррупционного сотрудничества UNCAC. Методы сбора и анализа данных включают документальный обзор, интервью, анкетирование и экспертное расследование. Затем, после изучения последних институциональных антикоррупционных достижений Китая, автор приходит к выводу, что правовые и идеологические препятствия для полной интеграции Китая в мировое антикоррупционное сообщество сохраняются. В заключении работы сформулированы некоторые предложения о том, как улучшить законодательство и обеспечить международное антикоррупционное сотрудничество Китая [9, р. 140].

Интересным исследованием актуальных проблем коррупции в современных условиях является небольшая по объему работа Камино Мортера-Мартениса «Как бороться с коррупцией и поддерживать верховенство закона», изданная в 2021 г. [7]. Автор прослеживает связь между коррупцией и верховенством права, критически оценивает антикоррупционную стратегию ЕС и предлагает рекомендации по повышению эффективности антикоррупционных мер с целью укрепления верховенства права в Европе.

Камино Мортера-Мартенис определяет коррупцию как серьезную геополитическую проблему, описывает коррупционные скандалы, имевшие место за последние годы, которые привели к смене правительств в Австрии, Эстонии и Испании и вызвали массовые публичные протесты в Болгарии, Румынии и Чехии, и об-

ращает внимание на то, что институты Евросоюза также не застрахованы от коррупции. Большинство коррупционных проявлений в ЕС связано с нецелевым использованием фондов ЕС. С точки зрения автора, для поддержания верховенства закона в Евросоюзе, ЕС необходимо иметь действенный план борьбы с коррупцией, гарантирующий, что никакие средства Союза не попадут в карманы коррумпированных политиков и их друзей. Борьба с коррупцией – это прежде всего борьба за изменение менталитета (7, р. 5).

Исследование сущности коррупции, определение наиболее оптимальных мер, направленных на противодействие данному негативному явлению, невозможно без учета особенностей развития современного информационного общества. В контексте понимания влияния информационных технологий на коррупцию важным является исследование Ричарда Саммерфилда «Технологии в борьбе с коррупцией» [11]. Показывая негативное влияние коррупции на нормальное функционирование конкурентных рынков и доверие к бизнесу, автор приводит данные МВФ и ООН. Так, по оценкам МВФ, во всем мире взяточничество обходится в 2 триллиона долл. в год, по данным ООН, стоимость коррупции превышает 3,6 триллиона долл. в год. В ответ компании и правительства выделяют значительные ресурсы на борьбу с этими преступлениями. По данным МВФ, доходы выше в странах, которые считаются менее коррумпированными. Наименее коррумпированные правительства получают на 4% ВВП больше налогов, чем страны на том же уровне экономического развития с самым высоким уровнем коррупции. Подсчитано, что если бы все государства сократили коррупцию аналогичным образом, то было бы получено 1 триллион долл. в виде потерянных налоговых поступлений, или 1,25% мирового ВВП [Ibid.].

Ричард Саммерфилд обращает внимание на то, что, с одной стороны, быстрый темп технологических инноваций открывает новые пути для злоумышленников совершать коррупционные действия – будь то использование возможностей в сети «Интернет», анонимности криптовалют или злоупотребления благонамеренными технологиями. Но, с другой стороны, автор делает обоснованный вывод о том, что технологии также играют важную роль в борьбе с коррупцией. Налоговые органы и таможенные агентства используют искусственный интеллект (ИИ) и прогнозную аналитику для обнаружения и предотвращения уклонения от уплаты налогов. Эти мощные инструменты могут обнаруживать аномалии или закономерности, например, в данных финансовых транзакций,

лучше, чем любой профессионал по соблюдению нормативных требований [11].

К одному из современных исследований, раскрывающих причинно-следственные связи между коррупцией и состоянием различных сфер жизни общества и государства, относится работа «Модели и опыт борьбы с коррупцией: на примере Западных Балкан» под редакцией Энрико Карлони и Дилетанта Паолетти, опубликованная в 2022 г. [6].

Рассматриваемая работа представляет собой двухлетнее сравнительно-правовое исследование, подготовленное группой ученых факультета политических наук Перуджинского университета (Università degli Studi di Perugia), одного из крупнейших и старейших университетов Италии. Исследования проводились в странах Западных Балкан, таких как Албания, Северная Македония, Черногория и Сербия.

В монографическом исследовании посредством междисциплинарного подхода проведен анализ феномена коррупции от общих вопросов определения сущности коррупции до конкретных решений проблем предупреждения и пресечения коррупционных проявлений.

В контексте национальных и международных особенностей противодействия коррупции, Микела Гнальди и Симона Дель Сарто указывают на сложность в определении наиболее эффективного способа измерения коррупции. Ученые делают обоснованный вывод об отсутствии универсальных способов измерения коррупции. В современных условиях наиболее эффективными методами измерения коррупции, по их мнению, является субъективный способ, основанный на восприятии коррупции со стороны общества, и объективный метод, основанный на статистических показателях деятельности того или иного органа государственной власти. Однако данные методы также являются несовершенными и имеют различное влияние на эффективность борьбы с коррупцией в различных государствах (6, р. 23–24).

При обсуждении инструментов борьбы с коррупцией в центре внимания Марко Маццони, Рита Маркетти, Джованни Барбьери, Роберто Минчигруччи, Анна Станзано оказались средства массовой информации, поскольку они считаются их эффективными инструментами раскрытия должностных преступлений. Эти авторы анализируют разные исследования, в основном экономические, которые показывают существование отрицательной корреляции между показателями коррупции и показателями, связанными со

свободой слова и прессы, предполагая, что, когда новости, связанные с коррупцией, свободно распространяются в обществе, то это облегчает социальный контроль за злоупотреблениями и повышает эффективность работы органов государственной власти. Однако в поле их внимания находятся также ряд работ политологов, которые ставят под сомнение вышеуказанный подход, доказывающий его детерминированный характер. Эти исследователи справедливо указывают на то, что для эффективного сдерживания коррупции недостаточно иметь законы, защищающие свободу прессы. Подчеркивается, что эффективность средств массовой информации в борьбе с коррупцией в значительной степени зависит от нескольких структурных особенностей средств массовой информации, включая независимость журналистики от политики и экономики. Важную роль в этом играет прозрачность владения средствами массовой информации [6, р. 78].

Энрико Карлони раскрывает превентивный подход борьбы с коррупцией как эффективную альтернативу репрессивно-уголовным мерам реагирования, необходимость сочетания репрессий и профилактики коррупции.

Еще одним важным аспектом борьбы с коррупцией в вышеуказанной работе считается реформа государственной службы в странах Западных Балкан. Гвидо Сириани, Алессандра Дождь, Маттео Фальконе выделяют несколько ключевых аспектов такой реформы: отбор и назначение на государственную должность на конкурсной основе; упорядочение поступления на государственную службу с учетом опыта и необходимых знаний; внедрение процедур и объективных правил оценки эффективности работы государственных служащих в контексте требований для занятия должности и возможности карьерного роста; организацию обучения работников государственных органов. Особое внимание авторы уделяют этическим требованиям к поведению государственных служащих, соблюдение которых обеспечивает их честность и неподкупность и является эффективной мерой предупреждения коррупции [Ibid., р. 112].

Интересным комплексным исследованием по антикоррупционной тематике следует признать «Руководство по передовым практикам борьбы с коррупцией», подготовленное в 2023 г. коллективом ученых – Оксаной Гусс, Майклом Беком, Яном Винарски Бриджит Слотом [10].

В исследовании проведен анализ различных методов борьбы с коррупцией в странах – членах ЕС, которые оказались наиболее

эффективными в решении проблем, связанных с коррупцией. Каждая глава посвящена определенному антикоррупционному подходу, эффективность каждого из которых подкрепляется соответствующими примерами из практики.

Концептуальное понимание коррупции не только как преступления, но и как определенного коррупционного риска, а также методологический подход к определению передовых практик борьбы с коррупцией позволил авторам сделать следующие выводы:

1) эффективность той или иной практики борьбы с коррупцией зависит от условий конкретного государства: экономического, политического и иного потенциала борьбы с коррупцией, уровня доверия общества к органам государственной власти и т.д.;

2) общепризнанно, что противодействие коррупции – это комплексная работа, которая в большей степени носит нелинейный характер, поскольку для достижения результата требуется сначала определение общей проблемы, которая в последующем решается практически;

3) решая конкретную проблему антикоррупционные методы обеспечивают достижение одного или нескольких результатов, показывая свою эффективность в борьбе с коррупцией. Менее эффективные методы борьбы с коррупцией уступают место новым инновационным методам, учитывающим современные тенденции развития государства и общества [10, р. 30–31].

В книге описаны наиболее новаторские и эффективные практики борьбы с коррупцией, а именно: онлайн-приложение ERAR («Единое окно для доступа к открытым публичным данным») в Словении; Соглашение о противодействии взяточничеству и иным формам коррупции (ОМК) между Шведской ассоциацией местных органов власти и регионов, Ассоциацией работодателей и Ассоциацией частных поставщиков медицинских услуг в Швеции, которое вовлекает в борьбу с коррупцией в сфере здравоохранения государственный, общественный и частный сектора; раскрытие информации о владельцах – бенефициарах с помощью интегрированных механизмов проверки данных в Словении; продвижение национальной антикоррупционной стратегии посредством механизма комплексного мониторинга, закрепленного в Национальном плане действий по борьбе с коррупцией в Греции; Агентство по противодействию системной политической коррупции на местном уровне управления в Испании как уникальный и успешный опыт деятельности антикоррупционного агентст-

ва на местном уровне управления, которое занимается борьбой с системной политической коррупцией и т.д.

Заключение

В современных условиях коррупция приобретает новые формы и виды, поэтому первостепенной задачей для каждого государства является разработка эффективных антикоррупционных мер. Ученые и практики, занимающиеся изучением проблем коррупции, пытаются разработать наиболее эффективные способы борьбы с данным негативным явлением. Для этого требуются общие усилия специалистов разных отраслей науки (права, экономики, политологии, социологии, информатики и т.д.), что позволит принимать во внимание особенности той или иной сферы жизни общества и государства, на которые коррупция оказывает негативное воздействие. Кроме того, необходимо учитывать экономические, политические, правовые, социокультурные особенности развития того или иного государства для определения оптимальных антикоррупционных мер противодействия коррупции. Социологические исследования свидетельствуют о том, что есть государства со значительно низким уровнем коррупции, а, следовательно, существуют эффективные средства борьбы с данным негативным явлением, которые могут стать универсальными для многих государств.

Неотъемлемым условием в противодействии коррупции является анализ и использование эффективного зарубежного антикоррупционного опыта. Однако следует обратить внимание, что заимствование должно быть избирательным, с учетом национальных особенностей каждого конкретного государства. Комплексные, междисциплинарные исследования коллективов ученых разных стран оказывают неопределимый вклад в исследовании коррупции и выработки антикоррупционных мер, наиболее оптимальных для современных условий развития общества.

Список литературы

1. Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / под ред. Эдгардо Кампоса, Санджия Праджана; пер. с англ. [В. Ионов, И. Окунькова, С. Сурин]. – Москва: Альпина Паблишерз, 2010. – 549 с.
2. Противодействие коррупции: новые вызовы / под ред. Т.Я. Хабриевой. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 384 с.

**Борьба с коррупцией в современном мире:
антикоррупционные практики**

3. Противодействие коррупции в судебной деятельности: науч.-практ. пособие для судей / под ред. В.В. Момотова. – Москва: РГУП, 2024. – 232 с.
4. Шорохов Е.В., Шорохов А.А. Противодействие коррупции: современные практики антикоррупционного комплаенса: монография. – Москва: КноРус, 2024. – 135 с.
5. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В., Цирин А.М. Противодействие коррупции в контексте устойчивого развития. – Москва: Инфотропик, 2024. – 236 с.
6. Anti-Corruption Models and experiences. The Case of the Western Balkans. Milano / eds. Carloni E., Paoletti D. – Italy: FrancoAngeli s.r.l., 2022. – 178 p.
7. Camino M.-M. How to Fight Corruption and Uphold the Rule of Law. CER Policy Brief. – London; Brussels; Berlin: Centre for European Reform (CER), 2021. – 14 p.
8. Jared M. Civil Servants, Social Norms, and Corruption: What do we know? What do we do? – Calgary: Besa Global, 2023. – URL: https://www.corruptionjusticeandlegitimacy.org/_files/ugd/865640_28a3b3e864be49b598c584d497e5ec21.pdf (дата обращения 20.01.2025.).
9. Han Lin. Reviewing International Anti-Corruption Cooperation Arrangements in China – Based on the Implementation Review Mechanism of UNCAC // Crime Law Soc Change. – 2022. – № 77. – P. 133–157.
10. Handbook of Good Practices in the Fight Against Corruption / Huss O., Beke M., Wynarski J., Slot B.; Publications Office of the European Union // Released on EU Publications Website: 2023-02-15. – 2023. – 233 p.
11. Summerfield R. Technology in the Fight Against Corruption // *Financier Worldwide Magazine*. – 2021. – July. – URL: <https://www.financierworldwide.com/technology-in-the-fight-against-corruption> (дата обращения 20.01.2025.).

УДК 349.6

DOI: 10.1249/iajpravo/2025.02.08

УЛЬЯНОВ А.В.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: монография / отв. ред. О.А. Романова. – Москва: Проспект, 2024. – 248 с.

ULYANOV A.V. Book Review: The Organizational and Legal Mechanism for Ensuring Sustainable Water Use in the Russian Federation: monograph / ed. by O.A. Romanova. – Moscow: Prospekt, 2024. – 248 p. (In Russian)

Ключевые слова: водный объект; бассейновый подход; водопользование; договор водопользования; охрана водных объектов; водоохранная зона.

Keywords: water body; basin approach; water use; water use agreement; protection of water bodies; water protection zone.

Для цитирования: Ульянов А.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 100–107. – Рец. на кн.: Организационно-правовой механизм обеспечения устойчивого водопользования в Российской Федерации: монография / отв. ред. О.А. Романова. – Москва: Проспект, 2024. – 248 с. – DOI: 10.1249/iajpravo/2025.02.08

В 2024 г. была опубликована монография, созданная усилиями авторского коллектива, под редакцией О.А. Романовой, доцента кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидата юридических наук, и посвященная актуальным проблемам правового регулирования устойчивого водопользования в России.

¹ Ульянов Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела правопедения ИНИОН РАН.

Результаты исследования, проведенного авторами монографии, составляют научную разработку положений, которые закреплены в документах стратегического планирования. Так, в настоящее время идет процесс подготовки Водной стратегии России до 2035 г., и в ее проекте¹ обозначаются приоритетные направления и основные цели развития водохозяйственного комплекса, а также способы их достижения. К числу таковых относятся, среди прочего: сохранение и восстановление водных объектов; гарантированное обеспечение водными ресурсами; защита населения и объектов экономики от наводнений; системное управление водохозяйственным комплексом; развитие международного сотрудничества в сфере водного хозяйства. Правовые аспекты деятельности по решению этих вопросов изучены специалистами по водному, экологическому и международному праву, принявшими участие в написании монографии.

Сообразно с темой исследования, структура монографии включает в себя три раздела. В первом разделе раскрываются ряд теоретических и практических аспектов правового обеспечения водопользования в России. Во втором разделе получили освещение актуальные проблемы правовой охраны двух особо ценных и уникальных российских водных объектов – озера Байкал и реки Волги. Третий раздел посвящен рассмотрению международных подходов к решению проблем использования и охраны трансграничных водных объектов.

Д.О. Сиваковым, ведущим научным сотрудником Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидатом юридических наук, проводится теоретический анализ механизмов правового обеспечения сберегающего использования и охраны вод. Так, в главе «Правовое обеспечение сберегающего использования и охраны вод в России и за рубежом: общие подходы и нерешенные вопросы» подчеркивается большое значение развитого, детально проработанного водного права, понимаемого как необходимое условие для дальнейшего экологического развития гражданского общества – процесса, который в перспективе неизбежно приводит к максимально высокому уровню ресурсосбережения (с. 9). Именно эффективное водное право в состоянии предоставить участникам водных отношений надлежа-

¹ Водная стратегия Российской Федерации на период до 2035 г. (проект). – URL: https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/9d4/nui2dhn1rwnrjaurb574k3gc37zбай1u/19-03-2024_11-07-34.zip (дата обращения: 11.11.2024).

щие средства реализации их интересов. В частности, право водопользования, приносящего не прибыль, а лишь затраты, устанавливается путем вынесения административных актов (решений о предоставлении водных объектов в пользование), в то время как право водопользования, сопряженного с получением прибыли, возникает на договорном основании – по договору водопользования (с. 10).

Что же касается охраны вод, то она основывается на признаках значимости водных объектов в качестве основы жизни и деятельности человека. Кроме того, принцип приоритета охраны водных объектов перед их использованием требует оценивать с юридической точки зрения хозяйственную деятельность на предмет внедрения технологий, которые обеспечивают наибольшее сбережение водных ресурсов и наиболее полное возмещение накопленного экологического вреда. В этом плане показателен опыт правового регулирования в зарубежных странах, к примеру, в Китае: законодательство КНР возлагает на предприятия обязанность по применению чистых технологий, высокоэффективно использующих сырье и обеспечивающих малый объем сброса загрязняющих веществ (с. 11).

Повышению эффективности правового регулирования водных отношений способствовала бы полноценная реализация на практике бассейнового подхода, предусматривающего координацию действий заинтересованных лиц и принятие ими коллегиальных решений в масштабе водного бассейна как единого объекта управления и охраны. На основе такого подхода создаются бассейновые органы (советы), но они имеют, как правило, совещательный характер и не принимают практических управленческих решений. При этом все же отмечается тенденция к повышению правового статуса бассейновых органов в ряде зарубежных стран (Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Китае, Венгрии и Бразилии), в связи с чем прогнозируется аналогичное преобразование правового положения бассейновых советов и в России (с. 12–13). Для российского права также целесообразно было бы возложить на указанные органы функцию по управлению процессами охраны и использования подземных вод (с. 16).

В целях надлежащего осуществления мер по охране и восстановлению водных объектов необходимо их полноценное финансирование. Вместе с тем, по мнению автора, ни получение платежей по договорам водопользования, ни водный налог не обеспечивают в России покрытие расходов на поддержание благополучного со-

стояния водного фонда страны. Плата за водопользование, или «водная рента» в экономическом смысле, должна служить таким жизненно важным целям (с. 13–14, 17). Выход этого тезиса в практику предполагает установление действенных финансово-правовых режимов, регулирующих аккумуляцию, распределение и использование средств «водной ренты» на соответствующие нужды.

Кроме того, Д.О. Сиваков подчеркивает, что ныне действующая в России модель правовой охраны вод не может нейтрализовать диффузного загрязнения водных объектов, наносящего существенный вред водному фонду страны. Речь идет о таком виде загрязнения вод, которому присущи неточечные (рассеянные, рассредоточенные) источники загрязнения. Диффузное загрязнение происходит при стоке с разных территорий водосбора из-за безответственного применения минеральных удобрений и ядохимикатов, а также хаотичной рекреации, причем подобное загрязнение не всегда заметно (с. 14–15).

Проблема неудовлетворительного качества природных вод поднимается С.И. Шапоренко, старшим научным сотрудником Института географии Российской академии наук, кандидатом географических наук, и А.М. Абдурашидовым, адвокатом, Адвокатская палата Республики Дагестан, в их главе «Водоохранные зоны: нужно и можно ли их сохранить?». Как отмечено в данной главе, в мире общепринятой действенной мерой защиты от диффузных загрязнений служит создание на побережьях водоохранных зон для ограничения хозяйственной деятельности (с. 65). В связи с этим авторы обращают внимание на утрату водоохранными зонами в Российской Федерации природоохранной функции и предлагают собственный подход к решению указанной проблемы. Предложенный подход включает два основных направления для применения мер охраны вод.

Во-первых, необходимо обеспечить экологическое воспитание населения страны. В частности, требуется усиливать разъяснительную работу с владельцами береговой недвижимости и доказывать этим лицам неизбежность обесценивания их имущества в связи с экологической деградацией водных объектов. К тому же на государственном уровне должно быть гарантировано полноценное раскрытие информации об использовании природных ресурсов и о состоянии окружающей среды. Важно, чтобы каждый человек получал сведения о природопользовании и мог участвовать в принятии решений об использовании природных ресурсов. На сегодняшний день российское государство несет большой урон

вследствие того, что стратегические решения о подобном использовании принимаются без ведома и согласия населения страны (с. 77–78).

Во-вторых, следует вновь ввести ограничения (препятствия) в отношении осуществления хозяйственной деятельности в водоохраных зонах. Такого рода ограничения ранее действовали в соответствии с Водным кодексом РФ 1995 г., но были отменены. Желательно также вернуться к методологии установления границ водоохраных зон и прибрежных защитных полос с учетом ландшафтных и геоморфологических условий водосборных бассейнов. В будущем, как пишут авторы, специалистам предстоит научная работа над теорией функционирования защитных механизмов природных ландшафтов с опытом реализации для разных условий антропогенного воздействия (с. 78, 81).

Результаты этой научной работы будут положены в основу предложенной авторами концепции. Последняя заключается в экономическом стимулировании перехода к экологическому природопользованию всех собственников земельных участков путем пропорциональной юридической ответственности за негативное влияние на водные объекты, в пределах водосбора которых находятся указанные участки. В узком, сугубо юридическом смысле меры подобного экономического стимулирования образуют не юридическую ответственность, а неблагоприятные последствия правового характера, а именно: ужесточение налогового бремени. С.И. Шапоренко и А.М. Абдурашидов считают необходимым изменить размер земельного налога за счет введения повышающих коэффициентов на участки водосбора в зависимости от их близости к береговой линии и степени влияния на водные объекты (с. 78–80, 81). Представляется, что эти повышающие коэффициенты будут увеличивать размер налоговой базы или налоговой ставки по земельному налогу.

Последствия введения особых условий для использования территорий, окружающих водный объект, отмечены О.А. Зиновьевой, доцентом кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидатом юридических наук, в главе «Правовые проблемы обеспечения санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения». Как указала О.А. Зиновьева, специальные режимы водоохранной зоны и прибрежной защитной полосы не содержат в себе правовых препятствий оборотоспособности земельных участков, располо-

женных в пределах зоны. При этом водоохранная зона должна иметь другое назначение: она создается как естественный барьер, преграждающий поступление загрязняющих веществ в водный объект в составе поверхностного и подземного стока. Например, в такой зоне устанавливаются ограничения на осуществление строительства, обусловленные необходимостью предотвращения загрязнения, засорения, заиления водных объектов и истощения их вод (с. 81, 87–88).

При помощи комплекса отраслевых приемов, средств и способов правовой регламентации водных отношений создаются правовые режимы использования и охраны особо ценных и уникальных водных объектов России. В таких режимах получают выражение стремления и попытки сохранения уникальных экосистем, относящихся к объектам природного наследия страны и мира в целом. Одним из таких объектов является Байкал – самое глубокое пресноводное озеро планеты.

Механизм охраны именно этого особо значимого водного объекта изучает Я.Б. Дицевич, ведущий эксперт НИИ правовой охраны Байкала Иркутского государственного университета, председатель Иркутского регионального отделения Всероссийского экологического движения «Экосистема», руководитель межрегиональной ассоциации молодежных экологических объединений Байкальского региона «ЭкоМолодежь», кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции, в главе «Проблемы правового обеспечения сохранения уникальной экосистемы озера Байкал».

Я.Б. Дицевич указывает на наличие ощутимых угроз состоянию экосистемы озера Байкал и констатирует, что нужно разрешить проблемы организационно-правового характера в сфере сохранения байкальской экосистемы, которые во многом вызваны отсутствием стратегически значимого правового акта по охране и социально-экономическому развитию Байкальской природной территории. В итоге налицо оказались и непонимание стратегии применения соответствующих мер, и отсутствие научной оценки последствий их реализации (с. 89–91).

По мнению автора, в целях совершенствования регулирования отношений по управлению Байкальской природной территорией и ее охране будет разумно учредить единую администрацию озера Байкал. Эта администрация наделялась бы полномочиями по подготовке плана управления и проведению зонирования соответствующей территории (с. 95). Подобное решение позволяет установить в режиме «одного окна» адекватные юридические препят-

ствия для деятельности, оказывающей негативное воздействие на озеро Байкал, в зависимости от степени указанного воздействия, а также проводить адресные, точечные мероприятия по развитию той или иной зоны.

Необходимо отметить, что в современных реалиях ряд проблем правового регулирования водных отношений уже переходят на международный уровень. Перспективы решения этих проблем рассмотрены Э.С. Теймуровым, доцентом кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидатом юридических наук, в главе «Тенденции развития международно-правового режима трансграничных водных объектов». Так, с 70-х годов XX в. мировое сообщество обеспокоено проблемой обеспечения человечества пресной водой. По вопросам использования ресурсов пресной воды из трансграничного водного объекта возникают споры между государствами, разделяющими данный объект. Даже несмотря на существование механизмов сотрудничества, могут появляться разногласия по поводу содержания прав и обязанностей государств в отношении упомянутых водных объектов (с. 170–171).

На основе анализа значительного нормативного и теоретического материала по исследуемой теме, автор обнаруживает две основные тенденции развития международно-правового режима трансграничных водных объектов:

– диверсификацию нормативного воздействия с учетом разных источников пресной воды, освоение которых вызвано дефицитом традиционных источников водоснабжения;

– усиление межотраслевого воздействия на общественные отношения по использованию и охране ресурсов трансграничных водных объектов благодаря установлению специальных норм, прежде всего, в сфере международного права прав человека (с. 171–172).

Э.С. Теймуров подчеркивает, что международным правом оказывается регулирующее воздействие на отношения по использованию и охране международных водотоков, трансграничных водоносных горизонтов, ледников и айсбергов, расположенных на международных пространствах. Эти источники пресной воды с точки зрения современного международного права представляют собой единство двух тесно связанных компонентов – гидрологической системы резервуаров и содержащихся в них ресурсов пресной воды. Имеет место смена приоритетов в использовании междуна-

родных водотоков: если в начале XX в. самым важным видом их использования было судоходство, то в настоящее время первостепенная роль отводится уже использованию ресурсов пресной воды для удовлетворения насущных потребностей человека. В результате пресная вода стала и объектом международного права прав человека, охраняющего право на воду в качестве одного из основных прав человека, и ресурсом, отношения по управлению, использованию и охране которого регулируются международным экологическим правом (с. 193–194).

Таким образом, результаты исследования ученых-правоведов по вопросам водного права, изложенные в рецензируемой монографии, позволяют прийти к выводу о необходимости совершенствования водного законодательства России посредством применения межотраслевого подхода к правовому регулированию водных отношений. В связи с этим монография представляет интерес для весьма широкого круга юристов – теоретиков и практиков, которые специализируются на проблемах становления и развития правоотношений водопользования.

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.09

КРЫСАНОВА Н.В.¹ ЧАСТНОПРАВОВЫЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены новые исследования российских ученых в сфере предпринимательского права, их взгляд на частноправовые и публично-правовые аспекты предпринимательской деятельности, концепции понимания предпринимательства и предпринимательских правоотношений в современных условиях хозяйствования в России, вопросы модернизации предпринимательского законодательства и развития партнерства государства и предпринимательского сообщества, роль судов в обеспечении развития предпринимательского законодательства.

Ключевые слова: предпринимательское право; предпринимательское законодательство; субъекты предпринимательской деятельности; государственно-предпринимательское партнерство.

KRYSANOVA N.V. Private Law and Public Law Aspects of Entrepreneurial Activity (Review)

Abstract. The review analyzes the works of Russian scientists who consider the concepts of understanding entrepreneurship and entrepreneurial legal relations in modern economic conditions in Russia, the issues of modernizing entrepreneurial legislation and developing partnership between the state and the business community in the legal support system for entrepreneurial activity, the role of courts in ensuring the development of entrepreneurial legislation.

Keywords: business law; business legislation; business entities; public-business partnership.

¹ Крысанова Нина Владимировна, старший научный сотрудник отдела правопедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Для цитирования: Крысанова Н.В. Частноправовые и публично-правовые аспекты предпринимательской деятельности (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 108–119. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.09

Введение

Актуализация предпринимательского законодательства в Российской Федерации обусловлена воздействием внешних санкций на предпринимательскую деятельность и требует быстрого реагирования в целях обеспечения защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства. В этих условиях наблюдаются негативные явления, которые не характерны для обычного функционирования гражданского оборота и, соответственно, предпринимательского законодательства. Увеличивается количество различных специальных нормативных правовых актов, между которыми нарастают элементы несогласованности и противоречия, а также снижается качество антикризисного законодательства [3, с. 4].

В обзоре представлены точки зрения российских ученых на природу предпринимательского права, вопросы модернизации предпринимательского законодательства и развития партнерства государства и предпринимательского сообщества в системе правового обеспечения предпринимательской деятельности.

Концепции понимания природы предпринимательского права. В теории предпринимательского права выделяются три ключевые концепции его понимания. Большинство ученых-цивилистов признают предпринимательское право частью гражданского права. Именно эта цивилистическая концепция получила нормативную реализацию. В абзаце 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ дано легитимное определение предпринимательской деятельности, где выделены ее нормативно-сущностные характеристики. Исходя из прямого указания ГК РФ, предпринимательские отношения находятся в сфере воздействия гражданского законодательства. Гражданским кодексом РФ регламентированы и базовые правила о субъектах предпринимательской деятельности, основном средстве ее осуществления – договоре, а также гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательства. Цивилистический подход предполагает раздельное правовое воздействие на частные и публичные предпринимательские отношения.

Ряд исследователей придерживаются иной позиции, они считают предпринимательское (хозяйственное) право самостоятельной отраслью права. Эта идея, по мнению А.С. Власовой, доцента кафедры гражданского права и гражданского процесса Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидата юридических наук, – «наиболее рассогласованная» с традиционными представлениями о российском праве. Предметом данной самостоятельной отрасли права представители этой концепции признают обусловленные предпринимательской (хозяйственной) деятельностью отношения, именуемые «предпринимательскими (хозяйственными), которые «едины по своей сущности» и включают отношения, формирующиеся «при осуществлении хозяйственной деятельности», ее «организации (регуливании)», и отношения внутрихозяйственного типа [1, с. 17–18].

В исследованиях ученых также представлена точка зрения на предпринимательское право как комплексную отрасль права. Однако в рамках данного подхода нет единства взглядов на сущность этой отрасли права и его институтов. По мнению А.С. Власовой, понимание предпринимательского права как комплексной отрасли позволяет получить целостное представление о системе предпринимательских отношений и их регулировании. Однако под сомнением находится возможность «перерастания комплексных отраслей права в основные отрасли» [там же, с. 25]. С ее точки зрения, отсутствует необходимость в формировании единого предмета предпринимательского права из тех отношений, единство которых невозможно. Выход из складывающейся ситуации видится во включении предпринимательских отношений в предмет гражданского права целостным блоком [там же, с. 103].

Согласно монистической концепции, предпринимательское право является самостоятельной отраслью права со своим предметом регулирования, т.е. предпринимательскими отношениями, возникающими в процессе предпринимательской деятельности между хозяйствующими субъектами. В монистических концепциях является комплексная теория сущности предпринимательского права при отказе от возможности его перерастания из комплексной в самостоятельную отрасль. Это обусловлено вероятностью утраты в рамках самостоятельной отрасли или в контексте указанного гражданско-правового воздействия баланса тех интересов, которые должны быть согласованы в предпринимательской деятельности, в силу ухода от учета специфики частных и публичных пред-

принимательских правовых связей. Это обусловлено вероятностью утраты в рамках самостоятельной отрасли или в контексте гражданско-правового воздействия баланса тех интересов, которые должны быть согласованы в предпринимательской деятельности, в силу ухода от учета специфики частных и публичных предпринимательских правовых связей [1, с. 104–105].

К предпринимательским правоотношениям, полагает А.С. Власова, целесообразно относить любые отношения, сопряженные с предпринимательской деятельностью, даже при установлении предмета предпринимательского права как комплексной отрасли, в частности, не следует объединять внутренние и внешние связи хозяйствующего субъекта в рамках данной отрасли права. Подобное восприятие предмета предпринимательского права стало возможно не только благодаря ориентации на комплексную концепцию предпринимательского права, но и на право осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. Поэтому автор предлагает исключить из предмета предпринимательского права корпоративные и трудовые отношения. Они должны быть обособлены от него [там же, с. 105].

Систему предпринимательских отношений, формирующих предмет предпринимательского права, с точки зрения А.С. Власовой, разумно строить посредством обращения к праву на предпринимательскую деятельность, а не факту ее осуществления. Исходя из этого подхода, предмет предпринимательского права может быть представлен как совокупность правоотношений, берущих свое начало в конституционном праве, что обусловлено признанием государством права на осуществление предпринимательской деятельности в качестве гарантированной Конституцией РФ основной свободы человека и гражданина [там же, с. 106].

Определение порядка ведения предпринимательской деятельности, регламентация прав и обязанностей субъектов, ее осуществляющих, а также сложившаяся правоприменительная практика ограничивают субъективное право. Однако при соблюдении требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ все указанное не рассматривается как чрезмерное и несправедливое влияние на правовой режим предпринимательства. В соответствии с данной статьей, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такие ограничения,

принятые в установленном порядке, не просто лимитируют свободу, но и позволяют каждому реализовать свое субъективное право на свободное осуществление предпринимательской деятельности. Фактически в отсутствие ограничивающего нормативного воздействия свобода предпринимательства не может быть воплощена в правоотношениях, подчеркивает А.С. Власова [1, с. 107].

Публично-правовое и частноправовое регулирование предпринимательских отношений. Государственно-правовое партнерство. В сфере гражданской юрисдикции складываются две группы правоотношений: частноправовые («горизонтальные») и публично-правовые («вертикальные»). Их различие заключается в соотношении правовых статусов участвующих в правоотношении лиц: если правовые статусы равны, правоотношение имеет частноправовой характер. Напротив, неравное соотношение статусов участников материального правоотношения позиционирует публично-правовое отношение. Однако основная проблема заключается в том, что к настоящему времени действующее российское законодательство не содержит единый универсальный критерий определения природы спорных материальных правоотношений и, соответственно, применимости к ним способов и процессуальных форм защиты [2, с. 38].

Государство является субъектом гражданского права и в сфере гражданской юрисдикции участвует как в частноправовых, так и в публично-правовых отношениях. При этом публично-правовая природа государства неизменна, и в рамках любых гражданских правоотношений оно реализует общественный, публичный интерес. Одним из важных направлений выступает развитие партнерства государства и предпринимательского сообщества в системе правового обеспечения предпринимательской деятельности. Считается, что публично-правовая сфера охватывает отношения, связанные с осуществлением государственного принуждения, а частное право относится к сфере свободного распоряжения субъектами их личными правами и интересами. По мнению Е.В. Михайловой, ведущего научного сотрудника сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН, доктора юридических наук, такой подход во многом является заблуждением. «Частные и публичные начала в сфере гражданской юрисдикции неразделимы» [там же, с. 36]. Государство всегда, не имея частных интересов, в рамках любых правоотношений, реализует публичный интерес. Причем это обстоятельство должно иметь следствием ряд процессуальных

особенностей судебного разбирательства гражданских дел с участием государства. В настоящее время действующее гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство таких особенностей не предусматривает, что представляется Е.В. Михайловой существенным пробелом правового регулирования [2, с. 37].

Учитывая, что государство как сторона правового конфликта защищает не свой собственный, а общественный, публичный интерес, необходимо закрепить предъявляемые к нему специальные процессуальные требования. В частности, включить в ГКП РФ и АПК РФ нормы об обязательном участии представителей государства в судебном разбирательстве.

Государственно-предпринимательское партнерство рассматривается М.Н. Семякиным, главным научным сотрудником Управления научных исследований и международного сотрудничества Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктором юридических наук, как сложный феномен – деятельность государства, связанная с разработкой, формированием условий по реализации комплекса установок, определяющих цели, задачи, принципы, формы и методы взаимодействия государства и предпринимательства, обеспечивающие их сочетание в системе регулирования предпринимательской и иной социальной деятельности в обществе [3, с. 78]. Причем такое партнерство может реализовываться в самых разных формах и направлениях, в том числе: концессионные соглашения; контрактная система, опосредующая поставку продукции, выполнение работ, оказание услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; совместные проекты в сфере инновационных технологий, инвестиций, охраны окружающей среды и т.д.

Для достижения «консенсуса» государства и предпринимательского сообщества, по мнению М.Н. Семякина, в законодательстве «должны быть обозначены взаимные социальные обязательства, которые должны неукоснительно и в полном объеме соблюдаться обеими сторонами» [там же, с. 83]. Развитие сферы социально-ответственного предпринимательства должно способствовать формированию модели социально ориентированной рыночной экономики России.

Модернизация предпринимательского законодательства.

В настоящее время достаточно острой признается проблема модернизации предпринимательского законодательства; обусловлено это различными факторами как внутреннего, так и внешнего ха-

рактера – необходимостью противодействовать санкционному давлению со стороны западных государств. Однако главная роль среди этих факторов заключена в требованиях, содержащихся в документах, касающихся социально-экономического развития Российской Федерации. Например, распоряжением Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р утвержден перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. Они выступают в качестве государственно-политической и правовой основы для преобразования предпринимательского законодательства [3, с. 23].

Современная стратегическая модель российской экономики определяется М.Н. Семякиным, как «экономика предложения». По его мнению, вся система предпринимательского законодательства в целом ориентированы на обеспечение реализации данной модели. Отсюда основная цель предпринимательской деятельности как предмета правового регулирования предпринимательского права – обеспечение производства и предложения внутреннего и международного рынка товаров, пользующихся высоким спросом, конкурентоспособных и приносящих субъектам предпринимательства прибыль (доход) [там же, с. 20].

Вместе с тем, по мнению М.Н. Семякиной, в корректировке нуждается концепт цели предпринимательской деятельности. В абзаце 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ закреплена цель предпринимательской деятельности – систематическое получение прибыли. Однако автор сомневается, что ее можно признать релевантной в контексте формирования современной концепции предпринимательского законодательства, призванного обеспечить регулирование экономических отношений в рамках новой модели – «экономики предложения». М.Н. Семякин предлагает признать основной целью предпринимательской деятельности – обеспечение «наиболее полного удовлетворения публичных и частных интересов и потребностей в необходимых товарах и услугах посредством получения субъектами предпринимательства необходимой прибыли (доходов)» [там же, с. 20].

Для формирования концепции «экономики предложения», подчеркивает автор, важнейшее значение имеют принципы (основные начала) предпринимательского законодательства. Нередко применительно к принципам права (началам законодательства) указывают на то, что они могут реализовываться на практике лишь в случаях, когда имеет место пробел в законодательстве либо возникает необходимость использования конструкции «применение

аналогии права». При этом, общеправовые принципы (законность, равенство перед законом и т.д.) могут применяться при регулировании любых общественных отношений. Что же касается общих принципов, характерных для конкретной отрасли права, то сфера их применения ограничена соответствующими предметными рамками. По мнению М.Н. Семякина, следует также иметь в виду и то, что если норма права противоречит общеправовому принципу, а в соответствующих случаях – отраслевому принципу, то данное нормативное установление не подлежит применению [3, с. 26].

Предпринимательское законодательство обладает общими признаками российского законодательства. Вместе с тем оно характеризуется рядом видовых признаков: особые цели и задачи в сфере предпринимательской деятельности; специфический предмет, общая характеристика которого содержится в положении абзац 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ; круг участников предпринимательской деятельности – субъекты предпринимательства, обладающие специфической правосубъектностью; характерные принципы предпринимательского законодательства; особый правовой режим, сочетающий публично-правовые и частноправовые элементы; отличительные функции в сфере правового регулирования предпринимательства; особенности ответственности субъектов предпринимательской деятельности [там же, с. 27].

Как отмечает М.Н. Семякин, предпринимательское право, будучи комплексной отраслью, взаимодействует с иными отраслями, в связи с чем возникает немалое количество «разночтений», несогласованности, «неувязок» в правовом регулировании соответствующих отношений. Так, в нормах Гражданского кодекса РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях недостаточно взаимосвязано решаются вопросы ответственности юридического лица, его руководящего органа. Кроме того, появление в рамках предпринимательского законодательства новых институтов (правовое регулирование инновационной деятельности, промышленной ипотеки, цифровизации предпринимательской деятельности и т.д.), обусловили потребность развития и совершенствования системы предпринимательского законодательства [там же, с. 70].

М.Н. Семякин полагает, что в условиях беспрецедентных экономических и иных санкций западных стран в нарушение норм и принципов международного права возникла острая необходимость в формировании государственно-правовой политики в сфере предпринимательского законодательства, отвечающей глобальным вызовам, способной обеспечить разработку правовых средств, ко-

торые могли бы противодействовать санкционному давлению, способствовать стабильности системы предпринимательского законодательства и ее развитию, защите прав и законных интересов субъектов предпринимательства, а также граждан и иных лиц. Правовая политика в сфере предпринимательского законодательства, считает автор, призвана обеспечить гармоничное взаимодействие индивидуальных, коллективных субъектов (их объединений), а также публичных интересов в обществе в рыночных условиях хозяйствования [3, с. 70].

Рассматривая развитие правового регулирования инвестиционной и инвестиционной деятельности в России, особенности правового регулирования стимулирования предпринимательской деятельности системообразующих хозяйствующих субъектов, а также малого и среднего бизнеса, автор подчеркивает, что современное законодательство в сфере правового регулирования деятельности малого и среднего бизнеса находится в сложном состоянии. Это обусловлено тем, считает М.Н. Семякин, что данная сфера деятельности регулируется несколькими десятками актов законодательства, различных по своей юридической силе. Именно поэтому необходима консолидация «значимых положений в одном системообразующем акте – федеральном законе об основах правового регулирования отношений в сфере развития малого и среднего предпринимательства в России. Все другие нормативные правовые акты должны строиться в соответствии с ним» [там же, с. 126].

Значительное внимание М.Н. Семякин уделяет развитию предпринимательского законодательства в условиях цифровой трансформации экономики, а также тенденции развития социализации и гуманизации предпринимательского законодательства. К настоящему времени в системе российского законодательства сформирован большой массив законодательных, иных нормативных правовых актов и других форм, регулирующих различные сегменты цифровой среды: разработка искусственного интеллекта, электронных систем (платформ); информационные отношения; регистрационная деятельность; цифровое оформление финансовых активов, договоров, юридически значимых документов и т.д. Автор предлагает разработать национальную Концепцию развития законодательства в сфере цифровизации и федеральный закон «Об основах правового обеспечения цифровой трансформации экономики и цифровые права в Российской Федерации» [3, с. 148].

Роль судебной практики в обеспечении развития предпринимательского законодательства. Негативные явления в

функционировании гражданского оборота России проявились в значительном количестве с уходом компаний из недружественных стран. Неисполнение или ненадлежащее исполнение принятых на себя предпринимательских обязательств привело к массовому предъявлению арбитражных споров. В таких экстремальных условиях хозяйствования именно судебная практика стала ключевым элементом предпринимательского права, играя решающую роль в разрешении споров между субъектами предпринимательских отношений и развитии предпринимательского законодательства. Этот процесс зачастую сопровождается диссонансом между непосредственными нуждами предпринимательского сообщества и темпами внесения изменений в законодательные акты. Такая ситуация вызывает определенные сложности из-за существующих коллизий и пробелов в нормативных правовых актах. Одним из средств правового регулирования предпринимательской деятельности является судебная практика высших судов и толкование законов Конституционным и Верховным судами РФ, а также арбитражными судами. Несмотря на то что в Российской Федерации судебный прецедент не является источником права, ст. 170 АПК РФ допускает указание в мотивировочной части решения суда на постановление высшего судебного органа, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ. Источником права здесь является выработанный судебной системой правовой подход, используемый при рассмотрении споров [4, с. 284]. Применение судебного толкования на практике создает возможность влияния на предпринимательскую деятельность и ее правовое регулирование. Происходит возрастание роли судебной практики как результата судебной деятельности высших судов.

Для преодоления негативных явлений, связанных с уходом западных партнеров с российского рынка, Федеральным законом от 24.07.2023 № 347-ФЗ, были внесены изменения в п. 3 ст. 453 ГК РФ. Российским законодателем были учтены позиции арбитражных судов и, если ранее п. 3 ст. 453 ГК РФ не учитывал возможность возникновения правовых ситуаций, при которых сторона договора не исполняет обязательства вследствие существенного изменения обстоятельств, то в соответствии с новой редакцией в случае изменения или расторжения договора обязательства считаются измененными или прекращенными с момента заключения соглашения сторон об изменении или о расторжении договора, если иное не вытекает из соглашения.

Одним из таких обязательных условий договора рассматривается дата исполнения обязательства сторонами. Так, в целях обеспечения наступления справедливого результата в отношении сторон в случае изменения или расторжения договора в судебном порядке, суд в своем решении может установить дату, с которой обязательства сторон считаются измененными или прекращенными, исходя из существа договора и (или) характера правовых последствий его изменения. Однако такая дата не может быть ранее даты наступления обстоятельств, послуживших основанием для изменения или расторжения договора [3, с. 194].

По мнению исследователей, не существует правовой сферы, абсолютно свободной от запретов, главным из которых является запрет нарушать нормы действующего законодательства и права других лиц.

Заключение

Как показывает обзор новых публикаций в сфере предпринимательского права, до настоящего времени не сформировалось единого мнения о предмете предпринимательского права и его содержании. Сложился ряд противоположных подходов к пониманию предпринимательского права и его места в системе российского права. Данная неопределенность приводит к возникновению значительного количества нарушений прав и законных интересов предпринимателей, а также к сомнению в правильности выбора способов и форм защиты нарушенных прав. Такая неопределенность влияет на значительное увеличение количества исковых заявлений в суды общей юрисдикции и арбитражные суды.

Исследователи полагают, что «сегодня, в период беспрецедентного давления извне на отечественную экономику, необходимо усилить публично-правовые механизмы в сфере гражданской юрисдикции» [2, с. 38].

Список литературы

1. Власова А.С. Правоотношения в предмете предпринимательского права. – Нижний Новгород: Радонеж, 2023. – 120 с.
2. Михайлова Е.В. Частные и публичные начала в сфере гражданской юрисдикции: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Михайлова. – Москва: Ин-т государства и права РАН, 2023. – 423 с.

***Частноправовые и публично-правовые аспекты
предпринимательской деятельности***

3. Семякин М.Н. Модернизация предпринимательского законодательства в РФ и основные тенденции его развития в современных условиях. – Москва: Юрлитинформ, 2024. – 224 с.
4. Шустарев К.А., Паламарчук Е.А. Судебная практика и ее роль в регулировании предпринимательской деятельности // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 4 (73). – С. 282–287.

КИКАВЕЦ В.В.¹ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (Статья)

Аннотация. В статье раскрываются особенности правового регулирования государственных закупок в Китайской Народной Республике, главной целью которого является гарантированное получение заказчиком результата за оптимальную стоимость товаров, работ, услуг. Рассматриваются основные задачи правового регулирования: искоренение коррупции и формирование неподкупного правительства, экономия средств бюджета, развитие конкуренции, повышение эффективности финансового обеспечения и управления системой закупок в целом. Показана практика внесудебного расторжения контрактов в случае нарушения публичных и частных интересов.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; государственные закупки; правовое регулирование; конкуренция.

KIKAVETS V.V. Public Procurement in China: Features of Legal Regulation (Article)

Abstract. The study reveals the specifics of the legal regulation of public procurement in China, the main purpose of which is to ensure that the customer receives a result for the optimal cost of goods, works, and services. The main tasks of legal regulation are considered: the eradication of corruption and the formation of an incorruptible government, budget savings, the development of competition, improving the efficiency of financial support and management of the procurement system as a whole. The practice of extrajudicial termination of contracts in case of violation of public and private interests is shown.

¹ © Кикавец Виталий Викторович, профессор кафедры гражданского права и процесса Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент.

Keywords: People's Republic of China; public procurement; legal regulation; competition.

Для цитирования: Кикавец В.В. Государственные закупки в Китайской Народной Республике: особенности правового регулирования (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 2. – С. 120–130. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.10

Введение

Наличие значительного количества изменений, внесенных в нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующих государственные закупки, свидетельствуют о необходимости изучения опыта правового регулирования сферы закупок в зарубежных странах, экономико-политические, финансово-экономические и иные показатели которых сопоставимы с показателями Российской Федерации. К таким странам относится, прежде всего, Китайская Народная Республика (КНР), в которой за последние 20 лет наблюдается устойчивый экономический рост и развитие национального производства, а этому в том числе способствуют государственные закупки. К примеру, по итогам 2022 года объем государственных закупок КНР превысил 3,5 млн юаней (493 млрд долл. США), что по данным Министерства финансов Китая составляет примерно 10% расходов бюджета¹.

Правовое регулирование сферы закупок в КНР представлено несколькими основными нормативными правовыми актами², разграничивающими закупки государственных заказчиков и государственных предприятий: Закон КНР от 29.06.2002 г. «О государственных закупках» (далее – Закон о государственных закупках) и Закон КНР от 30.08.1999 г. «О торгах» (Закон о торгах)³. Закон о государственных закупках регулирует закупки за счет бюджетных

¹ См.: Лю Нань. Развитие логистического потенциала государственных закупок в Китае: автореф. канд. экон. наук. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 10. – URL: <https://uneson.ru/wp-content/uploads/2024/06/04liun.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).

² *Прим. автора:* данные законы в отдельных источниках называют «параллельным правовым регулированием государственных закупок».

³ Цзявэй Ван. Правовая система правительственных закупок в Китайской Народной Республике и основные текущие проблемы правового регулирования закупочной деятельности государственных предприятий // Публичные закупки в зарубежных странах: динамика правового регулирования: монография / отв. ред. О.А. Беляева, В.А. Вайпан, К.В. Кичик. – Москва: Юстицинформ, 2017. – С. 298–314.

средств, а закупки за счет внебюджетных средств – регулируются преимущественно Законом о торгах.

Особенности правового регулирования закупок КНР. Несмотря на явное снижение (после 2020 г.) публикационной активности отечественных и зарубежных исследователей по теме правового урегулирования закупок КНР, по-прежнему в юридической литературе отмечается «размытость» законодательства, что порождает определенные правоприменительные проблемы и формирует предпосылки для внесения существенных изменений¹.

Государственные закупки в КНР регулирует вышеупомянутый Закон о государственных закупках, который, помимо целей повышения эффективности использования бюджетных средств, развития конкуренции, создания единого экономического пространства, дополнительно содержит уникальную, с нашей точки зрения, цель – *содействие созданию неподкупного правительства*, что позволяет жестко и оперативно реагировать на коррупционные проявления и иные злоупотребления со стороны государственных служащих в процессе финансового обеспечения и осуществления закупок. Эффективность государственных закупок в КНР напрямую связана с персональной ответственностью государственных служащих, занятых в процессе расхода бюджетных средств путем осуществления закупок.

В соответствии с нормами ст. 2, 6 Закона о государственных закупках под *государственной закупкой* понимается закупка, соответствующая одновременно трем условиям:

- осуществляется государственными органами и учреждениями, общественными организациями;
- товары, работы, услуги закупаются по централизованному каталогу Минфина КНР с определенной пороговой стоимостью;
- товары, работы, услуги оплачиваются за счет бюджета.

В случае, если на закупку одновременно выделены бюджетные и внебюджетные средства и такую закупку невозможно разделить, то применяются нормы Закона о государственных закупках².

¹ Кичик К.В. Законодательство России и КНР о публичных закупках // Право и экономика. – 2024. – № 3. – С. 56–64; Цян Юэ, Сяолин Чжан. Законодательство Китая, регулирующее систему государственных закупок: общие положения и последние изменения // Закупки и право. – 2023. – № 1. – С. 21 и др.

² Hua Wu. Brief Introduction to the Legal System of Government Procurement in China // Public Procurement Law around the World: Collection of Articles / ed. by

Государственные закупки в Китайской Народной Республике: особенности правового регулирования

Данный Закон предусматривает норму, позволяющую легально отменить любую государственную закупку на любом этапе либо при наличии менее трех заявок участников закупок, удовлетворяющих требованиям заказчика, либо в случае, если цена конкурентной закупки превысила сумму средств, выделяемых на закупку из бюджета. Кроме того, в целях национального протекционизма установлен, по сути, запрет на закупку любых импортных товаров путем установления обязанности всем заказчикам¹ приобретать товары, произведенные в КНР (более 50% стоимости товаров, сырья и комплектующих, должны быть созданы на территории Китая). Исключение составляют импортные товары, стоимость которых дешевле на 20% и более товаров, произведенных в КНР (политика ценовых преференций, при которой легально установлена допустимая разница между ценами национальных и зарубежных компаний)².

Такой подход позволил для рынка государственных закупок КНР сформировать трехступенчатый доступ:

– отечественных товаров, производимых в КНР китайскими компаниями;

– отечественных товаров, производимых в КНР предприятиями с иностранным участием;

– импортных товаров (обязательные требования к иностранным производителям о наличии местных компонентов, объем и пропорции которых в товаре устанавливаются нормативно)³.

В большинстве случаев предметы государственной закупки могут составлять только товары или материалы, произведенные в КНР, а участниками закупки – преимущественно национальные (китайские) компании. Таким образом Правительство и Коммуни-

K. Kichik, G. Mordokhov; Procurement Law Center of MSU. – Moscow: Yustitsinform, 2022. – Vol. 2. – P. 35–50.

¹ *Прим. автора:* под заказчиками понимаются правительственные учреждения или юридические лица с участием государственного капитала.

² Цзя Сюедун. Государственные закупки Китая как объект логистизации // Известия СПбГЭУ. – 2020. – № 4 (124). – С. 161; Бакланова М.Н. Система государственных закупок в Китае // Фундаментальная и прикладная наука: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 марта 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 80–81 и др.

³ Курушина Д.Е. Международный опыт функционирования контрактных систем государственных закупок на примере Китая // Актуальная наука. – 2019. – № 5 (22). – С. 21–23.

стическая партия Китая регулируют ценообразование на внутреннем рынке путем мотивации и стимулирования национального производителя на реализацию продукции по разумным ценам, минимизируя возможности получения сверхприбыли последними путем ценовых спекуляций.

Преференции могут использовать исключительно иностранные производители, предлагающие более выгодные условия, чем национальные производители¹. Данный подход является усовершенствованной и более жесткой версией американского протекционизма в Федеральной контрактной системе США в форме «Buy American Act of 1933» (Закон США «Покупай американское»)².

Изложенное выше наглядно демонстрирует, что тотальный запрет на приобретение импортных товаров не способствует развитию национальной экономики, поэтому в процессе правового регулирования государственных закупок руководство КНР использует сочетание разумных ограничений с экономическим стимулированием национальных производителей³. Поэтому многие национальные компании массово регистрируют товарные знаки или получают патенты в КНР для гарантированного участия в государственных закупках. Например: приобретение инновационной и высокотехнологичной продукции (компьютерная техника, программное обеспечение, офисное оборудование, энергосберегающие товары и возобновляемые источники энергии) государственными заказчиками осуществляется исключительно у аккредитованных национальных предприятий. По факту это стало запретом на закупку продукции известных американских компаний, таких как Symantec, Microsoft, Apple и др.

Правительство КНР активно проводит целевую работу с интеллектуальной собственностью и национальными научными разработками, направленную на достижение важнейшей цели – создания независимой национальной инновационной базы при

¹ См.: Борисова В.В., Цзя Сюедун. Государственный прокьюремент в Китае и единство логистических потоков // Вестник Ростовского гос. экономического ун-та (РИНХ). – 2020. – № 1 (69). – С. 26.

² Кикавец В.В. Сравнительный анализ правового регулирования государственных закупок на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Публичное право сегодня. – 2023. – № 2 (16). – С. 114–124.

³ Рогатных Е.Б., Звезднов П.Д. Опыт Китая по поддержке развития высоких промышленных технологий // Российский внешнеэкономический вестник (электронная версия). – 2024. – № 8. – С. 37.

ослаблении конкурентоспособности иностранных компаний на национальном рынке. Ключевая роль отводится государственным закупкам, в которых аккредитованная и соответствующая национальным стандартам продукция, полный цикл производства которой осуществлен на таможенной территории Китая, получает ценовые преференции в диапазоне до 20%¹ по сравнению с товарами, произведенными не в Китае². Данные преференции позволят нивелировать угрозы агрессивного санкционного воздействия на китайскую экономику извне (например, со стороны США)³.

Дополнительно отметим, что отдельные законы, регулирующие вопросы экологии, энергоснабжения и т.д., обязывают Правительство КНР устанавливать определенные преференции в отношении данного ряда продукции в процессе осуществления государственных закупок.

Закон КНР от 15.03.1999 г. «О договорах» в ст. 52 предусматривает значительный функционал и полномочия Коммунистической партии Китая, правоохранительных органов, уполномоченные должностные лица которых могут признать недействительным заключенный договор на любом этапе его исполнения в случае выявления нарушения государственного интереса, как со стороны должностного лица заказчика, так и со стороны поставщика или подрядчика. Применение данной нормы обеспечивает антикоррупционную профилактику в сфере национальных закупок, а также неизбежность уголовного преследования и наказания⁴.

¹ См.: Кикавец В.В., Публичные закупки в практике Китайской Народной Республики // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: коллективная монография: в 4-х томах. Том 1. – Москва: ООО «Прспект», 2020. – С. 296–307.

² См.: В Китае запущена пилотная программа для улучшения деловой среды в сфере госзакупок // Официальный сайт: Russian.news.cn (Синьхуа Новости). – 2024. – 25.12. – URL: <https://russian.news.cn/20241226/7a0e55557bc74dc5a0c754f866b7d68f1/c.html> (дата обращения: 17.01.2025).

³ См.: Jowi Morales. China fires back at Trump's 10% tariff proposal with a 20% price cut on domestic products – Beijing's policy will negatively affect chipmakers, including Nvidia and Intel [электронный ресурс]. – 2024. – 06.12. – URL: <https://www.tomshardware.com/tech-industry/china-fires-back-at-trumps-10-percent-tariff-proposal-with-a-20-percent-price-cut-on-domestic-products-beijings-policy-will-negatively-affect-chipmakers-including-nvidia-and-intel> (дата обращения: 17.01.2025).

⁴ Правовое регулирование закупочной деятельности России, Китая и Монголии: некоторые аспекты противодействия коррупции / Гунызов Ж.П., Дондокова М.Ю., Коновалова З.А., Мяханова А.Н., Синьков Д.В. // Юридический вестник Самарского ун-та. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 93.

Соблюдение государственного интереса в КНР реализуется путем строгого и неукоснительного соблюдения порядка ценообразования, согласно которому «при осуществлении государственной закупочной деятельности централизованные органы должны обеспечить высокую эффективность государственных закупок как по цене продукции, которая должна быть ниже уровня средних рыночных, так и по качеству товаров и услуг, которые должны быть наивысшего качества». За основу расчета среднерыночных цен берут статистические данные по ценам на различные товары на внутреннем рынке¹.

Установление императивных норм по ценообразованию в сфере государственных закупок обусловлено целью законодателя – развитие внутреннего рынка товаров и услуг через рынок государственных закупок. Мотивация осуществляется не за счет высокой прибыли, а благодаря репутации государственного поставщика, позволяющего решить основную проблему производства – гарантированный сбыт качественной продукции, плюс иные предусмотренные льготы и преференции.

Регулирование, управление и контроль государственных закупок осуществляется Министерством финансов Китая, которое также обеспечивает размещение официальной информации о торгах на своем официальном сайте.

Данный официальный сайт позволил создать единую цифровую платформу, обеспечивающую прямую поддержку субъектам малого предпринимательства, участвующего в государственных закупках, сократить их затраты на конкурентное участие, оптимизировать бизнес и кредитование с учетом положительной истории выполнения государственных контрактов².

Вместе с тем помимо основного официального сайта государственных закупок Минфина Китая в стране официально действуют несколько параллельных сайтов о закупках (в каждой провинции функционируют местные сайты для размещения всей необходимой информации о закупках на китайском языке, что, с

¹ Трощинский П.В. Правовое регулирование закупок в Китае: взгляд из России // Публичные закупки в зарубежных странах: динамика правового регулирования: монография / отв. ред. О.А. Беляева, В.А. Вайпан, К.В. Кичик. – Москва: Юстицинформ, 2017. – С. 315–336.

² Умнова М.Г., Лю Ясинь. Государственные закупки в Китае: роль цифровых инструментов и платформ в поддержке малого и среднего бизнеса // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12., № 4. – С. 2087–2102.

нашей точки зрения, не обеспечивает информационное единство и ограничивает возможность участия в торгах иностранных участников закупок, не владеющих необходимыми знаниями китайского языка.

Необходимость модернизации цифровых ресурсов, а также унификация доступа к информации о торгах и государственных закупках отмечены Центральным комитетом Коммунистической партии Китая¹.

В целях реализации национальной идеи – приобретение качественных товаров по цене ниже средней на рынке, все государственные закупки в КНР осуществляются специальными закупочными агентствами централизованно и в больших объемах по каталогу товаров и услуг Минфина КНР. Товары и услуги, которые отсутствуют в таком каталоге, приобретаются заказчиками самостоятельно (децентрализованно).

Иные цели, отличные от обеспечения публичной потребности в товарах и услугах надлежащего качества за оптимальную стоимость, признаются законом «вторичными». В КНР для решения национальных, политических, экономических задач правовое регулирование государственных закупок обеспечивает поддержку субъектов малого предпринимательства путем установления преференций от 6 до 10%².

В целях масштабного развития государственно-частного партнерства (ГЧП) каталог Минфина Китая с сентября 2022 г. был дополнен пунктом «Услуги по сотрудничеству с государственным и социальным капиталом», включающим 13 категорий услуг. Указанное позволило устранить правовые коллизии финансового обеспечения и реализации ГЧП в процессе осуществления государственных закупок³.

¹ См.: Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая о дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации. 21.07.2024. [электронный ресурс]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240721_11457436.html (на кит.) (дата обращения: 21.11.2024).

² См.: Кикавец В.В. Сравнительный анализ правового регулирования государственных закупок на примере Российской Федерации и китайской Народной Республики // Публичное право сегодня. – 2023. – № 2 (16). – С. 119; SME Development Government Procurement and Inclusive Growth, 2012. [электронный ресурс]. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30070/sme-development.pdf>. (дата обращения: 17.12.2024).

³ См.: Сонг Яцин. Статус проектов ГЧП в законодательстве о государственных закупках становится все более очевидным // официальный сайт прави-

Правовое регулирование государственных закупок предусматривает институт нормирования потребности заказчика в конкретном благо (товаре, работе, услуге). Так, подзаконные акты КНР регламентируют виды имущества (например, автомобили), на которые за счет бюджета могут претендовать должностные лица всех уровней государственной власти¹.

Коммунистическая партия Китая ориентирует действующее законодательство, в том числе и законодательство о закупках, на «зеленую трансформацию», предполагающую к 2030 году улучшение инвестиционного механизма, ценовой политики, фискального механизма, финансового обеспечения закупок приоритетной «зеленой продукции» и т.д.²

Законодательство КНР, регулирующие государственные закупки, обеспечивает приоритет заключения сложных (комплексных) закупок с одним контрагентом, который самостоятельно подбирает субподрядчиков и соисполнителей, оставаясь ответственным в полном объеме перед заказчиком за выполненные таким образом работы или оказание услуги (ст. 48 Закона о государственных закупках).

Закупка у единственного поставщика возможна в случаях нецелесообразности конкурентной закупки в силу непредвиденной аварийной ситуации либо, если первоначальная закупка нуждается в дополнении в размере, не превышающем 10% ее стоимости³.

тельства КНР для реализации Закона о торгах и стандартизации потребностей рынка государственных закупок: «Электронная торговая площадка “China Bidding Ltd.” [электронный ресурс]. – 2023. – 16.08. – URL: <http://chinabidding.com.cn/pageInfoSsr/3000000014566/1087000000000071> (на кит.) (дата обращения 17.12.2024).

¹ Кичик К.В. Законодательство России и КНР о публичных закупках // Право и экономика. – 2024. – № 3. – С. 56–64.

² См.: Мнение ЦК Коммунистической партии Китая и Государственного совета по ускорению всеобъемлющей зеленой трансформации экономического и социального развития от 31.08.2024 // официальный сайт правительства КНР для реализации Закона о торгах и стандартизации потребностей рынка государственных закупок: «Электронная торговая площадка «China Bidding Ltd.» [электронный ресурс]. – URL: <http://chinabidding.com.cn/pageInfoSsr/30000000007766/1087000000017871> [на кит.] (дата обращения 17.01.2025).

³ См: статьи 31, 49 Закона о государственных закупках (The Government Procurement Law of the People's Republic of China). – URL: http://www.ctba.org.cn/list_show.jsp?record_id=199352 [на кит.] (дата обращения 17.01.2025); Щербakov В.А. Правовое регулирование государственных закупок за рубежом // Экономика. Право. Общество. – 2021. – Т. 6 – № 4 (28). – С. 40.

В КНР установлены следующие способы осуществления закупок, позволяющие определить соотношение «цена-качество», компетентность контрагента с учетом его финансовой и производственной состоятельности: открытые торги; селективные торги; конкурентные переговоры; конкурентные консультации; запрос котировок; закупка у единственного поставщика¹.

В КНР достаточно жесткое (вплоть до смертной казни) наказание за нарушения в сфере государственных закупок (уголовное преследование и значительная финансовая ответственность). Например, установление факта сговора, получение взятки или иных незаконных доходов влечет применение института конфискации незаконно-полученного имущества или денежных средств в отношении фигурантов подобных дел.

Однако, даже наличие массива жестких мер по пресечению коррупционных преступлений и неотвратимость уголовного преследования, и наказания не позволили полностью искоренить данную проблему. Так, некоторые китайские исследователи указывает на высокий уровень коррупции в государственных закупках, низкое качество закупаемого блага (товары, работы, услуги), недобросовестность, как со стороны должностных лиц заказчика, так и со стороны контрагентов².

Заключение

Многолетний опыт правового регулирования и комплексно-го управления запасами и ресурсами в КНР демонстрирует, что централизованная отчетность и контроль, таможенная и налоговая политика, ориентированные на импортозамещение, предоставление кредитов на выгодных для производства условиях, в совокупности с правовым регулированием государственных закупок позволили достичь высоких результатов в обеспечении публичного интереса в товарах, работах и услугах надлежащего качества за

¹ Хуа Ву. Краткое знакомство с законодательством о государственных закупках Китая // Закупки и право. – 2023. – № 1. – С. 31–32.

² Fan Jingzhao. Coupling of Public-Private Partnerships in the Public Procurement Law in China // Public procurement law around the world: collection of articles / ed. by K. Kichik, G. Mordokhov; Procurement Law Center of MSU. – Moscow: Yustitsinform, 2022. – Vol. 2. – P. 60–68.

оптимальную цену¹. За последние 20 лет значительно снизилась зависимость КНР от внешних поставок по основным видам продукции, за исключением закупок минерального сырья, с параллельным увеличением продаж на внешней рынок продукции с высокой добавленной стоимостью, такой как промышленное и транспортное оборудование.

В целом особенности политики КНР по правовому регулированию государственных закупок проявляются в решении важной задачи: уменьшение зависимости национального производства от иностранных ресурсов и иностранного капитала с одновременным развитием и поддержкой национального производства, направленного на экспорт (сбалансированное снижение уровня конкуренции национальной продукции по отношению к высокотехнологичным товарам из зарубежных стран). То есть, главная задача – это «качество плюс национальное производство». Конкуренция и экономия бюджетных средств вторичны, особенно, если есть понимание, что бюджетные средства, потраченные на приобретение национальной продукции, остаются в экономике государства.

Таким образом, формирование неподкупного правительства, развитие конкуренции, экономия бюджетных средств, а также уменьшение зависимости национального производства от иностранных ресурсов и капитала – это основные задачи, решаемые в сфере государственных закупок с помощью таких методов, как персональная ответственность должностных лиц заказчика, установление разумных ограничений на приобретение импортной продукции наряду с экономическими стимулами для национальных производителей, внесудебное расторжение контрактов при нарушении государственного интереса, адресная и программная финансовая поддержка национальных предприятий и т.д.

¹ Кикавец В.В. Публичные закупки в практике зарубежных стран: монография. – Москва: Проспект, 2020. – 176 с.

ЛУЖИНА А.Н.¹, САЗОНОВА Т.В.² ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ: НА ПРИМЕРЕ ВЗЫСКАНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА С УПРАВЛЯЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (Статья)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы защиты прав владельцев помещений в многоквартирных домах в отношениях с управляющему организациями, на примере взыскания морального вреда за некачественно оказанные услуги или из деликтных отношений. Анализируются позиции Верховного Суда Российской Федерации по применению законодательства о защите прав потребителей в жилищной сфере к управляющим организациям.

Ключевые слова: жилые помещения; недвижимое имущество; защита прав; многоквартирные дома; моральный вред; защита прав потребителей; управляющая организация.

LUZHINA A.N., SAZONOVA T.V. Peculiarities of Protecting the Rights of Owners of Premises in Apartment Buildings: Using the Example of Collecting Moral Damages from Management Organizations (Article)

Abstract. The article examines the issues of protecting the rights of owners of premises in apartment buildings in relations with managing organizations, using the example of recovery of moral damage for poorly rendered services or from tort relations. The positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of legislation on consumer protection in the housing sector to management organizations are analyzed.

¹ © Лужина Александра Николаевна, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО РГУП, кандидат юридических наук, доцент.

² © Сазонова Тамара Владимировна, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО РГУП, кандидат юридических наук, доцент.

Keywords: residential premises; real estate; protection of rights; apartment buildings; moral damage; consumer protection; management organization.

Для цитирования: Лужина А.Н., Сазонова Т.В. Особенности защиты прав владельцев помещений в многоквартирных домах: на примере взыскания морального вреда с управляющих организаций (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 131–142. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.11

Введение

Конституция РФ провозглашает Россию социальным правовым государством, в котором гарантируются равенство прав и свобод человека и гражданина, их признание, соблюдение и защита в качестве высшей ценности, определяющей смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемой правосудием, а также создаются условия, направленные на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека (ст. 1, 2, 7, 18 и 19). Эти конституционные начала взаимодействия личности, общества и государства в социальной сфере распространяются и на отношения, связанные с осуществлением права на жилище (ч. 1 и 2 ст. 40)¹. Право на жилище, его неприкосновенность, благоустроенность и доступная инфраструктура, предоставление коммунальных и эксплуатационных услуг надлежащего качества – ключевые позиции в реализации государственной политики в жилищной сфере.

По статистике на сегодняшний день, большинство граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства не территории Российской Федерации проживают именно в многоквартирных домах. Вопросы общежития в многоквартирных домах, нахождение компромиссов при решении возникающих проблем владения, пользования и распоряжения общим имуществом таких домов, формирование эффективной системы управления многоквартирными домами являются приоритетными направлениями и в

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.04.2024 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 10 статьи 162 и части 3 статьи 200 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Мир»».

Особенности защиты прав владельцев помещений в многоквартирных домах

других странах. Так, например, еще в 2017 г. был проведен сравнительно-правовой анализ жилищного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств и мониторинг правоприменительной практики в соответствии с Постановлением N 46–21 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (принято в г. Санкт-Петербурге 27.03.2017)¹, в рамках которого анализировались системы управления многоквартирными домами, созданные на территории государств Содружества, внутреннее законодательство этих стран в рассматриваемой области жилищных отношений и практика его правоприменения.

Основными направлениями законодательного регулирования жилищной сферы в Российской Федерации признаются – обеспечение баланса интересов участников жилищных правоотношений как собственников, так и иных владельцев помещений и машиномест в многоквартирных домах, выбор способа управления многоквартирным домом, защита прав получателей коммунальных услуг надлежащего качества. Управление многоквартирными домами является одним из ключевых моментов в эффективной реализации прав на жилые помещения, обеспечении благоприятных и безопасных условий проживания граждан, надлежащем содержании общего имущества в многоквартирном доме, решении вопросов пользования указанным имуществом, а также предоставлении коммунальных услуг гражданам, проживающим в таком доме, в постоянной готовности инженерных коммуникаций и другого оборудования, входящих в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, к предоставлению коммунальных услуг (ч. 1 ст. 161 Жилищного кодекса РФ). Однако, как показывает судебная практика, количество жилищных споров и их видов не уменьшается. В соответствии с данными судебной статистики в 2020 г. – 8 907 471; 2021 – 10 446 996; 2022 – 10 546 940; 2023 – 10 882 315 жилищных споров².

В своей статье Е.А. Корепина и Т.А. Догурская выделяют 11 групп споров в жилищно-коммунальной сфере из них семь так

¹ Сравнительно-правовой анализ опубликован на сайте Межпарламентской Ассамблеи СНГ. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?BASENODE=21-4&req=doc&cacheid=D6469CBDEDA4A18B5D90A2031F366B2A&mode=docs&rnd=YwFVYg&base=INT&n=64535#AOguATU8iwBKS8jt> (дата обращения: 17.12.2024).

² Судебная статистика РФ. – URL: <http://stat.api-пресс.пф/stats/gr/t/22/s/26> (дата обращения: 17.12.2024).

или иначе касаются отношений жителей собственников квартир и иных помещений в многоквартирном доме и управляющей организации. Это и споры с управляющими организациями о тарифах на коммунальные услуги, некачественное оказание услуг как коммунальных, так и по управлению многоквартирным домом, ремонт и обслуживание многоквартирного дома и др.¹ То есть еще много проблем, которые требуется решить в рассматриваемой сфере. Некоторые из них как общие, так и конкретные, рассмотрим в данной статье.

Управление общим имуществом многоквартирного дома.

Примерный перечень объектов, которые могут входить в состав общего имущества многоквартирного дома, предусмотрен в п. 1–3 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ:

1) помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы);

2) иные помещения в данном доме, не принадлежащие отдельным собственникам и предназначенные для удовлетворения социально-бытовых потребностей собственников помещений в данном доме, включая помещения, предназначенные для организации их досуга, культурного развития, детского творчества, занятий физической культурой и спортом и подобных мероприятий, а также не принадлежащие отдельным собственникам машино-места;

3) крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и другое оборудование (в том числе конструкции и (или) иное оборудование, предназначенные для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к помещениям в многоквартирном доме), находящиеся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения. При этом действующим федеральным законодательством установлен критерий для отнесения того или иного помещения (оборудования), находяще-

¹ Корепниа Е.А., Догурская Т.А. Правоприменительная практика по коммунальным спорам в РФ // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 2. – С. 139–143.

Особенности защиты прав владельцев помещений в многоквартирных домах

гося в многоквартирном доме, к общему имуществу собственников помещений в таком доме, а именно: функциональное назначение, предполагающее использование такого помещения (оборудования) для обслуживания более одного помещения в многоквартирном доме¹. Подобный состав данного «имущественного комплекса обслуживающего назначения» и определяет цели и значение управления им.

В.А. Лаптев предлагает отделять классическую триаду правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение) от управления общим имуществом. Безусловно, реализуемые собственниками права в какой-то степени пересекаются, но они не тождественны. Так, извлечение всех полезных свойств из общего имущества посредством его использования невозможно без управления данным имуществом (например, обеспечение водой из водонапорной башни жильцов коттеджного поселка нереально без периодического либо планового ее технического обслуживания). Вещные права в отношении общего имущества ярко демонстрируют юридическую сущность правомочий собственника, в то время как управленческие – экономическо-правовую². Похожей позиции придерживается и О.Ю. Шилохвост, указывая, например, что управляющая организация выполняет функцию «экономического представительства»³. Если говорить об общем имуществе многоквартирного дома, то в первую очередь следует подчеркнуть его зависимый или вспомогательный характер по отношению к основному – квартире, нежилому помещению, машиноместу, находящимся в частной собственности, но расположенным в границах

¹ См., напр., письмо Минстроя России от 11.10.2024 № 59724-ДН/04 «О внутридомовой системе отопления». – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=E2289BCF3D3CAEDB737F6A45EA532095&mode=backrefs&rnd=YwFVYg&base=LAW&n=488755#jXnLCTUKUQTuunL61> (дата обращения: 17.10.2024).

² Лаптев В.А. Понятие общего имущества на современном этапе // *Lex russica*. – 2024. – Т. 77, № 2. – С. 16.

³ Шилохвост О.Ю. Спорные вопросы судебной практики по договорам энергоснабжения: монография. – Москва, 2012. – С. 224; Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – Москва: Норма; ИНФРА-М, 2023. – С. 202. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?BASENODE=32799-106&req=doc&cacheid=05AAEFE76CA446A77D77C525D15E88F9&mode=fullsplus&rnd=9TFFSQ&base=CMB&n=19143#K9UuATUSyJHKlLhJ1> (дата обращения: 17.10.2024).

одного здания, тем самым зависимые друг от друга и своего технического и функционального окружения. Поэтому управление общим имуществом – это не только и не столько о владении, пользовании и распоряжении общим имуществом многоквартирного дома, сколько о его содержании, поддержании в технически исправном состоянии в целях обеспечения комфортных условий владения, пользования и распоряжения каждым своей недвижимостью.

В целях установления определенных критериев должного управления общим имуществом многоквартирного дома постановлением Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 были утверждены Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме и правила изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность. Данные Правила устанавливают обязательные требования, предъявляемые не только к формированию воли сообщества собственников, но к определению императивных требований по оплате за услуги и работы, оказываемые и выполняемые непосредственно профессиональными участниками сферы управления многоквартирными домами, а именно управляющими организациями. Правила представляют собой публично-правовой регулятор жилищных отношений по управлению многоквартирным домом и определяет императивные требования поведения в первую очередь для профессиональных участников жилищных правоотношений, проверка соблюдения которых входит в предмет государственного жилищного надзора (ст. 20 ЖК РФ).

Таким образом, в сфере управления многоквартирного дома консолидировались не только взаимные интересы собственников общедомового имущества, нацеленные на создание комфортной среды проживания, посредством либо самоорганизации, либо привлечения профессиональных исполнителей и перераспределения с ними зон ответственности по содержанию имущества многоквартирного дома, но и государства, которое в целях обеспечения конституционных положений о социальной ориентированности своей политики обеспечивает соблюдение баланса интересов при управлении общим имуществом многоквартирного дома.

Способы управления многоквартирными домами. Согласно ч. 2 ст. 161 ЖК РФ, собственники помещений в многоквар-

Особенности защиты прав владельцев помещений в многоквартирных домах

тирном доме обязаны выбрать один из способов управления многоквартирным домом: 1) непосредственное управление собственниками помещений в многоквартирном доме, количество квартир, в котором составляет не более чем 30; 2) управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом; 3) управление управляющей организацией. И если два первых способа управления связаны напрямую с волеизъявлением собственников помещений – непосредственно или опосредовано через корпоративную организацию созданную ими, то третий способ – это обращение к профессиональному участнику рынка услуг, имеющему специальное разрешение на выполнение соответствующей деятельности (лицензию), прошедших по общему правилу конкурентный отбор через торги, проводимые органами местного самоуправления или отбор самими собственниками через принятие соответствующего решения на собрании.

Преимуществом управления управляющей организацией является наличие у нее необходимой материальной базы, профессионального кадрового состава, независимость от конфликтной ситуации собственников многоквартирного дома и др. Кроме того, управляющая организация в силу соответствующего договора об управлении является связующим звеном между собственниками жилых помещений и ресурсоснабжающими организациями, в связи с чем при возникновении проблем между собственниками помещений МКД и ресурсоснабжающими организациями основным исполнителем оказываемых услуг (либо выполняемых работ) будет именно управляющая организация¹. Но данные «преимущества», с одной стороны, освобождают собственников от личного общения с ресурсоснабжающими организациями, иными исполнителями, с другой – при отсутствии должного контроля со стороны собственников могут стать тем «пятым колесом», которое не только не позволит достичь целей, определенных для управления общим имуществом многоквартирного дома, но затянут собственников в длительные судебные и внесудебные разбирательства по вопросам некачественного оказания услуг, неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, определенных в договоре по управлению многоквартирным домом. И в этом случае вопросы защиты

¹ Смирнова И.А. К вопросу о смене управляющих организаций по управлению многоквартирными домами // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 3. – С. 45–48.

прав собственников становятся особенно актуальными, и определение способов защиты, должным образом способных гарантировать восстановление не только имущественных прав и законных интересов пострадавшего собственника (возмещение убытков, неустойка), но и способствовать обретению последним психическому спокойствию (возмещение морального вреда).

Судебная практика по взысканию морального вреда с управляющих организаций. Управляющая организация, заключающая договор управления с собственником жилого помещения в многоквартирном доме, берет на себя, прежде всего, обязательства по осуществлению содержания общего имущества в многоквартирном доме, а также созданию условий для безопасного проживания граждан. Однако, проанализировав судебную практику, можно прийти к выводу о достаточно частом ненадлежащем исполнении управляющей организацией взятых на себя обязательствах по договору управления. Перечень таких нарушений внушительен, поэтому приведем некоторые из них.

Например, управляющая организация не провела ремонтно-восстановительные работы балконных плит. В ходе судебного разбирательства было установлено, что балкон квартиры находится в ненадлежащем техническом состоянии, а именно обязанностью управляющей организации является надлежащее содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме, к которому относятся балконные плиты. К тому же управляющая организация не обеспечила безопасные условия для проживания граждан, что также является ее обязанностью¹.

Следующий пример – неосуществление управляющей организацией обязанности по надлежащему оказанию коммунальных услуг, например, неподача горячей воды длительное время², необеспечение надлежащего температурного режима в жилом помещении. Достаточно часто подаются в суд жалобы на управляющую организацию, не выполняющую свои непосредственные обязанности по договору управления, в результате чего, например, происходят заливы жилых помещений³. И как правило, собственники

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.07.2019 № 304-ЭС19-11201 по делу № А75-8205/2018.

² См.: Решение Промышленного суда г. Смоленска от 8 декабря 2017 г. по делу № 2-3634/2017.

³ См.: Решение Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 30.01.2020 г. по делу № 2-10470/2019.

Особенности защиты прав владельцев помещений в многоквартирных домах

жилых помещений обращаются в суд с требованием о возмещении причиненного материального ущерба. Но одновременно с этим возникает вопрос: имеет ли собственник помещения право на компенсацию морального вреда. Данный вопрос является одним из дискуссионных в российском гражданском праве¹.

Под *моральным вредом* понимаются «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими имущественные права гражданина (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»)). Следует отметить, что институт морального вреда в последние десятилетия претерпел существенные изменения. Вышеупомянутое постановление Пленума Верховного Суда РФ № 33 определило новый вектор в развитии судебной практики в сфере компенсации морального вреда. В постановлении Пленума содержатся новые определения понятий и институты, используемые при компенсации морального вреда, а также расширенный перечень оснований для компенсации морального вреда. С момента принятия указанного постановления прошло немного времени, однако уже сейчас можно отметить положительную тенденцию с точки зрения практики его применения судами.

Следует сказать, что в последнее время наметилась положительная тенденция в судебной практике – размер компенсации морального вреда стал увеличиваться. Это связано с усилением значимости института компенсации морального вреда, когда большее внимание уделяется именно нравственным страданиям гражданина, которое никак не связано с имущественным возмещением убытков и не влияет на размер компенсации морального вреда². То есть институт компенсации морального вреда выступает как самостоятельный, имеющий свои основания для возникновения и компенсации, а также критерии для определения его размера.

¹ Эрделевский А.М. Новое в судебной практике по спорам о компенсации морального вреда. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=127676&ysclid=m5xnb0mdyc20202083#fNU5wZUw5gt52FLf1> (дата обращения: 24.12.2024).

² См. об этом: Ачкасова Е., Сторчак В. Верховный суд выпустил разъяснения о компенсации морального вреда // Трудовое право. – 2024. – № 3. – С. 15–23.

Гражданский кодекс РФ в ст. 151 предусматривает возможность компенсации морального вреда в случае нарушения имущественных прав граждан, если это право закреплено законом. В контексте Закона РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (в ред. 08.08.2024) «О защите прав потребителей» гражданин, заключая договор управления с управляющей организацией, является одновременно и потребителем услуг. При этом обращает на себя внимание тот факт, что Закон о защите прав потребителя в большей степени защищает потребителя-гражданина, как более слабую сторону в договорных отношениях, в том числе и тем, что потребителю достаточно лишь доказать только факт нарушения его прав и закон дает ему возможность на компенсацию морального вреда. Следовательно, потребитель-гражданин, заключивший договор управления с управляющей организацией, имеет право на компенсацию морального вреда в случае нарушения его прав в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения управляющей организацией своих обязанностей.

В случае компенсации морального вреда гражданину-потребителю встает вопрос о его размере. Четкая шкала размера компенсации морального вреда действующим законодательством не предусмотрена. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 33 не содержит какой-либо иерархии размера компенсации морального вреда. Определяя размер морального вреда, суд учитывает его компенсационный характер. Размер компенсации морального вреда направлен на восстановление существующего до этого нравственного состояния, а в случае невозможности – уменьшение негативных последствий¹.

Президиум Верховного Суда РФ, как следует из Обзора судебной практики, подчеркивает, что размер компенсации морального вреда должен быть адекватным, так как незначительный, маленький размер компенсации морального вреда свидетельствует о нарушении норм действующего законодательства². Более того, Верховный Суд РФ неоднократно обращал внимание на исключительный характер оснований уменьшения размера компенсации

¹ Эргашев Ж.Н. Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности // Молодой ученый. – 2021. – № 3 (345). – С. 243–246.

² См.: Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 23.10.2024 г. (п. 8).

Особенности защиты прав владельцев помещений в многоквартирных домах

морального вреда¹. То есть действует общее правило о недопустимости уменьшения размера компенсации морального вреда без достаточных на то оснований, особенно когда речь идет о компенсации морального вреда в результате ненадлежащего исполнения своих обязанностей управляющей компанией².

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 33, определяя критерии определения размера компенсации морального вреда, указывает, прежде всего, на необходимость руководствоваться принципом разумности и справедливости. При определении размера компенсации морального вреда, исходя, в том числе, из анализа судебной практики, также следует учитывать: степень вины причинителя вреда и потерпевшего; характер, степень физических и нравственных страданий потерпевшего, его индивидуальные особенности.

Интересным для рассмотрения является вопрос о компенсации морального вреда лицу, который не состоял в договорных отношениях с управляющей организацией. Верховный Суд РФ дал ответ на этот вопрос в п. 2 вышеупомянутого постановления Пленума. Если между гражданином-потерпевшим и причинителем вреда возникшие отношения нельзя квалифицировать как отношения потребителя и исполнителя, то гражданин не имеет права на компенсацию морального вреда в случае нарушения его имущественных прав.

Однако если проанализировать определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, то можно прийти к выводу о возможности компенсации морального вреда³. Например, автомобиль, принадлежащий гражданину, получил повреждения в результате падения на него камня с крыши многоквартирного дома, т.е. вред автомобилю причинен из-за ненадлежащего исполнения управляющей организацией своих обязанностей по содержанию общего имущества в многоквартирном доме. Верхов-

¹ Иванов С.В., Хархардин Д.Н. Компенсация морального вреда в связи с причинением вреда жизни или здоровью граждан на железнодорожном транспорте // Российская юстиция. – 2024. – № 8. – С. 35–42.

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30.05.2022 № 5-КГ22–30-К2.

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 16-КГ22–27-К4. Аналогичная правовая позиция изложена в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.08.2023 № 4-КГ23–37-К1.

ный Суд РФ подчеркнул возможность права требования возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков работ, услуг, за любым потерпевшим. При этом для Верховного Суда РФ не является обязательным критерием наличие договорных отношений между гражданином-потерпевшим и исполнителем¹. Следовательно, можно однозначно сделать вывод о тенденции расширения оснований для компенсации морального вреда.

Заключение

Подводя общий итог, следует подчеркнуть, управление общим имуществом многоквартирных домов, хотя и имеет достаточное проработанное законодательное регулирование, но принимая во внимание особую социально-экономическую ценность отношений, которые складываются по поводу жилья и обеспечения его эксплуатации и использования, требует конкретизации в части принципов применения законодательства о защите прав потребителя в части компенсации морального вреда гражданам – участникам данных правоотношений. Следует отметить, что подобные уточнения в целях закрепления в жилищном законодательстве возможности обращения в суд граждан, проживающих в многоквартирном доме, чьи жилищные права нарушены предоставлением во временное пользование жилого помещения его собственником предусмотрены Федеральным законом от 23.03.2024 № 55-ФЗ «О внесении изменения в статью 30 Жилищного кодекса Российской Федерации». Это положение можно считать излишнем, так как существует общее правило, в соответствии с которым в случае нарушения своих прав лицо может обратиться в суд (ст. 46 Конституции РФ), но соответствующие изменения были признаны целесообразными Конституционным Судом РФ в Постановлении от 23.03.2023 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева». По аналогии можно предположить целесообразным и внесение соответствующих уточнений в ЖК РФ и в отношении возможности компенсации морального вреда в случае ненадлежащего исполнения управляющей организацией соответствующих услуг, в целях приведения в соответствие отраслевого законодательства конституционным положением.

¹ См.: Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 18.10.2023 г. (п. 2)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 341

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.12

ЯСТРЕБОВА А.Ю.¹ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ (Обзор)

Аннотация. Проанализированы основные международно-правовые нормы и принципы защиты детей в контексте особенностей их статуса и возрастных возможностей. Автором изложены отдельные направления сотрудничества государств и приоритеты действующего российского законодательства, которые относятся к сфере такой защиты. Особое внимание уделено содержанию Конвенции о правах ребенка 1989 г., иным универсальным международным договорам, документам ООН и ряду научных позиций, связанных с современным пониманием прав и интересов детей.

Ключевые слова: международно-правовая база защиты материнства и детства; правовой статус ребенка; формирование запретов, относящихся к защите детей; консульское содействие; направления межгосударственного сотрудничества по благополучию детей.

YASTREBOVA A.Yu. International Legal Aspects to Protect Children's Rights (Review)

Abstract. International legal norms and principles of children's protection are analyzed in the context of features of their status and age-related capabilities. The author outlines some directions of cooperation between states and priorities of the current Russian legislation concerning such protection. Particular attention is paid to the Convention on the Rights of the Child, adopted in 1989, the other universal treaties, the UN documents and a number of scientific studies dealing with modern understanding of children's rights and interests.

¹ Ястребова Алла Юрьевна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, доцент.

Keywords: international legal base on maternity and childhood protection; legal status of a child; forming of prohibitions relating to children's protection; consular assistance; directions of interstate cooperation to provide welfare of children.

Для цитирования: Ястребова А.Ю. Международно-правовые аспекты защиты прав детей (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 2. – С. 143–155. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.12

Введение

Тематика международно-правовой защиты детей тесно связана с общей нормативной основой международного права прав человека и одновременно имеет собственный предмет, определяющий формы сотрудничества государств. Здесь сформулированы стандарты достойного обращения с детьми, особые права ребенка и запреты действий, нарушающих физическое и психологическое благополучие этой возрастной группы лиц. Пакт во имя будущего, принятый на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2024 г., в п. 58 указывает, что современное поколение детей и молодых людей представляет собой «активных проводников перемен к лучшему», приветствуется важный вклад молодежи в укрепление мира и безопасности, устойчивого развития и прав человека¹.

Современные условия глобальной цифровизации придают научную значимость правовому пониманию и классификации детских прав, соблюдению единства семей и семейных ценностей, обеспечению благоприятной окружающей среды. Совокупность международно-правовых принципов защиты детей включает применение толкования межгосударственных договоров системы ООН, учитывается государствами-участниками и предполагает экспертные оценки.

Международно-правовые стандарты защиты детей: формулировки, специфика, нормативные позиции Российской Федерации. Научные позиции, существующие в сфере обеспечения прав детей, позволяют говорить о формировании особого международно-правового института, построенного на системе определенных принципов и обладающего собственным нормативным со-

¹ Пакт во имя будущего (резолюция ГА ООН A/Res/79/1, 2024). – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/272/24/pdf/n2427224.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

держанием. Специальные подходы к международно-правовому статусу детей были обозначены уже во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Эта Декларация в ч. 2 ст. 25 определяет, что материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь, и все дети, родившиеся в браке или вне брака, пользуются одинаковой социальной защитой. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. в ч. 1 ст. 24 закрепляет право каждого ребенка, без какой-либо дискриминации по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного положения или рождения, на те меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего, со стороны семьи, общества и государства. В ч. 2 и 3 ст. 24 устанавливаются права ребенка, относящиеся к регистрации рождения, имени и приобретению гражданства.

Защита детей в международно-правовой сфере связана также с правом человека на семью и развитие. Н.Е. Борисова отмечает: «Вследствие того, что долгое время личность заслонялась семьей, общиной, государством и не получила своего правового определения, правовое регулирование положения детей осуществлялось через институт семьи» [4, с. 92]. Существует тесная взаимосвязь прав детей и прав семьи, что подразумевает совместное регулирование. Сегодня особое внимание уделяется современным средствам защиты детей в условиях цифровизации социального окружения. Указывая на значимость повышения уровня специалистов в области защиты прав детей, данный автор полагает, что они должны не только быть ориентированы в информационном пространстве, но и иметь навыки применения информационных технологий, которые соответствуют реалиям современной действительности и кругозору молодого поколения, так как «дети сегодня для каждого государства действительно составляют его достояние» [3, с. 38].

Ученые-правоведы высказывают мнение, что защита прав и законных интересов ребенка сложилась в качестве «межотраслевого института, базирующегося на определенной совокупности правовых норм, регламентирующих общественные отношения» и при этом «знаковая роль... принадлежит лицам, в наивысшей степени ответственными за судьбу ребенка – родителям и лицам, их заменяющим» [7, с. 408].

Говоря о правовых основах защиты детей, А.Х. Абашидзе и А.О. Гольтяев определяют, что «ключевые международные правозащитные договоры содержат ряд отдельных норм, регулирующих их применение по отношению к детям или устанавливающих в

отношении детей особые правовые режимы» [1, с 18]. Помимо указанных международно-правовых источников, межгосударственное сообщество сформировало самостоятельную систему защиты детей, заложенную Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 г. и Факультативными протоколами к ней 2000 и 2011 гг. Первые два Протокола ограждают несовершеннолетних лиц от таких деяний, как торговля людьми, детская проституция и детская порнография, предупреждают участие детей в вооруженных конфликтах. Третий протокол включает процедуры, установленные по отношению к индивидуальным и коллективным сообщениям, принимаемым Комитетом ООН по правам ребенка от лиц, находящихся в сфере юрисдикции государств-участников. Стоит также указать ряд региональных международных договоров, принятых в рамках интеграционных объединений государств и имеющих целью общую регламентацию прав детей или специальную защиту отдельных прав ребенка. К ним относится Африканская хартия прав и благополучия ребенка 1990 г., Европейская конвенция об осуществлении прав детей 1996 г., Межамериканская конвенция о коллизионных нормах, касающихся усыновления несовершеннолетних, 1984 г.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. содержит обязанности участников сократить детскую смертность и обеспечивать здоровое развитие ребенка (п. а) ч. 2 ст. 12), им предусмотрены гарантии обязательного и бесплатного начального образования (п. а) ч. 2 ст. 13). Помимо этого, государства-участники предпринимают особые меры охраны и помощи детей и подростков, основанные на принципе недискриминации, который включает семейное происхождение (ч. 3 ст. 10). Дети должны быть защищены от экономической и социальной эксплуатации и от того, чтобы их труд использовался в нравственно или физически вредных областях.

Итак, международным правом предусмотрены специальные принципы в сфере защиты детей, что связано со спецификой реализации прав, интеграцией в семью и социальное окружение, неразрывностью состояния младенчества и материнства. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. (принята резолюцией 34/180 ГА ООН) устанавливает право на охрану здоровья и безопасные условия труда для женщин в контексте сохранения функции продолжения рода (п. «б» ч. 1 ст. 11). Ч. 2 ст. 12 Конвенции гарантирует оказание женщинам бесплатных услуг в период беременности, родов и

кормления детей, установлены принципы недискриминации и равенства мужчин и женщин в доступе к медицинскому обслуживанию и планированию семьи (ч. 1 ст. 12). Универсальный международно-правовой уровень защиты предполагает, таким образом, совместное право матери и ребенка на здравоохранение.

Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях от 3 декабря 1986 г. (принята резолюцией 41/85 ГА ООН), содержит принципы взаимодействия семьи и государства по защите детства. Нормы Декларации, имеющие рекомендательную правовую природу, определяют, что государства уделяют первоочередное внимание благополучию семьи и ребенка (ст. 1); благополучие ребенка состоит в благополучии семьи (ст. 2); забота о детях возложена прежде всего на родителей (ст. 3); участники отдают приоритет наилучшему обеспечению интересов детей (ст. 5); ребенку обеспечивается имя, наличие гражданства и законного представителя (ст. 8).

Приоритеты защиты детей уточняются на универсальном уровне. В Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (принята 25 сентября 2015 г. резолюцией 70/1 ГА ООН), в том числе, включены цели сотрудничества государств по защите детства:

– ликвидировать голод и недоедание, обеспечить продовольственную безопасность и достаточное питание всех возрастных групп детей (п. 2.1 и 2.2);

– снизить детскую смертность, гарантировать достойный уровень жизни и содействовать детскому благополучию (п. 3.2 и 3.4–3.9);

– предоставить бесплатное, равное, качественное начальное и среднее образование, доступ к качественным системам развития, ухода и дошкольного обучения детей младшего возраста, организовывать учебные заведения, с учетом интересов детей (п. 4.1, 4.2, 4a);

– пресекать надругательства, эксплуатацию, торговлю и все формы насилия и пыток в отношении детей, обеспечивать им законные удостоверения личности, включая свидетельства о рождении (п. 16.2 и 16.9);

– сделать доступными высококачественные, актуальные и достоверные данные, дифференцированные по гендерной принад-

лежности и возрасту и значимые с учетом национальных условий (п. 17.18).

В 2023 г. ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН) сделал заявление о том, что программы и проекты, принятые в рамках Повестки дня, смогли принести пользу 6% от общего числа детей в мире, и цели устойчивого развития в области образования, искоренения нищеты и защиты детей от насилия наиболее далеки от показателей, которые должны быть достигнуты к 2030 г.¹

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 78/187 «Права ребенка» от 19 декабря 2023 г. (принята на 78-й сессии), указывает на:

– значение участия стран в Конвенции о правах ребенка 1989 г., выступающей универсальным межгосударственным договором, который включает «всеобъемлющий комплекс международно-правовых стандартов в отношении защиты и обеспечения благополучия детей»;

– достижение совместимости цифровой среды с конвенционными правами ребенка и проведение оценок ее воздействия на эти права;

– обеспечение пользования детьми гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами, в полной мере и без какой бы то ни было дискриминации;

– осуществление доступа детей к предоставлению цифровых услуг, без вреда для них, и использование систем цифровой идентификации рождений и имен детей;

– призыв к пресечению произвольного или противоправного вмешательства в частную жизнь детей;

– реализация цифровой, медийной и информационной грамотности и получение интернет-доступа детьми, находящимися в уязвимом положении;

– улучшение положения детей, находящихся в условиях социальной нищеты и лишенных доступа к надлежащему питанию, чистой питьевой воде и санитарным удобствам, что влияет на их возможности полноценно осуществлять свои права, участвовать в жизни общества и ставит в условия повышенного риска насилия.

В резолюции ГА ООН 78/187 также присутствуют призывы к государствам, связанные с соблюдением основных прав и запре-

¹ ЮНИСЕФ: права детей должны быть приоритетом в процессе достижения ЦУР. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/09/1444852> (дата обращения: 12.11.2024).

тов, установленных международными договорами, и составляющих сущность их правовых обязательств по защите детства.

Российская Федерация активно участвует в универсальной и региональной системе международно-правовой защиты прав детей в рамках соответствующих межгосударственных договоров, как с применением различных форм имплементации их норм, так и при наличии собственных правовых позиций в обозначенной сфере. Семейный кодекс РФ 1995 г. в ред. 23.11.2024 в ст. 56 закрепляет право ребенка на защиту своих прав и законных интересов, которая осуществляется родителями или лицами, их заменяющими. Дети имеют право быть защищенными от злоупотреблений со стороны родителей или заменяющих лиц, они могут самостоятельно обратиться в органы опеки и попечительства. Они также имеют право на выражение своего мнения при решении семьей любого вопроса, затрагивающего их интересы (ст. 57).

Основные принципы в отношении поддержки семей нашли свое выражение в содержании Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р. Можно сформулировать их как самостоятельное решение каждой семьи по поводу организации своей внутренней жизни; равноправие членов семьи; обязанности семей, связанные с воспитанием, образованием, развитием детской личности и сохранением здоровья; обеспечение партнерства семьи и государства; доступность поддержки для нуждающихся в ней семей (ч. III). Концепция обращается к традиционным семейным ценностям, и прежде всего к ценности брака как союза мужчины и женщины, основанного на заботе и взаимоуважении, для создания семьи, рождения и совместного воспитания детей. В Концепции ставятся цели профилактики семейного неблагополучия, детской беспризорности и безнадзорности, предусмотрены модельные стандарты социальных услуг для семей, находящихся в условиях рисков.

Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека, принятая 26 мая 1995 г. (действует с изменениями от 14.10.2022 г.), в ст. 17 определяет право несовершеннолетнего лица на особые меры защиты, требуемые его положением и гарантируемые семьей, обществом и государством. Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ приняты Модельные законы об основных гарантиях прав ребенка от 16 октября 1999 г. (Постановление МПА № 14–9) и об обеспечении прав детей на охрану здоровья от 16 апреля 2021 г. (Постановление МПА № 52–4),

которые основаны на недискриминации, обеспечении прав и законных интересов ребенка, гарантии определенных социальных стандартов, совместной защите детства, младенчества и материнства.

О.Е. Савенко справедливо отмечает, что «ввиду трансформации международного сотрудничества в области защиты прав детей и отхода от европейской модели возникает необходимость создания альтернативного механизма защиты прав детей». По мнению автора, основой такого механизма может стать деятельность Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации и «конвергенция правовых систем, исторические особенности развития государств – членов Содружества Независимых Государств, сходные семейные ценности» [9, с. 171–172].

Приоритеты Конвенции о правах ребенка 1989 г., основные принципы защиты детей и ее современные направления. Позиция Верховного Комиссара ООН по правам человека выражена в том, что процессы, которые относятся к выполнению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., должны согласовываться с нормами Конвенция о правах ребенка 1989 г. (принята резолюцией 44/25 ГА ООН) (далее – Концепция) и Факультативных протоколов к ней, в части, где действуют принципы недискриминации и наилучшего обеспечения интересов детей, права ребенка на жизнь, выживание и развитие и его права на участие. Призывы к государствам-участникам состоят в улучшении защиты детских прав при экстренных ситуациях и сохранении доступных услуг в области охраны здоровья, снабжения водой, гигиены, образования и регистрации фактов рождения. Конвенция в ст. 1 определяет в качестве ребенка каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по национальному закону, применимому к нему, он не достигает совершеннолетия ранее. Здесь имеет место компромисс международного и национального права по определению порога совершеннолетия.

Сегодня состояние детства в цифровом пространстве, как было показано выше, становится предметом пристального внимания общества и государства, отдельным направлением межгосударственного сотрудничества. Так, Н.Н. Тарусина обращается к критериям допуска ребенка к информации, согласно правовым стандартам, и высказывает мнение, что теоретические и прикладные подходы к градации возрастных уровней детей должны быть переосмыслены совместными усилиями наук юриспруденции,

психологии и педагогики [10, с. 23]. Представляется, что речь идет о принципе предосторожности при обеспечении доступа ребенка в цифровую среду, которая способна одновременно и способствовать реализации его прав (дистанционное образование, подключение к базовой информации, оказание социально-информационных услуг), так и быть опасной для только формирующейся и подверженной взрослому влиянию личности.

Оценивая значимость Конвенции с позиций обеспечения личной безопасности детей, Л.В. Кудрявцева и Е.Д. Степурина указывают, что она детализирует «индивидуальные права каждого человеческого существа до достижения им возраста 18 лет на полное развитие своих возможностей в условиях, свободных от голода и нужды, жестокости, эксплуатации и других форм злоупотреблений. Таким образом, права ребенка и их обеспечение стали полноценным международно-правовым институтом...» [6, с. 105].

В Конвенции используется международно-правовая концепция, согласно которой дети считаются полноправными субъектами правоотношений. Они наделены правами и свободами так же, как и взрослые люди. Полноценный правовой статус лица не может быть формально ограничен в контексте дееспособности по причине малолетнего возраста его обладателя. Наличие такого возраста восполнено обязанностями, возложенными на родителей, опекунов или попечителей, государственные учреждения. Со своей стороны, австралийские ученые-социологи придают большое значение вовлеченности детей в решение вопросов собственной защиты, в том числе, в рамках доступных молодежных организаций и прозрачных процедур принятия таких решений, что позволяет им формировать свою позицию в жизни и одновременно укрепляет права ребенка на участие и личную безопасность [13, р. 133].

Коренным институциональным принципом защиты является наилучшее обеспечение интересов ребенка (ч. 1 ст. 3 Конвенции). В.В. Дорина замечает, что нужно обращаться к ним тогда, когда это «необходимо, уместно и выполнимо в качестве инструмента для продвижения прав детей в рамках прав человека» [5, с. 116]. При этом данный автор выражает мнение, что отсутствие точного определения указанного понятия в Конвенции позволит при его осуществлении «смещать акцент с ребенка как объекта правовой защиты, на ребенка как полноценного субъекта права» [там же, с. 118]. Также мы уже обратили внимание на принципы недискриминации и равноправия детей и взрослых людей.

Дифференцированные подходы к защите детей учитываются в перечне прав ребенка, закрепленном в Конвенции 1989 г. Согласно ему, детям предоставлены все личные, частично гражданские и политические, права, как и взрослым, и одновременно признаны их особые преимущества. Е.М. Павленко считает, что в преамбуле Конвенции 1989 г. находят подтверждение «нормы международных пактов о правах человека, в соответствии с которыми каждый человек обладает правами и свободами без какого бы то ни было различия по признаку рождения, т.е. ребенок изначально обладает тем же набором прав и свобод, что и взрослый» [8, с. 77–78].

Сформулированные в Конвенции нормы-запреты по отношению к детям (ст. 19, 32–38) содержат обязательства участников по предупреждению и пресечению:

- всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы, небрежного и грубого обращения;

- привлечения к работе, представляющей опасность для здоровья, служащей препятствием для получения образования или наносящей ущерб здоровью, физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию детей;

- употребления наркотических средств и психотропных веществ или использования детей на противозаконном производстве таковых;

- всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения детей;

- похищения, контрабанды или торговли детьми;

- пыток, жестокого или бесчеловечного обращения, смертной казни, пожизненного тюремного заключения, незаконного лишения свободы;

- привлечения детей к участию в вооруженном конфликте;

- всех других форм эксплуатации, наносящих ущерб любому аспекту благосостояния ребенка.

Вышеперечисленные запреты закреплены и иными универсальными договорами, предусматривающими гарантии надлежащего обращения с детьми, обеспечения человеческого достоинства, физического и нравственного благополучия. Как уже было сказано, Конвенция о правах ребенка 1989 г. дополняется двумя Протоколами 2000 г.: Факультативным протоколом, касающимся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, и Факультативным протоколом, касающимся участия детей в во-

оруженных конфликтах, от 25 мая 2000 г. (приняты резолюцией 54/263 ГА ООН). Особенности защиты детей в условиях военных действий представляют собой отдельный предмет изучения. При ее осуществлении совместно используются нормы международного права прав человека и международного гуманитарного права, обозначающие специальный статус покровительствуемых лиц.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и Протокол, дополняющий ее, о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, от 15 ноября 2000 г., принятые резолюцией 55/25 ГА ООН, формулируют международно-правовые стандарты, направленные на борьбу с принудительным состоянием и различными видами эксплуатации детей, их прямым или косвенным использованием, которое наносит огромный ущерб физической и психической неприкосновенности личности. Российская Федерация является участником всех вышеперечисленных международных договоров. Формирование международно-правовых запретов предопределено инициативой государств-участников защитить детей, обладающих особой социальной уязвимостью и возрастной незрелостью. В то же время, такие запреты связаны с пресечением преступных деяний физических лиц, направленных на умаление основных прав и свобод человека.

Государства гражданства несовершеннолетних лиц осуществляют защиту их прав и законных интересов как на своей территории, так и за рубежом, когда они пребывают там на временной или постоянной основе. Осуществление государством гражданства детей экстерриториальной защиты связано с п. h) ст. 5 Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. Перечень установленных консульских функций включает охрану интересов несовершеннолетних граждан представляемого государства, особенно, если требуется установить над ними опеку и попечительство, в рамках действующих законов и правил страны пребывания. Идентичные нормы содержатся и в двусторонних консульских конвенциях государств.

Забота о несовершеннолетних гражданах представляемого государства поручается его консульским заграничным учреждениям. Так, Консульский устав Российской Федерации, от 05.07.2010 № 154-ФЗ (в ред. от 22.06.2024) определяет консульские функции для несовершеннолетних граждан, оставшихся без попечения родителей (ч. 1–5 ст. 19): защиту их прав, ознакомление заявителей с порядком усыновления (удочерения), учет усыновленных (удоче-

ренных) лиц, оказание содействия органам опеки и попечительства. Экстерриториальная защита имеет основой признание общего международно-правового принципа межгосударственного сотрудничества, уважения государственного суверенитета страны гражданства и наилучшего обеспечения прав и интересов детей, находящихся за ее пределами.

В научных трудах содержится ряд предложений по расширению понимания индивидуальных и коллективных прав детей в контексте существующих направлений сотрудничества международного сообщества по гуманитарным вопросам. К примеру, европейские ученые-правоведы приходят к выводу о наличии такого принципа, как межпоколенческое равенство, согласно которому будущие поколения имеют право на здоровую окружающую среду точно в той же степени, как и настоящие поколения. Особое фокусирование на проблеме изменения климата влияет, по их мнению, и на отдельные позиции Комитета ООН по правам ребенка, изложенные в его замечаниях и определяющие связь между правами детей, состоянием окружающей среды и обязанностью всех поколений ее сохранять [12, р. 424–425]. Таким образом, речь идет о сбережении здоровых природных условий нынешним поколением для еще не родившихся представителей будущего поколения и дальнейшей передаче им прав доступа к естественным ресурсам и функций этой защиты.

Специалисты ЮНИСЕФ формулируют вывод о необходимости расширения права на доступ к социальной защите для детей из числа внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), мотивируя его применением ст. 2 Конвенции о правах ребенка 1989 г., где установлены принципы недискриминации и универсальности прав, в отношении детей-мигрантов. Они также приводят как правовую аргументацию особой заботы о несовершеннолетних лицах из числа ВПЛ отдельные положения Программы действий Генерального Секретаря ООН по вопросам внутреннего перемещения 2022 г. К ним принадлежит использование возрастных подходов при оказании помощи ВПЛ, усиление поддержки этих лиц, особенно женщин и детей, которые представляют более половины от их общего числа, и местных сообществ, которые принимают ВПЛ [11, р. 69–70].

В российской правовой науке складывается тенденция углубленного изучения цифровых прав детей и влияния информационно-коммуникационных технологий на благополучие личности. Здесь нужно учитывать повсеместное распространение цифровой среды на различные области общения людей, социальные и психо-

логические связи, способности к коммуникациям. Благополучие детей стоит рассматривать как комплексное понятие, которое складывается из состояния физического и психического здоровья, критериев удовлетворенности, возможности получения образования, социального статуса, личной безопасности.

Цифровизация может быть признана и средством развития прав и свобод ребенка, и фактором риска для его частной жизни и полноценного обладания персональными данными. Международно-правовые стандарты, закрепленные Конвенцией 1989 г., должны использоваться и применительно к отношениям, которые складываются в цифровой среде. Право на выражение собственных взглядов и мнения ребенка, на поиск, использование и передачу информации (ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 13) сочетается с правомерными ограничениями, которые предусмотрены для уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка или нравственности населения [2, с. 11–23].

Заключение

Таким образом, можно говорить о сложившейся системе международно-правовой регламентации статуса детей, включающей нормы и принципы, установленные универсальными договорами по правам человека, специальными соглашениями, имеющими целью защиту детских прав, и программными документами ООН. Формы современного сотрудничества государств по предупреждению транснациональных преступных деяний, связанного с обеспечением личной безопасности, физической и психологической неприкосновенности детей, благополучием и единством членов семьи, выступают другим компонентом такой системы. Изложенные научные позиции представляют эволюцию международно-правовых принципов защиты детства, отдельные направления ее реализации, и перспективы формирования правосознания молодого поколения в социуме.

ЗАХАРОВ Т.В.¹ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены позиции зарубежных ученых по отдельным вопросам влияния международного права на использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Рассматривается проблема развития международного права в области использования ИКТ с позиции международной безопасности. Освещена концепция «промежуточного состояния» (между состояниями «войны» и «мира») взаимодействия государств в информационном пространстве, концепция «информационной атаки» в военно-правовой доктрине США.

Ключевые слова: международное право; международная безопасность; информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); кибератака.

ZAKHAROV T.V. The International Legal Dimension of the Modern Development of Information and Communication Technologies (Review)

Abstract. The review presents the positions of foreign scientists on certain issues of the influence of international law on the use of information and communication technologies (ICT). The problem of the development of international law in the field of the use of ICT from the perspective of international security is considered. The article highlights the concept of an “intermediate state” (between states of “war” and “peace”) of interaction between states in the information space, the concept of an “information attack” in the military-legal doctrine of the United States.

¹ Захаров Тимофей Владимирович, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Keywords: international law; international security; information and communication technologies (ICT); cyberattack.

Для цитирования: Захаров Т.В. Международно-правовое измерение современного развития информационно-коммуникационных технологий (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 156–166. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.13

Введение

Динамика развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) значительно опередила правовое регулирование складывающихся в связи с этим общественных отношений. Это создало условия для образования серых зон, когда определенное использование ИКТ потенциально является противоправным. Проблема обостряется широким использованием ИКТ в военных целях. В связи с этим ученые поднимают сложные вопросы международно-правового регулирования, развития международного права в данной области.

Международно-правовые основы использования ИКТ в контексте международной безопасности. Х.А. Балуджи – независимый исследователь, занимающийся вопросами международной безопасности, рассматривает в своей статье международно-правовые основы использования ИКТ в контексте международной безопасности. В статье делается акцент на проблемах, связанных с технологическими решениями международной безопасности.

За более чем два десятилетия дискуссий в ООН по вопросу информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в контексте международной безопасности так и не удалось прийти к какому-либо окончательному решению. Стороны, отстаивающие конкурирующие подходы, продолжают споры. В данном вопросе основная проблема сводится к разработке юридически обязывающего документа в области ИКТ в контексте международной безопасности [1, с. 90].

При обращении к данной проблеме, автор предлагает рассмотреть и использовать три актуальных, по его мнению, допущения: 1) человеческая жизнь имеет как материальное, так и нематериальное измерение. С учетом существующих реалий «мы, – полагает автор, – не можем считать физическую безопасность важнее, чем безопасность в сфере ИКТ. Количество ИКТ-инци-

дентов, в том числе хакерство, фишинг и тому подобное, по всему миру исчисляется миллиардами. Более того, последствия некоторых из нападений с использованием ИКТ, которые направлены на правительства или касаются национальных активов и богатства страны, носят более серьезный характер и сопоставимы с физическими нападениями, например, с использованием военной техники» [1, с. 91]; 2) операции с использованием ИКТ могут привести к физическим разрушениям и увечьям. Кроме того, использование ИКТ несет в себе значительную опасность в плане вмешательства в деятельность, подрыва и возможного уничтожения ядерных объектов, поставить под угрозу целостность и эффективность систем управления и контроля над ядерными объектами [там же, с. 91–92]; 3) заявленная государствами цель в многосторонних переговорах по вопросам международных документов в физическом и нефизическом измерениях – укрепление международного мира и безопасности путем предотвращения применения силы и угрозы силой, уважение суверенного равенства государств, мирное урегулирование международных споров и отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга. Противодействие развитию международного права в любой из этих областей может стать проверкой реальной политической воли государств [там же, с. 92].

Вопросы международного права, включая нормы, правила и принципы безопасности в сфере ИКТ, широко отражены в дискуссиях, докладах и итоговых документах Рабочей группы открытого состава (РГОС) ООН и различных групп правительственных экспертов (ГПЭ) в области ИКТ в контексте международной безопасности. Ряд развитых западных стран прямо выступают против развития международного права в этой области – по крайней мере в настоящее время – и подчеркивает достаточность существующих норм международного права для обеспечения безопасного и стабильного ИКТ-пространства [там же, с. 92].

По мнению группы других стран, в основном развивающихся, а также России и Китая, – существующих норм международного права недостаточно для достижения цели обеспечения международного мира и безопасности в ИКТ-пространстве. В связи с этим для достижения желаемого уровня безопасности в этой области следует пересмотреть рекомендованные ГПЭ нормы и, помимо этого, разработать и применять юридически обязывающий документ в качестве международного договора или конвенции [там же, с. 93].

По мнению Х.А. Балуджи, «крайне важно обеспечить, чтобы в основе выводов лежали технические, а не политические мотивы. Таким образом, мир сможет вести борьбу с угрозами ИКТ, характер которых постоянно меняется» [1, с. 96].

Итоги переговорных процессов в рамках РГОС и других соответствующих международных форумов, включая Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН, свидетельствуют о том, что некоторые страны прилагают усилия для изложения своих взглядов и позиций в письменной и устной формах, однако все эти действия объединяет один общий аспект: участвующие в переговорах делегаты объединяются политически в соответствии с позицией своих правительств. В рамках этого подхода страны, принимающие решения по собственной воле и согласию, не обязаны обосновывать свою позицию. Однако ожидается, что правительства и делегации будут рассматривать необходимые рамочные основы и рациональные, логические и правовые причины, чтобы убедить других в рамках многосторонней дипломатии. Обращение к беспристрастным международным экспертам и принятие представленного ими решения поможет выйти из тупиковой ситуации. В связи с этим вопрос может быть передан на рассмотрение Комиссии международного права [там же].

Среди других вариантов рассматривается возможность проведения специальной сессии РГОС по международному праву и нормам непосредственно для решения этого вопроса. К участию в работе сессии возможно было бы привлечь экспертов в области права из разных стран. Полезным для обеспечения всестороннего понимания соответствующих правовых аспектов стало бы, по мнению (Х.А. Балуджи, обращение за юридической консультацией в специализированный правовой орган, обладающий опытом в области ИКТ в контексте международной безопасности [там же].

Ценным подспорьем и ориентиром, с точки зрения Х.А. Балуджи, будет задействование внутреннего экспертного опыта в лице юрисконсультов, правоведов и экспертов в области связанного с ИКТ права. Их мнение поможет пролить свет на правовые последствия и возможные решения, что позволит обеспечить соблюдение норм международного права при одновременном содействии развитию сферы ИКТ в контексте международной безопасности для всех. Другой подход заключается в проведении взаимной экспертной оценки (peer review), в ходе которой специалисты в области права из разных стран и с разным опытом подвергают вопрос критическому анализу, представляют свои мнения и

предлагают рекомендации. Такая совместная работа может способствовать выявлению пробелов и несоответствий в том, что касается юридического толкования, и проведению комплексного обсуждения [1, с. 96–97].

Наконец, на основе консультативного правового заключения, полученного с помощью этих различных каналов, возможно прояснить правовые вопросы и найти практические решения, соответствующие нормам международного права. Конечная цель состоит в том, чтобы направить государства-члены на путь к принятию деполитизированного и непредвзятого технического решения и преодолеть сложившуюся безвыходную ситуацию. Однако в заключении, Х.А. Балуджи, обращает внимание на необходимость тщательного изучения имеющихся пробелов в понимании и их восполнения с помощью формализованного и юридически обязывающего соглашения. В отсутствие таких мер нынешнее состояние неопределенности может так и не выйти за рамки простого толкования, не имеющего юридической силы. С тем чтобы добиться ясности и исполнения обязательств, необходимо, считает он, выработать систему положений, которая бы закрепила и придала законную силу этому пониманию в юридически обязательной форме [там же].

Регулирование роли киберпространства с помощью международного права Д. Джованелли, исследователь права в Центре передового опыта НАТО по совместной киберзащите (NATO cooperative cyber defence centre of excellence) (Эстония) представляет оппонирующий предыдущему автору подход, рассматривая особенности правовых состояний взаимодействия государств в киберпространстве. Отсутствие общего понимания того, как международное право применяется к ИКТ, вызвано некоторыми фундаментальными пробелами в международном праве, а не отсутствием юридических норм, относящихся к конкретной предметной области, считает Д. Джованелли [3, р. 3].

Чтобы дать определение отношениям между Соединенными Штатами и Советским Союзом во время холодной войны, Филип К. Джессап, цитирует которого Д. Джованелли, предложил возможность преодолеть традиционную дихотомию между «войной» и «миром» и рассмотреть «промежуточное состояние», которое не является ни тем, ни другим. В таком промежуточном состоянии было бы признано, что враждебные стороны могут участвовать в действиях, которые не были бы мирными и все же были бы далеки от того, что сейчас удобно называть тотальной войной [ibid., p. 2–3].

Из-за правовой неопределенности того, как международное право применяется к использованию ИКТ, создались условия для подобного промежуточного состояния в киберпространстве. Нынешний ландшафт глобальной безопасности характеризуется «постоянными военными действиями низкой интенсивности», которые основные действующие лица часто полностью отрицают [3, р. 3]. Государства с разным геополитическим положением, к примеру Россия, Япония и Бразилия, выразили обеспокоенность активным участием в кибероперациях гражданских лиц. Возникла необходимость уточнения понятия прямого участия комбатантов и гражданских лиц в военных действиях с применением ИКТ. Международный порядок, основанный на правилах, предполагает, что государства – в силу своей демократической легитимности – должны сохранять монополию на применение силы, говорит автор [ibid., р. 4].

Обеспокоенность государств участием гражданских лиц в кибератаках представляется обоснованным в свете двух взаимосвязанных факторов: (I) обязанности государства проявлять должную осмотрительность и не допускать использования своей территории для злонамеренной кибердеятельности, и (II) того факта, что Россия публично привлекает внимание к кибератакам, исходящим от стран-членов НАТО [ibid., р. 8].

Один из основных принципов международного гуманитарного права, когда стороны, участвующие в конфликте, должны проводить различие между гражданским населением и непосредственными участниками военных действий (комбатантами) для обеспечения защиты гражданского населения и гражданских объектов, неприменим к состоянию мирного времени. Из этого складывается положение, когда государства, пользуясь промежуточным состоянием, могут широко использовать гражданскую инфраструктуру и гражданских лиц в проведении киберопераций, в том числе сопоставимых с применением силы. Можно было бы предположить, пишет Д. Джованелли, что в промежутке между «чистым» миром и «тотальной» войной государства могут постоянно вступать в борьбу друг с другом за власть и другие ценности, используя все инструменты политики, в разной степени принудительные методы, варьирующиеся от наименее интенсивных до наиболее интенсивных. Однако нынешние конфликты в киберпространстве отличаются от прошлых примеров ограниченного применения силы, поскольку они носят постоянный и непрекращающийся характер (временной элемент) и их масштабы не

ограничены конкретной географической областью (пространственный элемент) [3, р. 8].

Ведя перманентную кибервойну низкой интенсивности, государства проявляют своего рода враждебность к воюющим, по крайней мере, с качественной – хотя и не количественной – точки зрения. Таким образом, принцип различия между гражданским населением и комбатантами в киберпространстве, по мнению автора, следует толковать шире. В киберпространстве необходимо учитывать не только состояние вооруженного конфликта, но и промежуточные состояния [ibid., р. 9].

Д. Джованелли выделяет ряд трудностей в толковании международного права, применительно к использованию ИКТ в противостояниях государств. Более сложными в понимании становятся такие понятия международного гуманитарного права, как «прямое участие в военных действиях» «применение силы в киберпространстве». Узкое толкование понятия «объект нападения» может способствовать формированию политического и общественного мнения о том, что кибероперации наносят меньший ущерб, чем традиционные боевые операции. Разграничение разведывательных и военных операций в киберпространстве является весьма сложным, поскольку часто одно и то же вредоносное программное обеспечение может использоваться как для хищения данных, шпионажа, так и для причинения ущерба [ibid., р. 9–13].

Не вполне понятным остается действие права на самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН – традиционно она ограничивается случаями вооруженного нападения, т.е. наиболее серьезными формами применения силы [ibid., р. 11]. Очевидно, что в случае киберопераций, уровень которых ниже порога применения силы, сдерживание может быть достигнуто главным образом за счет принятия контрмер, включая, в частности, контрмеры, принимаемые потерпевшими государствами или от имени потерпевшего государства (коллективные контрмеры) [ibid., р. 15]. Тем не менее, возвращаясь к сложности определения понятия «применение силы в киберпространстве», нельзя не видеть, что противостояние государств в киберпространстве ведется средствами, характерными для военного времени [ibid., р. 43]. В соответствии с проектами статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. контрмеры не затрагивают обязательства воздерживаться от угрозы силой или ее применения, закрепленного в Уставе ООН [ibid., р. 11].

Отдельную проблему представляет признание ответственности государств за действия негосударственных субъектов. При недоказанности эффективного контроля государством действий частных лиц, тайные операции по финансовой поддержке, обучению или поставкам оружия, разведывательных данных и материально-технической поддержке негосударственных субъектов, могут быть истолкованы как нарушение принципа невмешательства, а не нарушение запрета на угрозу силой или ее применение [3, р. 13].

Военно-правовая доктрина США и формирующаяся киберсреда военного времени. Э. Бобенрит, судья-адвокат армии США, профессор права национальной безопасности в правовом центре и школе права в Шарлоттсвилле (США) и С. Уоттс, профессор Военной академии США Вест-Пойнт, соредатор журнала «Lieber Studies Series» (Oxford University Press) (Великобритания), рассматривают использование ИКТ в вооруженных конфликтах, изменения в концепции ведения боевых действий в киберпространстве США [2].

Подход США к войне ближайшего будущего предусматривает интеграцию киберопераций практически во все виды деятельности на поле боя. В пределах разрабатываемой Пентагоном концепции «многодоменные операции» предполагается полное объединение боевых возможностей и направлений действий военных подразделений, включая кибероперации, в единую и взаимоподдерживающую систему наведения на цель [ibid., р. 3].

Однако применяемая в США нормативно-правовая основа для проведения киберопераций в военное время ограничена. Это особенно верно в отношении норм военного права, применимых к операциям, которые характеризуются как находящиеся ниже установленного правом порога признания ее атакой, составляющим значительную часть киберопераций во время вооруженных конфликтов [ibid., р. 4]. Применение же прогрессивных, авангардных правовых подходов к реальным операциям сложно и сопряжено с массой трудностей. «Часто неясно, – пишут авторы, – в какой степени прогрессивные теоретические концепции отражают *lex lata* в понимании государств. Тем не менее обзор новых концепций ведения кибервойн в сопоставлении с правовыми рекомендациями, разработанными почти десять лет назад, ясно показывает необходимость обновления доктрины киберправа военного времени, считают авторы [ibid., р. 4].

В 2023 г. Департамент вооруженных сил США опубликовал внутреннюю инструкцию под неопределенным названием «Ин-

формация», в которой приведены важные правила, касающиеся использования ИКТ в военных действиях. Инструкция переводит ИКТ из их прежнего статуса вспомогательных средств, применяемых в конфликте, в статус самостоятельной функции ведения боевых действий. Дается указание армейским командирам учитывать возможности ИКТ и последствия их использования, использовать ИКТ в сочетании с физическими средствами с целью повлиять на восприятие угроз противником, на его способность осуществлять командование своими силами [2, р. 7].

Внимание привлекает рассмотрение в данной инструкции «атаки», как информационной деятельности. В стремлении к информационному преимуществу, действия должны быть «ориентированы на наступление». Это, в частности, предполагает захват и удержание инициативы в отношении информационной активности противника, быстрые действия против информационных платформ противника и быструю адаптацию, чтобы лишить силы противника потенциальных информационных преимуществ. На каждом шагу эта новая доктрина заставляет командиров воспринимать информацию как часть боевой мощи, а не как вспомогательное средство. Информация – неотъемлемая часть общего арсенала средств разрушения и дезорганизующей силы, которые военное подразделение может применить против противника. Это, в свою очередь, предписывает вооруженным силам использовать все соответствующие возможности для атаки на данные, информацию и сети, представляющие угрозу [ibid.].

Инструкция Министерства обороны США «Информация в рамках совместных операциях» 2022 г. также закрепляет широкое понимания ИКТ в военных действиях. Она определяет информационную мощь как способность проявлять свою волю посредством распространения, эксплуатации, отрицания и сохранения информации. Инструкция удивительно откровенно, хотя, несомненно, точно оценивает смартфоны, сеть Интернет и социальные сети как информационные платформы, имеющие отношение к ведению боевых действий [2, р. 8].

И в инструкции Департамента вооруженных сил США, и в инструкции Министерства обороны США предполагается, что потенциальные противники США относятся к информации аналогичным образом [ibid.].

Приоритетными направлениями атаки являются блокирование, дезорганизация, уничтожение или манипулирование широким спектром киберсистем противника и систем технологий, основан-

ных на электромагнитном спектре, а также данными, которые они хранят и передают. Ожидаемые военные преимущества этих атак включают в себя ослабление командования и контроля противника, снижение его собственных возможностей в области ведения информационной войны [2, р. 8].

Формируемая США доктрина информационных атак делает акцент на воздействии, а не на разрушении ради него самого, говорят авторы. Цели могут быть выбраны не в соответствии с их природой, а скорее в соответствии с тем, как противник использует или может использовать их. Доктрина информационных атак определяет разведку киберпространства, использование социальных сетей и сбор общедоступной информации как важные источники военного преимущества противника, лишение или подрыв которых приводит к значительным военным результатам [ibid.].

Заключение

Отчеты о кибератаках, публикуемые государствами, как отмечает Э. Бобенрит и С. Уоттс) разнятся настолько, что не дают четкого понимания сегодняшних конфликтов в киберпространстве. Очевидной стала конкуренция в киберпространстве между Соединенными Штатами и Китаем и Россией [3, р. 3–4]. В то же время, в отличие от холодной войны, киберконкуренция ведется с использованием средств и возможностей, неотличимые от тех, которые были бы характерны для военного времени [ibid., р. 43].

По мере того как возможности в киберпространстве расширяются и все больше интегрируются в оперативные средства военных подразделений, преимущества четкой правовой позиции по поднимаемым вопросам, с точки зрения Э. Бобенрит и С. Уоттс, будет служить многим стратегическим, дипломатическим и юридическим интересам государства и международной правовой системы в целом [2, р. 4].

Юридически обязывающее соглашение могло бы способствовать укреплению доверия стран, сдерживанию нападений с использованием ИКТ и созданию более безопасной цифровой среды [1, с. 95].

Список литературы

1. Балуджи Х. Вопрос международного права, а также норм, правил и принципов в сфере информационно-коммуникационных технологий в контексте ме-

- ждународной безопасности: проблемы и анализ // *Международная жизнь*. – 2024. – Февраль. – С. 90–97.
2. Bobenrieth E., Watts S. US Military Legal Doctrine and the Emerging Wartime Cyber Environment // *International Review of the Red Cross*. – Cambridge, 2024. – First view. – P. 1–24.
 3. Giovannelli D. Handling Cyberspace’s State of Intermediacy Through Existing International Law // *International Review of the Red Cross*. – Cambridge, 2024. – First view. – P. 1–44.

**НОВЫЕ КНИГИ НА ПОЛКАХ
ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИНИОН РАН**

УДК 340.1

DOI: 10.1249/iajpravo/2025.02.14

**АЛФЕРОВ О.Л.¹, АЛФЕРОВА Е.В.² ИСКУССТВО И ПРАВО:
РАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ, ЦИВИЛИСТИ-
ЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙ-
СТВИЯ (Обзор)**

Аннотация. В обзоре представлены три монографические исследования Е.Н. Васильевой, посвященные изучению рационального и иррационального в искусстве и праве, рассматривающие концептуальные идеи философии взаимодействия правовой культуры и искусства, раскрывающие взаимосвязи между искусством и правом в цивилистической теории, а также роль искусства в формировании нравственной культуры человека, социума и правового государства.

Ключевые слова: право; искусство; правовое государство; правовая культура; нравственность; правовое воспитание; правовое просвещение, цивилистическая теория.

ALFEROV O.L., Alferova E.V. Art and law: rational and irrational, civilistic and moral grounds for interaction (Review)

Abstract. The review presents three monographic studies by E.N. Vasilyeva devoted to the study of the rational and irrational in art and law, examining the conceptual ideas of the philosophy of the interaction of legal culture and art, revealing the relationship between art and law in civil theory, as well as the role of art in shaping the moral culture of man, society and the rule of law.

¹ Алферов Олег Леонидович, ведущий редактор отдела правопедения ИНИОН РАН.

² Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник отдела правопедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Keywords: law; art; rule of law; legal culture; morality; legal education; legal education, civil theory.

Для цитирования: Алферов О.Л., Алферова Е.В. Искусство и право: рациональные и иррациональные, цивилистические и нравственные основания взаимодействия (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2025. – № 2. – С. 167–178. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.14

Введение

Искусство, право, правовая культура и мораль – элементы духовной культуры человека, показатели степени развития общества и его цивилизованности. На первый взгляд, право и искусство являются абсолютно не связанными сферами общественной жизни людей. Однако это только на первый взгляд. Взаимодействие права и искусства является двухсторонним: с одной стороны, право выступает в качестве социального регулятора отношений, возникающих в сфере искусства, с другой – искусство является одним из инструментов, играющим важную роль в формировании правовой культуры общества [1, с. 5].

Сегодня тема «искусство и право» на редкость востребована: в 2024 г. вышли в свет одновременно три книги, написанные одним автором – Евгенией Николаевной Васильевой, кандидатом юридических наук, почетным членом Российской академии художеств, но аспекты освещения темы самые разные – эстетическое государство, роль искусства в формировании правового государства, взаимосвязь искусства права и правовой культуры, искусство как инструмент укрепления прав и свобод граждан, цивилистическая правовая культура; искусство как моделирующая система реализации цивилистических правоотношений; искусство и правовое воспитание [1; 2; 3].

Цель искусства, подчеркивает автор, – отражение действительности, такое отражение, которое имеет особое воздействие на людей. Образность искусства может быть использована в праве. Правовые образы активно воздействуют на общественное сознание и сознание личности, создавая определенную правовую культуру и основу для формирования правового, нравственного государства. Взаимодействие искусства и права, подчеркивает Е.Н. Васильева, способствует усилению роли творчества в разрушении барьеров насилия и правового нигилизма, в построении новых способов

мышления, необходимых для защиты прав и свобод граждан в целях развития и обеспечения стабильности институтов правового государства [1, с. 5].

Искусство и его роль в формировании правового государства. Современные ученые рассматривают искусство как одну из форм познания мира наряду с наукой, философией, религией. Особенность искусства как формы познания заключается в том, что оно «мыслит» не понятиями, как наука, а образами, способными создавать гармонию. Гармония и справедливость являются неотъемлемыми частями права и основой построения государства. Правовая гармония, понимаемая автором «как единство контрастных начал, обеспечивающих соразмерность в правовой сфере», имеет определенные границы и отличительные признаки, среди которых согласованность и соразмерность правовых категорий; пропорциональность в структуре правового аргумента и знания; взаимная связанность и равновесие правовых понятий; отсутствие конфликтов между ними [там же, с. 21–22]. Гармония и стремление к ней в правовых проявлениях говорят об уровне правовой культуры в социуме как признаке правового государства и коррелирует с понятиями морали и нравственности. Данные этические категории, так же, как и право, являются системами ограничений, регулирующих поведение людей. Вместе с тем, несмотря на связь между моралью и правом, право на практике не всегда морально. В случае тоталитарных режимов право может быть аморальным. Кроме того, право может содержать нормы, которым невозможно дать нравственную оценку. Вместе с тем, под влиянием права формируется моральная норма [там же, с. 34–35]. Взаимодействию права и морали в рамках правовой культуры и формированию правового государства посвящен большой кусок книги Е.Н. Васильевой, где она рассуждает о функциях морали и права в обществе; их взаимном влиянии и собственной специфике; моральности законодательства; истории формирования и источниках права и морали; их сущности и задачи по регуляции социума [там же, с. 23–43].

Отдельный разговор автор ведет об эстетическом государстве и правовом государстве, его эстетической концепции. В XX в. Н. Рерих, пишет Е.Н. Васильева, начал работать над концепцией эстетического государства, суть которой заключается в том, что вопросам культуры и искусства в государстве отводится первостепенная роль. В свою очередь, развитая культура способствует становлению экономической и социальной систем. По Рериху, такая культура должна гармонизировать отношения между разными на-

родами и представителями различных религиозных конфессий, привести к снижению уровня насилия как внутри государства, так и на международном уровне. На данном этапе считал Н. Рерих невозможно реализовать идею эстетического государства, поэтому предложил «Пакт Мира», известный как «Пакт Рериха». В этом Пакте утверждается приоритет культурных ценностей над военными нуждами, содержится призыв к бережному отношению к памятникам культуры и формированию такого законодательства, которое направлено на защиту и сохранение культурных ценностей. Подписание такого Пакта, верил Н. Рерих, – «первый шаг к устранению военных конфликтов и возрождение истинного человеческого духа во всем мире» [цит. по: 1, с. 96–97].

По мнению Е.Н. Васильевой, эстетическая концепция государства, описанная Н. Рерихом, может стать ключом к формированию полноценного правового государства и выступить тем идеалом, к которому общество и государство должны стремиться [1, с. 98]. Главная обязанность правового государства, по Рериху, – «обеспечить духовную общность населения, проживающего на территории страны. Духовный рост – приоритет для государства» [цит. по: 1, с. 101–102].

Любые изменения, происходящие в обществе, подчеркивает автор, находят отражение не только в истории, праве, но и искусстве. Трансформируются общественные отношения, государственные институты и права. Еще в Древнем Египте искусство использовалось в идеологических целях. В Древней Греции произведения искусства оценивались по принципу «как мера во всем». Пифагор составлял для города законы, в которых устанавливал пределы царской власти, предписывал нормы поведения, регламентировал порядок пользования собственностью и имущественными правами, определял соразмерность преступлений и наказаний. Марксистская этика рассматривала искусство не только как фактор, влияющий на общественное развитие, но и специфический род духовно-практического освоения мира, а также органическое единство созидания, познания, оценки и отражения реальной действительности.

Таким образом, заключает Е.Н. Васильева, и в искусстве, и в праве человек мыслит образами. Право, подобно искусству, имеет дело с гармонией и должно быть направлено на гармонизацию отношений личности с обществом через образы и практику. Художественная литература формирует наше понимание таких понятий, как «гармония», «совершенство», «справедливость», «закон» и др.

Параллельно право также участвует в формировании нашего восприятия этих понятий.

Понятия справедливости и равенства, совершенства и прекрасного имеет общее происхождение, коренящееся в духовной культуре человечества. Их взаимосвязанность прослеживается на протяжении всей истории, что находит отражение как в произведениях искусства, так и в правовых актах. Это свидетельствует об универсальности данных ценностей для человека, их важности для всех сфер духовной жизни, включая искусство и право. Если в искусстве как источнике информации можно увидеть на полотнах художников, в кино и музыке особенности общественного строя, характерные для того или иного времени, умонастроение народа, его идеалы и недостатки, то право действует на общество напрямую через нормативные акты, очерчивая границы допустимого. Несмотря на то что методы искусства имеют значительное отличие от методов права, автор усматривает единую цель, заключающуюся в формировании общественного порядка и морали, воспитании личности согласно высоким нравственным идеалам [1, с. 108–115].

Нравственные основания взаимодействия права и искусства в цивилистической теории. Исследование нравственных оснований взаимодействия права и искусства, по мнению Е.Н. Васильевой, приобретает остроту в связи с проблемой релевантности происходящих деструктивных явлений на уровнях различных правопорядков. В этих условиях возрастает значение права и искусства в нравственном возрождении культуры человеческих, социальных и межгосударственных взаимоотношений. Рассмотрению сложносоставной конструкции «цивилистическая теория – нравственность – искусство» и посвящена ее следующая книга «Нравственные основания взаимодействия права и искусства в цивилистической теории» [2]. Взаимодействие права и искусства в аспекте цивилистической теории, по мнению автора, основано на двух постулатах: 1) исследуемая область научного поиска находится на пересечении компетенций гражданского (частного) права и общей теории права; 2) базовыми категориями анализа взаимодействия между правом и нравственностью являются такие понятия, как «цивилистическая теория», «нравственность», «искусство».

«Цивилистическая теория» понимается Е.В. Васильевой, как одна из форм ценностного обобщения человеческого опыта, комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение гражданско-правовых явлений и отношений, отличительными признаками которых выступают юридически

значимые свобода, независимость и самостоятельность (автономия) субъектов [2, с. 18–19, 23–24]. Искусство в целях указанного исследования рассматривается автором как специфическая форма становления, сохранения и трансляции человеческого опыта, как система, моделирующая поведенческие стереотипы в гражданско-правовой практике [там же, с. 20, 43]. Потенциал искусства в качестве моделирующей системы реализации цивилистических правоотношений обусловлен следующими его свойствами: отнесенность к сфере сознания и деятельности человека; системная связь с иными формами человеческого опыта; конкретно-всеобщая природа и ценностный подход к действительности; способность к целеполаганию и др. [там же, с. 67].

Искусство в его взаимодействии с правом и нравственностью в процессах правового воспитания, полагает Е.Н. Васильева, может рассматриваться в нескольких аспектах, как:

- фактор (условие) правовой социализации личности;
- форма образного и духовного осмысления правовой действительности;
- способ формирования нравственной системы ценностей, в том числе правовых, а также установок в правовом поведении личности;
- средство формирования активной правовой позиции индивида и првенции противоправного поведения;
- метод правового воспитания посредством нравственных постулатов;
- вид ненормативного духовно-нравственного и социокультурного регулятора и др. [там же, с. 137].

Роль искусства важна в правовом воспитании личности, в формировании представлений человека о таких понятиях, как равенство, долг, справедливость, закон, гармония и др. Искусство оказывает правовоспитательное воздействие на личность и относится к одному из наиболее значимых духовно-культурных факторов, составляющих среду воспитания [там же, с. 140].

Правовое воспитание правовое просвещение рассматриваются как деятельность (процесс) по распространению правовой культуры, осуществляемую государством, институтами гражданского общества, науки, образования и искусства и направленную: 1) на рациональную оценку правовой информации практического характера, способствующую активизации правовой жизни; 2) иррациональное восприятие правовых ценностей, способствующее формированию устойчивого духовно-нравственного уважительно-

го отношения к праву, определению ориентиров правового поведения, повышению качества правовой жизни [2, с. 152]. Искусству в процессе правового воспитания автор отводит главенствующую роль в формировании нравственного чувства – умения различать добро и зло и соответствующим образом выстраивать собственные поведенческие стратегии в повседневной жизни.

Рациональные и иррациональные основания взаимодействия искусства, философии и права. В книге «Рациональные и иррациональные основания взаимодействия искусства, философии и права» [3] Е.Н. Васильева останавливается на трех аспектах заявленной в названии темы: 1) методологические основы понимания взаимодействия искусства и философии в трактовке рационального и чувственной практики познания; 2) диалектика взаимодействия искусства и права в этом же ракурсе; 3) концепции рационального и иррационального во взаимодействии искусства, философии и права. В данном обзоре остановимся на двух важных для правоведения вопросах, освещенных наряду с другими темами в этом издании, – культурологическом подходе в методологии исследования взаимодействия искусства и права и гармонии права.

Культурологический подход к изучению взаимосвязи искусства и права выбран Е.Н. Васильевой неслучайно. Такой ракурс, подчеркивает она, «способствует раскрытию природы взаимодействия искусства и права как “символических миров” в диалектике их преемственности, взаимодействия и взаимозамещения, а также взаимодействия с другими культурными феноменами, находя общее, особенное и единичное во взаимоотношениях социальных наук (право) и искусствоведения (искусство), методически толерантно то и другое в гносеологически упорядоченное пространство, предположим, правовой культурологии (культурологии права)» [3, с. 147–148]. В связи с этим автор сожалеет, что из перечня научных специальностей 5.1.1 исключено такое направление, как «правовая культурология».

Правовая культура, равно как и правомерное поведение, правосознание, правовое воспитание, юридическое образование, подчеркивает Е.Н. Васильева, продуцируют то состояние общей культуры, в диапазонах которой можно рассуждать о правовой цивилизованности государств и их граждан, которая тяготеет к объяснению высококультурного состояния общества, приверженности общепризнанным ценностям, утверждаемым искусством и правом. Искусство и право развивается в алгоритмах общих зако-

номерностей эволюции культуры общества, вместе с тем обладают собственными особенностями и закономерностями. Архитектоника их взаимодействия объективна и конструируется в междисциплинарных исследованиях. Вместе с тем понимаемость искусства и права в качестве компонентов культуры в целом обосновывает не столько их взаимодействие, сколько единообразие целей, задач и смыслов данных феноменов [3, с. 149–153].

Иррациональные и рациональные практики познания, используемые культурологическим подходом в социогуманитаристике, в том числе правоведении, рассматриваются автором как методическое основание исследования искусства и права. «Ощущения, восприятие и представления, репрезентативные в понятиях, суждениях и умозаключениях о единообразии смыслов, реализуемых целей и задач искусства и права, транслируют в сферу искусства и юриспруденции (в идеале) ценности Гармонии и Добродетели – как паттернов (концептов) мировоззренческих и социокультурных основ данной творческой деятельности, важных для исторического процесса эволюции культурного пространства цивилизаций» [там же, с. 156.]. Для достижения цели и задач своего исследования Е.Н. Васильева использует типологию культур русского социолога и философа права П.А. Сорокина. Эта типология позволила автору показать «единообразие и взаимосовместимость целеполаганий права и искусства в установлении Справедливости, Правды, Равенства и Гармонии межличностных и социокультурных коммуникаций» [там же, с. 157].

Как можно заметить, культурологический подход в исследованиях взаимодействия социокультурных феноменов рассматривается Е.Н. Васильевой как философско-правовая система способов, методов и средств организации исследований, посредством применения которых возможно: производство междисциплинарных знаний об искусстве и праве как феноменах цивилизационного и культурного пространства, совпадающих по целям и функциям в создании духовно-нравственных ценностей; различение по способам и задачам, формализации и верификации нормативных начал, участвующих в совершенствовании личностного и социокультурного континуума; обоснование перспективной модели взаимодействия искусства и права для цивилизационного развития антропологического и государственно-правового контентов современного миропорядка [там же].

Автор прослеживает связь между искусством и политикой, влияние искусства на укрепление прав и свобод личности, форми-

рование принципов правового государства. Изучение взаимодействия искусства и права создает возможность говорить ей о едином их целеполагании; единообразном осмыслении проблем создания «продуктов» искусства и правотворчества; тождестве способов познания и схожести форм верификации концептов творчества художника и правоведа (символизм, знаковость, нормативность и др.); соотнесенности итоговых замыслов. Рассмотрение непосредственных форм взаимодействия искусства и права позволяет Е.В. Васильевой рассуждать о ценности искусства в становлении правовой гармонии.

Правовая гармония имеет свои отличительные признаки: согласованность правовых категорий, их соразмерность; пропорциональность в структуре правового аргумента и знания; взаимная связанность правовых категорий; отсутствие конфликтов и равновесие между правовыми понятиями и т.д. «Правовая гармония означает единство контрастных начал, что и определяет целостность, сбалансированность, упорядоченную организованность в праве, ту общность, которую можно представить в виде конструкта “правовое государство”» [3, с. 190]. Источником гармонии в правовой действительности является потребность человека в оценке окружающего мира и происходящих событий с эстетической позиции. Эта склонность заложена в человеке природой. Совершая ту или иную деятельность, человек опирается на чувство гармонии, и роль этого чувства рассматривается Е.Н. Васильевой как ключевая в формировании поведения человека и его реакции, в том числе на смыслы правового регулирования. «Роль искусства в данном контексте заключается в способности выступать тем регулятором, который способен научить человека воспринимать все нерелятивное, иное соответствующим образом, облегчить эстетическое видение мира» [цит. по: 3, с. 191].

Таким образом, ценность искусства для установления правовой гармонии, по Е.Н. Васильевой, состоит в создании и воспроизводстве тех идеальных образов человека, природы и окружающего мира, при помощи веры в которые происходит преобразование духовно-нравственной, этической и эстетической форм бытия, в том числе бытия в праве. Установление нормативно-ценностной правовой гармонии – цель искусства [3, с. 192–193].

Искусство и право, повторим, – феномены культуры, в том числе правовой культуры, которая входит в предмет познания юридической науки. Автор исследует многообразие подходов к пониманию правовой культуры, представленных в научной лите-

ратуре, при этом пристальное внимание уделяет взглядам Н.К. Рериха на эстетическое государство и предложенному им, как отмечалось ранее, «Пакту Мира» (известному как «Пакт Рериха»). Отметим, что Пакт был принят и подписан в 1935 г. двадцатью одним государством и стал основой для Конвенции ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, которую в 1954 г. подписали 120 стран.

В качестве главного положения правового государства, подчеркивает автор, Н.К. Рерих определяет обязанность государства обеспечить духовную общность населения, проживающего на территории страны. Достижение этой цели возможно в результате бережного сохранения имеющихся культурных ценностей и поощрения создания новых. Развитие общества при этом должно идти по пути налаживания контактов с другими культурами, а не подавления и военного захвата. «Н.К. Рерих видел в эстетическом государстве государство Возрождения, способное выстроить новую цивилизацию будущего, в котором нет войн и межнациональной розни. Для достижения такого будущего необходимо тратить всевозможные средства на развитие культуры, а не на военные нужды. Модель, предложенная Рерихом, уникальна, так как стремится объединить Восток и Запад на базе единых общечеловеческих культурных ценностей» [3, с. 200–203].

Проведенное Е.Н. Васильевой исследование показывает, что в современных сложных условиях социокультурного развития мира значительно укрепляется зависимость смыслов и содержания права, правовой идеологии, правовой психологии, правовых отношений от особенностей культурного развития конкретного общества. При этом динамика состояния правовой культуры во многом определяется общими тенденциями социокультурного развития. Однако, замечает автор, в науке не сложилось общепризнанного мнения по вопросам тенденций развития культуры в целом и правовой культуры, в частности. Проанализировав различные подходы к пониманию взаимодействия правовой культуры и искусства, она склоняется к позиции о наличии двух разноплановых тенденций развития правовой культуры: «С одной стороны, глобализация несет идею универсализма, пытающегося унифицировать правовое сознание человечества на основе прав человека. С другой стороны, мы наблюдаем стремление национальных культур к сохранению собственной культурной идентичности...» [там же, с. 212–213]. По ее мнению, правовая культура и искусство – части общей культуры человека; они выступают точкой соприкосновения культуры

и права; непосредственно связаны друг с другом, во многом обеспечивая реализацию регулятивных свойств прав, и находятся под влиянием его духовно-нравственного содержания, отображаемого в искусстве [3, с. 214]. Инновационный потенциал взаимодействия искусства и права в современной парадигме социокультурного пространства Е.Н. Васильева видит в правовом воспитании, правовом образовании, правовом просвещении.

Заключение

Книги Е.В. Васильевой, представленные в данном обзоре, – первые монографические издания в нашей стране, комплексно рассматривающие взаимодействие искусства и права. Это взаимодействие исследуется в разных его ипостасях, находя сходство и различие их природы, форм и воспроизведения, функций и др. Такие междисциплинарные подходы к изучению взаимосвязи искусства и права актуальны сегодня для правоведения, они обозначают новый вектор познания правовой реальности в синергии с искусствоведением. Культурологический подход, применяемый автором при исследовании общеправовых феноменов, можно признать одним из базовых направлений правоведения, особенно при рассмотрении вопросов правовой культуры, правового воспитания и просвещения. Неслучайно тема взаимодействия искусства и права все больше привлекает внимание российских ученых, в том числе юристов. Так, в 2023 г. в рамках XI Петербургского международного юридического форума¹ состоялась одна из его сессий, названная «Визуализация права: форма интеграции и тенденции развития права и искусства»². В 2024 г. на XII Петербургском международном юридическом форуме участники сессии «Слово

¹ Петербургский международный юридический форум – крупнейшая площадка для диалога между представителями юридического, предпринимательского, политического и правоохранительного сообществ по вопросам права в интересах граждан, бизнеса, совершенствования правоприменительной практики, продвижения законодательных инициатив в целях развития правовой культуры и регулирования социально-экономической сферы в современных условиях. Форум проводится Министерством юстиции Российской Федерации и Фондом Росконгресс в соответствии с Указом Президента РФ от 15.02.2022 г. № 55)

² Визуализация права: форма интеграции и тенденции развития права и искусства: сессия XI Петербургского международного юридического форума 12.05.2023 г. – URL: <https://legalforum.info/news/vizualizatsija-prava-forma-integratsii-i-tendentsii-razvitiya-prava-i-iskusstva/> (дата обращения: 11.12.2024).

юриста: визуализация права 2.0» обсуждали, как выбрать между красивым художественным вымыслом и «правовой правдой»; чем юрист готов поступиться и на что закрыть глаза в произведении искусства, а что неприемлемо; уместно ли участие юриста в создании пьес и сценариев фильмов; можно ли через искусство повысить правовую грамотность общества. По мнению ее модератора, декана факультета права НИУ ВШЭ, доктора юридических наук, профессора В.А. Виноградова, общее в праве и искусстве то, что они отражают почти все стороны жизни. Искусство и право – это «соединение двух зеркал, которые смотрят друг на друга. Право регулирует и искусство, потому что объекты искусства – это объекты правового регулирования. А культура и искусство в той или иной степени отражают право. В то же время право можно назвать искусством достижения добра и справедливости»¹.

Список литературы

1. Васильева Е.Н. Искусство и его роль в формировании правового государства. – Москва: Издат дом. В. Ема, 2024. – 248 с.
2. Васильева Е.Н. Нравственные основания взаимодействия права и искусства в цивилистической теории. – Москва: Издат. дом. В. Ема, 2024. – 256 с.
3. Васильева Е.Н. Рациональные и иррациональные основания взаимодействия искусства, философии и права. – Москва: Издат дом. В. Ема, 2024. – 287 с.

¹ Право в искусстве и искусство в праве: сессия «Слово юриста: визуализация права 2.0». 26 июня 2024. XII Петербургский международный юридический форум. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/pravo-v-iskusstve-i-iskusstvo-v-prave/> (дата обращения: 11.12.2024).

СКУРКО Е.В.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЭСТЕТИКА ПРАВА: ОТ МЕТОДОЛОГИИ К ФОРМАМ ПРОЯВЛЕНИЯ / под ред. Камиля Зейдлера, Джоанны Камьен.

SKURKO E.V. Book review: Aesthetics of Law: From Methodology to Manifestations / ed. by Kamil Zeidler, Joanna Kamien. – Cham: Springer, 2024. – 430 p.

Ключевые слова: эстетика в праве; искусство и право; право и литература; юридическая литература; правовая культура; юридическая эстетика.

Keywords: aesthetics in law; art and law; law and literature; legal literature; legal culture; legal aesthetics.

Для цитирования: Скурко Е.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер.: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 179–185. – Рец. на кн.: Эстетика права: от методологии к формам проявления = Aesthetics of Law: From Methodology to Manifestations / ed. K. Zeidler, J. Kamien. – Cham: Springer, 2024. – 430 p. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.02.15

Эстетика права изучает взаимосвязь между правом и красотой, выявляет эстетические ценности в праве, искусстве и культуре. Она демонстрирует влияние правовых норм на то, что в широком смысле можно назвать красотой, позволяет рассматривать право как инструмент эстетизации. Изучая все эти явления, эстетика права дает нам возможность увидеть право более ясно и глубоко. Более того, закон не функционирует и никогда не функционировал отдельно от средств его выражения, которые подлежат эстетической интерпретации.

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

В 2024 г. в серии книг издательства Шпрингер «Право и визуальная юриспруденция» («Law and Visual Jurisprudence») вышла в свет коллективная монография под редакцией сотрудников факультета права и управления Университета Гданьска Камиля Зейдлер и Джоанны Камьен «Эстетика права: от методологии к формам проявления». Эстетика права, подчеркивают во введение редакторы, может исследоваться в трех «ипостасях»: путем выявления эстетических ценностей в правовой материи; посредством форм выражения права в искусстве и материальной культуре и определения воздействия права и правовых норм на сферу прекрасного (право, как инструмент эстетизации). Основной тезис исследования – право не может функционировать в отрыве от своих выразительных средств, которые могут подлежать эстетической оценке (р. 2).

Право является одним из наиболее сложных явлений, с которым люди постоянно и непосредственно сталкиваются в жизни. Эстетика визуализирует право через многообразие различных культурных форм – в архитектуре зданий парламентов и судов, атрибутах одежды и поведении судей, адвокатов и прокуроров, обвиняемых и потерпевших, борцов за права человека, в трудах ученых-юристов и др. Право предстает перед человеком томами кодексов и папками судебных дел, текстами конституций государств или в судебных речах. Во всем этом и в множестве других форм в восприятии человека проявляется сложная сущность, уместяемая в коротком слове – право (*ius et lex*) (р. 2–3).

Важно подчеркнуть, что формы выражения права представляют интерес для многих исследователей эстетики права. Взгляд на право с позиций эстетических ценностей и воззрений, как это удачно сделали авторы монографии, позволяет не только увидеть право во всем его многообразии, но и открывает человеку глаза на его содержательную «красоту», архитектуру, истинность, справедливость и ценность. Эстетические воззрения заставляют людей искать в правовой материи и проявлениях идеальную триаду ценностей: *verum, bonum, pulchrum* – истинное, благое, прекрасное. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать прекрасным то, что не является благом и истиной? Именно поэтому авторский коллектив взялся за труд написания данной монографии, сосредоточенной на исследовании эстетики права.

Несмотря на то что известно немало трудов по эстетике права, о правовой материи по-прежнему редко думают с позиции ее эстетической оценки. В многочисленных исследованиях право в

первую очередь, связывают с такими ценностями, как справедливость, равенство, безопасность, благо и истина. Как правило, публикации, затрагивающие сферу эстетики права, – это рассуждения о праве, где акцент с содержания переносится на форму выражения права, с предмета – на символическое значение правовых понятий и институтов. Следует обратить внимание на то, что авторы данного исследования рассматривают право не только и не столько как «информацию» (message), но как выражает она суть права, включая весь набор используемых средств, а также красоту и совершенство его форм. Такой подход позволяет увидеть в праве подлинное искусство, его самобытную форму. Предпосылкой для эстетического осмысления права может служить широко известная древняя максима – *ius est ars boni et aequi* (с лат. – *право есть искусство добра и справедливости*), отождествляющая право с искусством (р. 4).

Данная коллективная монография содержит более 20 глав, отличающихся тематическим разнообразием. Они написаны исследователями из разных стран – Австралии, Бельгии, Бразилии, Германии, Ирландии, Италии, Канады, Польши, США, Японии. Уже это позволяет говорить о широте и сложности предмета, множественности взглядов на эстетику права.

Первые главы работы посвящены общим вопросам теории эстетики права. Интересен взгляд на право через метафору «сада» – пространства, созданного не просто из прагматических соображений либо в эстетических целях, но идеально спланированного, структурированного, продуманного места, в создание, поддержание и развитие которого человек вкладывает значительные усилия (р. 13).

Другая точка зрения на проблему эстетики права сфокусирована на сравнении процедуры правотворчества с процессом создания произведения искусства. Общие авторы видят в том, что искусство требует художника и искусствоведа для интерпретации произведений, точно так же и право нуждается в профессиональных юристах, толкующих нормы права. Поэтому стоит согласиться с авторами, полагающими, что «норма права не является самодостаточной, если отбросить функцию ее создания и толкования» (р. 51).

Интересно и следующее авторское сравнение юридического суждения с эстетической оценкой: «если “красота” – это эстетическое суждение, “справедливость” – юридическое суждение, следовательно, верно и то, что, если художник должен создавать (и соз-

даст) прекрасное произведение искусства, судья должен выносить (и выносит) справедливый (а не просто судебный) приговор» (р. 31).

Взаимосвязь между искусством и судебной деятельностью авторы усматривают в эстетике судебного заседания, его традиционных формах и их трансформации под влиянием новых видов коммуникации, развития социальных сетей, других технологических достижений. В связи с этим познавательными для читателя могут стать представленные в книге наблюдения исследователей о «культурной визуализации» в современной юриспруденции, их предложение выделить в отдельное понятие «судейское искусство». Такой подход значительно оживляет работу (р. 177).

Еще один аспект эстетики права вызывает научно-практический интерес – обсуждение идеи о том, что искусство – это важный элемент в борьбе с преступностью, а также в понимании того, что аморально, неэтично и вредно. Искусство в лице артистов, художников, искусствоведов, музейных работников не остается равнодушным и реагирует на текущие события и конкретные обстоятельства, порой звучат особые «комментарии» от людей искусства, выступающих в защиту жертв преступлений, а иногда, напротив, обвиняемых или подсудимых (р. 221). Подчеркивается, что в образительном искусстве юридические темы и мотивы часто становятся лейтмотивом документальных, художественных и музыкальных произведений.

Богатая юридическая символика является объектом для многих произведений искусства – от живописи и графики до скульптуры, фотографии и даже карикатуры. В этом смысле право служит средством выражения этих видов искусства, но не только: подобно искусству, право способно влиять на своих «адресатов», поскольку получает новый для себя способ оказывать влияние на человека – через произведения искусства. Показательно то в этой книге, что авторы концентрируют внимание на отражении в искусстве историй о справедливости, по-своему уникальных и в искусстве, и в праве.

Известно, что одним из наиболее развитых направлений исследований в сфере эстетики права является тема *право и литература*. Например, уже в 1920–1930 гг. в США известные судьи и правоведы, такие как Дж. Вигмор, Б. Кардозо и др., доказывали необходимость включения курса изучения литературы в программу подготовки студентов-юристов. Кроме того, они непосредственно использовали ссылки на литературные произведения, цита-

ты из них, в своих судебных решениях. Неслучайно тема права и литературы занимает важное место и в данной монографии. По сути, авторы выявляют и рассматривают новые и традиционные области взаимодействия права и литературы (р. 75). Например, направление исследований «право в литературе», как отмечают авторы, традиционно касается вопросов, фокусирующихся на анализе литературных произведений, содержащих правовой контекст. Здесь проводится анализ мотивов и обстоятельств, отсылающих к праву и позволяющих его описывать в литературных произведениях всех жанров – эпических, лирических и драматических. Со временем предмет изучения по данному направлению значительно расширился, вышел за рамки исключительно литературных произведений. Например, используя этот же исследовательский инструментарий, можно анализировать произведения, находящиеся на стыке литературы и журналистики, такие как репортажи, эссе, статьи, стихи и т.д. Такой подход можно применить к исследованиям по направлению «право в кино» (р. 77).

Если говорить о следующем направлении исследования, как *право, как литература*, то здесь авторы фокусируются на литературных качествах нормативных правовых актов и актов правоприменения, трудах по юриспруденции и др., литературно-критическом анализе структуры, семантики и стиля юридических текстов, инструментах, предоставляемых литературоведческими методиками и исследованиями (р. 79).

Еще один важный аспект находит отражение в данной работе – *право о литературе*. Речь идет о пределах вмешательства законодателя в литературное творчество. В основном это вопросы, относящиеся к сфере конституционной свободы художественного выражения, составной части свободы личности, свобода выражения своего мнения в современном государстве. В фокусе внимания – проблемы установления ограничений свободы литературного творчества с использованием правовых инструментов. Эти вопросы вписаны в более широкую тему свободы художественного выражения и гипотетических санкций за превышение ее пределов. Сюда же относятся вопросы цензуры. Согласимся с авторами в том, что вопросы регулирования авторского права в существенной части представляет собой сложные отношения между правом и литературой (ibid.).

Впечатляет и такое перспективное направление исследований, как *литература в праве*, т.е. изучаются ссылки на литературу и ее авторов, содержащиеся в юридических текстах. Например,

когда законодатель или правоприменитель обращаются к литературным произведениям, создавая нормативные акты или акты правоприменения либо аргументируя позиции в правотворчестве или судебном процессе (р. 80). Такого рода отсылки к различным литературным произведениям весьма характерны для судов англосаксонской правовой культуры. Это дает интересную информацию о тех аспектах, которые участники судебного процесса хотят подчеркнуть с помощью литературных мотивов.

В монографии выделяется и такое направление исследований, как *литература, как право*. Здесь авторы обращаются к источникам права, тем литературным произведениям, которые со временем стали законом. Это, в первую очередь, римское право, которое развивалось, зачастую непосредственно, из положений юридической доктрины. Как замечают авторы, «тексты этих источников вызывают восхищение по сей день» (ibid.).

Отдельного внимания заслуживает исследование такого направления связи права и литературы, как *юридическая литература*, ее «эстетический анализ». Примерами может служить образ некоего придуманного Р. Дворкиным юриста, обладающего сверхчеловеческой квалификацией, ученостью, терпением и проницательностью, идеального судьи Геркулеса, или воображаемого Л. Фуллером короля Рекса и др. (ibid.).

Еще одна интересная тема поднимается в книге – язык и формы его выражения и понимания. Исследователи справедливо подчеркивают, что в рамках одного и того же языка, используемого определенной группой людей, нередко создается текст, принимающий множество различных форм, который может быть различным образом понят или даже не воспринят некоторыми вообще. Юристы не обладают какими-то исключительными знаниями, когда дело доходит до понимания различных текстов. Напротив, они нередко замыкаются в своем образе мышления и словарном запасе, повторяют стандартные фразы, и часто ограничиваются обработкой материалов дела и фактов, опираясь на понятия, предусмотренные законом, что, по мнению авторов, говорит об их «профессиональной инвалидности» (occupational disability). Поэтому важно, чтобы практикующие юристы, так и ученые-правоведы, черпали свое вдохновение из литературы. Это позволяет найти пути общения, преодолеть разногласия с участниками процесса (р. 82).

Право, как и искусство, в своем роде «манифест». Искусство, и право можно и нужно использовать, чтобы привлечь внимание общества к различным социальным проблемам и необходимо-

сти перемен. Редакторы книги – К. Зейдлер и Д. Камьен, убеждены, что исследования в сфере эстетики права могут иметь прикладное значение, например, в процессе создания и применения права, его толкования, а также в целях лучшего понимания права широкой общественностью, роста правовой культуры (р. 11).

Несмотря на то что книга не содержит «прорывных идей» в области эстетики права, она затрагивает многие аспекты «красоты права» с точки зрения искусства, его общественного и культурного значения. Данная монография придает новое звучание традиционным вопросам юридической эстетики, взаимоотношениям права, культуры и общества. Книга может быть полезна правоведам, другим представителям общественных наук, а также искусствоведам и представителям творческих профессий.

УДК 341, 342

DOI: 10/31249/iajpravo/2025.02.16

ГЛОТОВ С.А.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СПОРТ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА / под ред. Вероник Буайле, Софи Веертс, Андреаса Р. Зиглера.

GLOTOV S.A. Book review: Sports and Human rights / eds. Veronique Boillet, Sophie Weerts, Andreas R. Ziegler. – Lausanne: Springer, 2024. – 341 p.

Ключевые слова: спорт; профессиональный спорт; права человека; международное право прав человека; спортсмен; международные федерации; ЮНЕСКО; допинг и борьба с ним.

Keywords: sport; professional sport; human rights; international human rights law; athlete; international federations; UNESCO; doping and the fight against it.

Для цитирования: Глотов С.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 186–194. – Рец. на кн.: Спорт и права человека / под. ред. Вероник Буайле, Софи Веертс, Андреаса Р. Зиглера. – Лозанна: Шпрингер, 2024. – 341 с. = Sport and Human Rights / eds. Veronique Boillet, Sophie Weerts, Andreas R. Ziegler. – Lausanne: Springer, 2024. – 341 p. DOI: 10/31249/iajpravo/2025.02.16

Книга «Спорт и права человека» представляет собой коллективную монографию 20 авторов, вышедшую в серии «Международные исследования в области прав человека», издаваемой юридическим факультетом Университета Эрлангена-Нюрнберга имени Фридриха-Александра (Германия).

Довольно объемная книга состоит из введения, 11 глав, заключения, которые также имеют свою структуру, выводы и за-

¹ Глотов Сергей Александрович – ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридический наук, профессор.

ключения. Авторами этих глав выступают ученые из Великобритании, Германии, США, Швейцарии. Междисциплинарный и, как видим, межстрановой подходы отличают это исследование по тематике прав человека в сфере спорта.

Уже во введении к монографии обращается внимание на то, что: 1) права человека являются одним из краеугольных камней современного международного права и глобального управления; 2) они фактически и потенциально часто нарушаются в свете всевозможных нынешних кризисов; 3) необходимы новые междисциплинарные исследования в области прав человека (в том числе в спорте). С этим трудно не согласиться. Тем более, что работ по праву в сфере спорта в современной России, и, в целом, в мире, не так много.

Значение темы исследования и ее актуальность на протяжении XX и первой четверти XXI в. ответственные редакторы этого издания – В. Буайле, С. Веертс и А.Р. Зиглер – подчеркивают в общем введении к монографии, которое начинается с краткого описания фактов протеста в ходе ряда Олимпийских игр в Афинах – 1905, Лос-Анджелесе – 1932, Мехико – 1968, Лондоне – 2012, Рио-де-Жанейро – 2016 со стороны конкретных спортсменов в защиту человеческого достоинства, свободы личности и равенства между людьми. Это подтверждает тот факт, что «спортивная среда не отделена от основных социальных проблем современности: она представляет собой общественное пространство, в котором можно и нужно осуждать несправедливость, а также “театр”, в котором увековечиваются предрассудки в отношении различных сторон, таких как спортсмены или рабочие» (р. 2).

Редакторы правильно замечают, что международное право в области прав человека (МППЧ) решает проблемы, связанные с посягательствами на достоинство личности и социальную справедливость, с правами отдельных лиц, гарантиями и механизмами их защиты. Однако актуальным остается вопрос о том, может ли МППЧ решать проблемы, возникающие в спортивной практике и спортивной среде. Именно этот вопрос лежит в основе данной книги, целью которой является изучение потенциальных средств защиты, которые может предложить МППЧ для борьбы с различными злоупотреблениями в спорте (*ibid.*). В данном исследовании речь идет, в первую очередь, о спортсменах высокого (олимпийского) уровня, о спорте высших достижений, положение дел в котором описывается в той или иной мере в главах монографии с

позиции как спортсменов, так и организаторов спортивной деятельности.

Редакторы монографии заявляют о своей солидарности с теми исследователями, кто утверждает, что «спортивные руководящие органы больше не могут позволить себе не соблюдать стандарты в области прав человека. Недавние дела, такие как решение Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) *по делу Кастера Семеня*, о применении принципов прав человека к международным спортивным организациям и о позитивном обязательстве государств уважать, защищать и продвигать права человека» (р. 2).

«Большой спорт», спорт высших достижений, профессиональный спорт, политическая и правовая практика его руководящих органов (Международного олимпийского комитета, различных международных спортивных организаций, например, Ассоциации международных федераций летних Олимпийских игр (ASOIF), Ассоциации международных федераций зимних видов спорта (FIWF), Ассоциации национальных Олимпийских комитетов (ANOC)), не могут быть абсолютно автономны и позволить себе нарушать права и свободы спортсменов и тех, кто находится рядом с ними, обслуживает, обеспечивают работу профессионального спорта, спорта высших достижений.

В качестве аргументов В. Буайле, С. Веертс и А.Р. Зиглер приводят следующие: эволюция самого МППЧ в сторону активизации своей деятельности по защите прав спортсменов и работников (сотрудников) отрасли. Международные организации, полномочные в сфере защиты прав человека, расширили спектр своих инструментов в целях выполнения обязательств по защите прав человека. Немаловажную роль в реализации полномочий и обязательств международных организаций в области прав человека играет государственная политика стран – членов этих международных организаций. С этой точки зрения принятые на межправительственном или внутригосударственном уровнях документы представляют собой то, что юристы называют «мягким правом». Включение прав человека в сферу государственной политики позволяет привлечь другие заинтересованные стороны и лица, такие, например, как гражданское общество и бизнес.

Важно, что авторы данной книги, придерживаются принципа, закрепленного в ряде международных документов: лица, которые занимаются спортом в профессиональной или полупрофессиональной среде, «рядовые» спортсмены не должны подвергаться дискриминации по признаку пола или национальности, свободы

выражения мнений. В связи с этим раскрывается та заметная роль, которую сегодня в области прав человека играют международные организации в правовом регулировании спортивной деятельности, а также государства проживания спортсменов. Эти два уровня правового регулирования нередко вступают в противоречие друг с другом, а также со «швейцарским» законодательством, поскольку именно на территории Швейцарии расположены руководящие и контрольные органы Олимпийского движения (например, Спортивный арбитражный суд, CAS, в Лозанне) и управления спортом.

Отмечается, что растущая экономическая мощь глобальных государственных корпораций повышает уязвимость спортсменов в их спортивной деятельности. По мнению авторов монографии, это приводит к умалению роли европейского законодательства о правах человека в области управления спортом. Под угрозой находится право спортсменов на вероисповедание, право на неприкосновенность частной жизни, а также борьба с допингом (как отдельная тема), в том числе деятельность Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) (р. 3). В таких условиях сомнению подвергается и автономность деятельности международных и национальных спортивных организаций, на которые также отказывается серьезное воздействие со стороны правительств и бизнеса, что не может не отражаться и на профессиональных спортсменах. В связи с этим авторы монографии сосредоточивают свое внимание на проблематике свободы вероисповедания и на праве спортсменов на неприкосновенность частной жизни, на практике применения законодательства о правах человека в области спорта, а также на соблюдении законности в управлении спортом.

Авторы убеждены в том, что международные виды спорта не должны подвергаться политическому влиянию своих государств: спортсмены должны быть свободны в организации своей деятельности в соответствии с конкретными потребностями выбранного ими вида спорта. Отсутствие государственного вмешательства служит идеи самоуправления в области спорта, где возможность привлечения спонсоров и широкой общественности является важным показателем успеха (р. 8). На практике в некоторых государствах вмешательство в деятельность национальных спортивных ассоциаций является более выраженным, что противоречит международному праву спорта. Авторы также подчеркивают, что в сфере спорта по-прежнему отсутствуют некоторые необходимые международные договоры и организации и что спорные вопросы, во многом решаются самими международными спортивными фе-

дерациями по своему усмотрению или национальными государствами, в соответствии со своим законодательством. Исключение составляет политика в сфере борьбы с допингом, поскольку существует Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте 2005 г., насчитывающая в 2023 г. 191 государство-участник, и созданное в 1999 г. по инициативе МОК Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА).

Важную роль в развитии спорта, по мнению авторов, играет деятельность Спортивного арбитражного суда (CAS) (создан в 1984 г.), решения которого могут быть оспорены только в Федеральном суде Швейцарии, что повышает автономность деятельности Спортивного арбитражного суда в отношениях с другими правительствами стран и мира. Так как этот Суд имеет основополагающее значение для защиты прав спортсменов (человека), деятельность Спортивного арбитражного суда стала предметом тщательного анализа, и многие главы этой книги непосредственно посвящены ее структуре и функционированию. Недавняя судебная практика Федерального суда Швейцарии (который является единственным национальным учреждением, оспаривающим решения Спортивного арбитражного суда) и национальных судов, имеющих отношение к спорам, разрешаемым Спортивным арбитражным судом, показали, что система оспаривания решений этого Суда несовершенна и нуждается в изменении (р. 9).

Авторы отмечают, что на ранних этапах изучения темы «Спорт и права человека» спорт рассматривался как средство личностного развития, однако в последнее время это направление развивается по пути признания прав человека, прежде всего спортсменов, на которых оказывают влияние спортивные организации и мероприятия. В 1978 г. ЮНЕСКО в Международной хартии физического воспитания провозгласила право каждого на спорт и физическое воспитание. Признание спорта как фактора формирования идентичности и личностного развития также подтверждается международными конвенциями о борьбе с расизмом, правах детей и правах инвалидов. Начиная с 2000-х годов международный подход к спорту приобрел институциональное измерение. В рамках ООН спорт стал инструментом, способствующим достижению целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия (2000–2015), и целей в области устойчивого развития (2015–2030). В 2001 г. Генеральный секретарь ООН назначил Специального советника по спорту на благо развития мира; была так-

же создана целевая группа из представителей нескольких учреждений ООН (ЮНЕСКО, МОТ, ВОЗ, ЮНИФЕС и ПРООН).

Важно подчеркнуть, что в книге проводится мысль о том, что спорт является не только средством, помогающим людям развивать свою самостоятельность и пользоваться своей свободой, но и инструментом государственной политики. Спорт рассматривается как средство достижения целей в борьбе с бедностью и утверждении мира, а также как вклад в развитие личности. Такое инструментальное и социальное понимание спорта привело к тому, что он стал неотъемлемой частью государственной политики, которая может быть реализована на международном или национальном уровнях (р. 9–10).

Большое внимание авторы обращают на такую новую проблематику, как влияние транснациональных частных организаций на соблюдение прав человека. По их мнению, рост экономической глобализации и появление транснациональных экономических игроков изменили классическую точку зрения на МППЧ и предложили новый путь защиты прав человека (р. 10).

Так, в 2007 г. Специальный представитель Генерального секретаря ООН по правам человека и транснациональным корпорациям, и другим коммерческими предприятиям Джон Рагги рекомендовал транснациональным организациям принять подход, основанный на рисках в области прав человека, в своем управлении. В рекомендации предлагалось связать элементы международного права, ориентированного на государство, не только с национальным законодательством и правовыми институтами, но и с потенциалом рынка (*ibid.*).

Такой подход был одобрен в 2011 г. Советом ООН по правам человека в качестве «Руководящих принципов предпринимательской деятельности и прав человека» (англ. *The United Nations Guiding Principles on Business and Human Rights, UNGPs*) – принципы для осуществления рамок Организации Объединенных Наций в отношении «защиты, соблюдения и средств правовой защиты». Этот акт признается первым общепризнанным глобальным международным стандартом в области прав человека и бизнеса; он включает в себя 31 принцип. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН включают в себя три основных элемента для внедрения этих рамок: государственная обязанность защищать права человека; корпоративная ответственность за соблюдение прав человека; доступ к средствам правовой защиты в случае нарушения.

Данный документ предлагает государствам и деловым организациям всеобъемлющий перечень мер по смягчению негативного воздействия бизнеса на права человека. Это отражается и на спортивной сфере, особенно в том, что касается организации мегаспортивных мероприятий, которые высвечивают темную сторону международных спортивных соревнований и управления ими. Такие мероприятия, в которых задействовано множество участников, от международных спортивных организаций до местных подрядчиков, размывают цепочку ответственности; некоторые из этих мероприятий привели к изгнанию уязвимых групп населения и эксплуатации работников (например, летние Олимпийские игры в Лондоне в 2012 г., летние Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро в 2016 г., чемпионат мира по футболу в Катаре в 2022 г.). Частные спортивные организации больше не остаются вне поля зрения правозащитников. Специфическая институциональная структура спортивных организаций (часто децентрализованная и пирамидальная структура) продолжает вызывать споры относительно правового статуса и обязательств с точки зрения прав человека (р. 10).

Интересно и похвально то, что авторы монографии выступают за расширение перечня прав человека, включив в него право на спорт для всех. Такое право, по их мнению, будет гарантировать инклюзивный и недискриминационный доступ к спортивным мероприятиям и укрепит единство разрозненных требований, основанных на других правах человека, таких как право на участие в культурной жизни, право на образование и право на здоровье (р. 60).

Чтобы эти и другие предложения «не повисли в воздухе», а были реализованы на практике, авторы предлагают, например, принять Международную хартию по борьбе с дискриминацией в спорте и создать международное подразделение по борьбе с дискриминацией в спорте; вводить на регулярной основе новые критерии отбора участия в соревнованиях мужчин и женщин; внести в Олимпийскую хартию поправки, которые в значительной мере отменят дискриминацию по признаку гражданства и национальной принадлежности, условий смены гражданства, ликвидации спортивного безгражданства (р. 150–180).

Так, например, в марте 2023 г. Международная федерация легкой атлетики (World Athletics) приняла решение обновить свои противоречивые «Правила допуска к участию в женской классификации (спортсмены с различиями в развитии по признаку пола)», которые часто называют «Правилами DSD», чтобы исключить всех трансженщин, которые пережили «мужское половое

созревание» после второй стадии Таннера или после 12-летнего возраста (в зависимости от того, что наступит раньше). Согласно обновленным правилам DSD, женщины-спортсменки с определенными различиями в половых признаках, которые приводят к повышению уровня тестостерона за пределами «нормального» женского диапазона, исключаются из всех соревнований мирового рейтинга, если только они не снизили свой уровень тестостерона ниже 2,5 нмоль/л на непрерывный период не менее 24 месяцев и до тех пор, пока они хотят сохранить право участвовать в соревнованиях. Любой соответствующий спортсмен обязан сообщить Международной федерации легкой атлетики, когда у него могут быть такие различия в половых признаках, и его могут попросить пройти тестирование на модели, основанной на подозрениях. Хотя ни один спортсмен не может быть принужден к прохождению тестирования или определенных форм лечения, все соответствующие спортсмены обязаны добросовестно сотрудничать и будут отстранены от соревнований, если им не удастся снизить свой уровень тестостерона до требуемого уровня или они не будут сотрудничать с Международной федерацией легкой атлетики (р. 150–180).

Еще один вопрос рассматривается в книге – безгражданство спортсменов. Для спортсмена, имеющего более одного гражданства, согласно Олимпийской хартии может быть ограничено право национальной команды вносить изменения в первоначальный ее состав национальной команды, т.е. спортсмены, имеющие гражданство более чем одного государства, могут быть ограничены в выборе спортивного гражданства государством, с которым человек имеет наиболее тесные связи, хотя законодательство в области прав человека не требует такой практики. Если спортсмен может продемонстрировать более тесную связь, то изменение должно вступить в силу немедленно, с аналогичными условиями компенсации, которые обсуждались выше. Обязательный период ожидания неприемлем ни при каких обстоятельствах, поскольку это может привести к «спортивному безгражданству».

На самых разнообразных спортивных соревнованиях по всему миру национальность уже не имеет значения. От Уимблдона до Бостонского марафона национальность участников – это скорее вопрос любопытства, а не квалификации. Если олимпийские игры также откажутся от национального режима, спортсмены будут взаимодействовать как личности, подталкивая друг друга к вершинам физического и умственного совершенства, а не как доверенные лица национальных правительств. Это, по мнению авто-

ров, – тот спортивный и социальный идеал, который стоит представить миру (р. 150–180).

Данная монография завершается рассуждениями Антонио Ди Марка о концептуализации права на спорт и ответом на вопрос: почему участие в спортивной жизни должно рассматриваться как важное право в системе прав человека. Отвечая на него, автор подчеркивает, что право на занятия спортом особенно важно для обеспечения эффективной правовой защиты прав человека в спортивном контексте. Обладая этим правом, спортсмены могут реализовывать и отстаивать другие права. Если требование участвовать в определенных физических и спортивных мероприятиях признается действительным правом человека, закрепленным в Олимпийской хартии, то, считает автор, «мы могли бы предположить, что в такой ситуации также должны применяться международные и европейские основополагающие стандарты (в частности, универсальный принцип гендерного равенства, недискриминации и социальной интеграции в спорте и посредством спорта)» (р. 180).

Таким образом, право человека на спорт, каким бы сложным оно ни было, заслуживает такого значимого и четкого признания, как это сделано авторами данной монографии. Однако для того, чтобы такое признание было предоставлено, оно должно быть юридически обоснованным. Только юридически обоснованное право на занятия спортом может быть также политически обязательным.

Данное исследование может быть высоко оценено с научной и практической точек зрения и рекомендовано к прочтению правоведам, политикам и спортивным деятелям.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО**
2025 – № 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 25.04.2025

Формат 60×84/16

Цена свободная

Усл. печ. л. 12,25

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 800 экз.

Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6

